

2022. Т. 13. № 2

Учредитель и издатель:

Московский педагогический государственный университет

Издается с 2010 г.

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС 77–67762 от 17.11.2016 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ

07.00.02 Отечественная история	5.6.1. Отечественная история
07.00.03 Всеобщая история	5.6.2. Всеобщая история
07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования	5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
07.00.15 История международных отношений и внешней политики	5.6.7. История международных отношений и внешней политики
23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки	<i>Находится на перерегистрации</i>
23.00.02 Политические институты, процессы и технологии	5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
23.00.03 Политическая культура и идеологии	<i>Находится на перерегистрации</i>
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития	5.5.4. Международные отношения
23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика	<i>Находятся на перерегистрации</i>
23.00.06 Конфликтология	

Адрес редакции:

109240, Москва, ул. В. Радищевская, д. 16–18, каб. 223

Сайт журнала: j-locus.ru E-mail: izdat_mgopu@mail.ru**Подписной индекс журнала** по Объединенному каталогу«Пресса России» – **85007**

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

2022. Vol. 13. No. 2

**The Founder
and Publisher:**

Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate

ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:

Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list of the leading peer-reviewed scholarly journals the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation recommended to PhD candidates and those working for their habilitation who wish to publish the results of their research

The journal has been published since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*)

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*)

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*)

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; проректор по научно-исследовательской работе Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва; профессор кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Московского государственного областного университета

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания

Джованни Савино – PhD (история); доцент Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва; доцент департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Историко-филологического института Московского государственного областного университета

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий факультета прикладной политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Алек Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; старший научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Editorial Board

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*editor-in-chief*)

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Head at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*deputy editor*)

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor at the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation (*executive secretary*)

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Director at the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Vice-Rector for Research, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Russian Federation

Alek Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher at the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher at the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Andrey V. Manoilo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University, Russian Federation

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies “Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies”, Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom

Giovanni Savino – PhD in History; Associate Professor at the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor at the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University, Russian Federation

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

Ivan G. Zhiryakov – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History, Archeology and Methodology of Historical Science of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University

Содержание

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

И.Х. Шонус

«Благое деяние в пользу общества»: социкультурные паттерны российского волонтерства (вехи отечественной истории) 11

В.Ю. Захаров, В.А. Волков

Избранная Рада и Негласный Комитет: сравнительный анализ. 22

В.Н. Горлов, С.Н. Артемов

Хрущёвская «оттепель» и десталинизация архитектуры в 1950-е гг. 44

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Р.А. Орехов

К вопросу о появлении чумы в Древнем Египте 60

М.К. Чиняков

«Армия» Самори Туре: организация, вооружение и тактика (1870–1890-е гг.) 78

Н.В. Авдеева

Взгляды ранних мариавитов на роль католической церкви в польской истории (по материалам «Мариавитских ведомостей» 1907–1914 гг.) 88

А.М. Родригес-Фернандес

Экономический и социально-политический кризис в аравийских монархиях (1980-е гг.) 97

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.М. Новоторцева

Институт Русской православной церкви как инструмент усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в арабских странах Ближнего Востока в 1958–1960 гг. 111

ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ,
ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.В. Карадже

Темпоральность как динамическая характеристика
изменений социальной системы 130

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ,
ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Ю.А. Пустовойт, В.С. Пель, С.М. Коба

Теории поколений о факторах
социально-политической динамики.
Реконструкция теоретического поля 144

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

В.Э. Молодяков

Восстановление исторической справедливости.
Рецензия на книгу: Бурлаков А.Н.
Петэн. Последний великий француз 159

Contents

RUSSIAN HISTORY

I.Kh. Shonus

“Good act for the benefit of the society”:
Socio-cultural patterns of the Russian volunteering
(milestones of national history) 11

V.Yu. Zakharov, V.A. Volkov

The Chosen Council and the Secret Committee:
Comparative analysis 22

V.N. Gorlov, S.N. Artemov

Khrushchev’s “thaw” and the de-Stalinization
of architecture in the 1950s 44

GENERAL HISTORY

R.A. Orekhov

On the question of the appearance
of plague in Ancient Egypt 60

M.K. Chinyakov

Samori Toure’s “Army”:
Organization, weapons, and tactics (1870–1890s) 78

N.V. Avdeeva

Views of the early Mariavites
on the role of the Catholic Church
in Polish history (based on the source
of “The Mariavite News” in 1907–1914). 88

A.M. Rodrigues-Fernandes

Economical, social, and political crisis
in Arabian monarchies (1980’s) 97

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

A.M. Novotortseva

Institute of the Russian Orthodox Church
as an instrument of strengthening the foreign policy influence
of the Soviet Union in the Arab countries of the Middle East
in 1958–1960 111

THEORY AND PHILOSOPHY OF POLITICS,
HISTORY AND METHODS OF POLITICAL SCIENCE

T.V. Karadzhe

Temporality as a dynamic characteristic processes
and changes in the social system 130

POLITICAL INSTITUTIONS,
PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Yu.A. Pustovoyt, V.C. Pel, S.M. Koba

Generational theories about the factors
of socio-political dynamics.
Reconstruction of the theoretical field 144

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

V.E. Molodyakov

Restoration of historical justice. Book review:
Burlakov A.N. Pétain. The last great Frenchman. 159

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-11-21

И.Х. Шонус

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

«Благое деяние в пользу общества»: социокультурные паттерны российского волонтерства (вехи отечественной истории)

Традиция русской благотворительности, восходящая к глубокой древности, заслуживает изучения, поскольку несет в себе потенциал развития общества на духовно-нравственных ценностных основаниях, присущих российской цивилизации: милосердию, взаимопомощи, соборности. Вместе с тем, изучению паттернов и важных этапов развития благотворительности в России, в чем можно найти истоки современного волонтерского движения, в отечественной историографии не уделялось должного внимания. Данная статья посвящена анализу морально-ценностных установок и специфики идейно-духовной атмосферы, поведенческих стратегий благотворителей в отечественной истории. Актуальность исследуемой проблематики состоит в анализе индивидуальной личностной составляющей и тех институциональных возможностей, которые дают социальные институты, в едином процессе социального взаимодействия личности, общества и власти. Сделан вывод о том, что в наши дни «благое деяние в пользу общества» превратилось из обычной нормы морали конкретного человека или отдельных социальных групп в сегмент государственной политики регулирования общественных взаимоотношений за счет активного развития волонтерства.

© Шонус И.Х., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: благотворительность в Российской империи, духовно-нравственные мотивы благотворительности, мотивация волонтеров, аксиология волонтерства, история гражданского общества в России, волонтерская деятельность.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Шонус И.Х. «Благое деяние в пользу общества»: социокультурные паттерны российского волонтерства (вехи отечественной истории) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 11–21. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-11-21

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-11-21

I.Kh. Shonus

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

“Good act for the benefit of the society”: Socio-cultural patterns of the Russian volunteering (milestones of national history)

The tradition of Russian charity, dating back to ancient times, deserves to be studied, since it carries the potential for the development of society on the spiritual and moral value bases inherent in Russian civilization: mercy, mutual assistance, catholicity. At the same time, the study of patterns and important stages in the development of charity in Russia, in which the origins of the modern volunteer movement can be found, has not been given due attention in Russian historiography. This article is devoted to the analysis of moral and value attitudes and the specifics of the ideological and spiritual atmosphere, the behavioral strategies of benefactors in Russian history. The relevance of the problem under study lies in the analysis of the individual personal component and those institutional opportunities that social institutions provide, in a single process of social interaction between the individual, society and government. It is concluded that today “a good act for the benefit of society” has turned from the usual

norm of morality of a particular person or individual social groups into a segment of the state policy of regulating public relations through the active development of volunteering.

Key words: charity in the Russian Empire, spiritual and moral motives of charity, motivation of volunteers, axiology of volunteering, history of civil society in Russia, volunteering

FOR CITATION: Shonus I.Kh. "Good act for the benefit of the society": Socio-cultural patterns of the Russian volunteering (milestones of national history). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 11–21. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-11-21

Изучению истоков возникновения волонтерского движения в России в отечественной историографии не уделялось должного внимания. Вместе с тем, традиция благотворительности, восходящая к глубокой древности, заслуживает изучения, поскольку несет в себе потенциал развития общества на духовно-нравственных ценностных основаниях, присущих российской цивилизации: милосердию, взаимопомощи, соборности.

Своеобразие феномена волонтерства представляет широкие возможности для осмысления роли личностного начала в развитии общества, а также изучения сотрудничества власти и общества в решении единых задач на институциональном уровне. Актуальность исследуемой проблематики состоит в анализе индивидуальной личностной составляющей и тех институциональных возможностей, которые дают социальные институты, в едином процессе социального взаимодействия личности, общества и власти.

В основе анализа институциональных моделей находятся глубинные проблемы мотивации [5; 11, с. 339, 352]. Поэтому социально значимые мотивационные характеристики: помощь ближнему, уважение, признание и др., – напрямую зависят от степени интеграции социальных элементов системы. Например, социокультурное пространство университета способно создать модель интеракций и отношений, четко фиксировать эталонные ценностные ориентиры, модели культуры, которые направляют содержание разносторонней деятельности участника образовательного процесса, в т.ч. волонтерской. Эти мотивационные характеристики выступают регуляторами значений.

Значимость изучения поставленной проблемы заключается в необходимости поддержки и развития волонтерского движения в образовательных учреждениях в условиях преобразования работы волонтеров в важнейший компонент учебно-воспитательного процесса.

В сфере изучения истории волонтерских практик особое значение приобретает методологический аппарат исторической психологии и антропологии: при этом востребованным представляется анализ ценностно-мотивационных установок волонтеров прошлого, функционирование их поведенческих моделей. Дефицит аксиологического обеспечения в деятельности современных волонтеров обуславливает социальную значимость изучения различных сторон мировоззрения, мотивов и рефлексии участников волонтерского движения. Заметим, что сам термин «волонтер» закрепился в российском обществе после 1990-х гг. До этого деятельность на вспомоществование нуждающимся именовалась добровольческой [12].

Оказание помощи тем, кто в ней нуждался, было хорошо известно еще на заре человеческой истории. Общинная «вервь» или круговая порука как система взаимопомощи была известна еще в языческом родовом обществе. На Руси община выступала не только хозяйственным объединением. Это была первооснова социальности и нравственности. В связи с этим, невозможно обойти стороной дискуссию, имевшие ключевое значение для развития общественно-политической мысли XIX в. и становления религиозной философской традиции в отечественной истории. Западники и славянофилы, поэты и прозаики, художники и философы обращались к исследованию богатого наследия древнерусских памятников культуры и истории, осмысливая специфику славянского культурного типа, самобытность русского народа¹. Все они сходились в одном, указывая, что стержнем общественной жизни русского народа является религиозность, христианское православное мироощущение, определяющее ценностные установки общественной жизни, приоритет морали над правом.

Доброта, ненасилие, способность сопереживать, милосердие, любовь к ближнему – основные постулаты христианского вероучения – стали сущностным отражением в практике общинной жизни Древней Руси [1; 4; 7; 8]. Нравственные приоритеты закреплялись в повседневной жизни народа. Это была особая философия хозяйствования со своим духовно-нравственным идеалом, основанным на идее соборности. Общество предстало как целостный надындивидуальный организм, где совокупность отдельных людей вырастала в «Мы-мировоззрение», а «Я» как отдельный человек не противопоставлялся общему, но стремился к единству и гармонии с ним [14]. Это был своеобразный «психологический феномен», выражаясь словами С.Н. Булгакова [2, с. 233],

¹ См., например: Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988; Киреевский И.В. Основы русской жизни. М., 2007; Кавелин К.Д. Задачи этики. Учение о нравственности при современных условиях знания. СПб., 1885 и др.

который определял ценностно-смысловое отношение к человеку, труду, собственности, деньгам и другим началам социального бытия. Православие стало основой цивилизационной ментальности.

Истоки добровольческой взаимопомощи можно увидеть в укладе жизни русского общества. Взаимопомощь была неразрывно связана с пониманием предназначения человека, стремлением следовать христианским заповедям – любви к ближнему. Это был главный мотив, побуждающий к заботе о слабых, больных и беспомощных. Благотворительная и социальная помощь «сырым и убогим» рассматривалась как служение и обязанность члена православного христианского мира. На эту крепкую взаимосвязь «добрых дел» и традиций православия указывали исследователи российского призрения, в их числе В.И. Герье, Е.Д. Максимов и др. [3; 9; 10].

Дату появления благотворительности на Руси связывают с принятием христианства и основанием первых монастырей. Законодательно данный факт был закреплен Уставом князя Владимира в 996 г., в котором духовенству вменялась обязанность заниматься общественным призрением.

Деятельность церквей и монастырей выявила три направления социальной помощи, остающихся и сегодня ключевыми: лечение, обучение, милостыня (обеспечение неимущих). При монастырях и церквях содержались специальные училища, больницы и богадельни. Традиция милосердного отношения к военнопленным была заложена впервые в России, когда при Иване IV Грозном (1533–1584) появилась практика призрения пленных и их раздача в монастыри «для обихода».

Вслед за общиной и церковью в дело служения социальным нуждам различных слоев населения вступили государственные институты. Государственные богадельни для нуждающихся стали открываться при Василии III (1505–1533). Первыми государственными учреждениями призрения стали сиротские дома, открытые при царе Михаиле Федоровиче (1613–1645). Затем при царе Алексее Михайловиче (1645–1676) в своде гражданских законов «Кормчая книга» появились статьи об общественном призрении, был учрежден Приказ строения богаделен. При его сыне Федоре Алексеевиче (1676–1682) впервые появились государственные школы для детей из нищих семей, где дети могли получить не только кров и пропитание, но и профессиональную подготовку.

Создание организованного призрения закрытого типа, осуществляемого в специальных учреждениях, было продолжено при императоре Петре I. Во всех губернских городах создавались детские приюты. После достижения детьми десятилетнего возраста их определяли в богадельни или к приемным родителям, в художественные школы.

Специальные богадельни строились для отставных военных, среди них наиболее известными стали сухопутный и морской госпитали, инвалидный дом в Петербурге для больных и немощных матросов и солдат. Была продолжена традиция заботы о пленных. Их выкупали за государственный счет, выдавали им деньги на одежду и пропитание. Системная помощь была предпринята и в отношении душевнобольных, призрение которых возлагалось на магистраты.

В 1775 г. в России появился новый Приказ общественного призрения, ведавший создаваемыми в губерниях школами, медицинскими благотворительными учреждениями (воспитательными домами, богадельнями, госпиталями). Законодательно ответственность «прокармливать своих бедных, не допуская их нищеты» была возложена на сельские и городские общины и приходы в эпоху Екатерины II (акты 1797 г.). Законы 1801 и 1809 гг. подтверждали ответственность общин за призрение бедных.

Система государственно-общественной благотворительности была заложена императрицей Екатериной II (1762–1796). Идеологом и разработчиком проектов создания интернатов для представителей различных групп и сословий российского общества стал выдающийся русский просветитель XVIII в. И.И. Бецкой (1704–1795). Один из таких проектов предусматривал создание воспитательных домов для детей из беднейших слоев населения, а также рожденных вне брака и подкидышей. Другой просветитель И.П. Пнин в своем произведении «Вопль невинности, отвергаемой законами» (1802 г.), призывал Александра I обратить внимание на положение незаконнорожденных детей. Инициатива Пнина не получила поддержки императора, но его произведение вызвало общественный резонанс как важная законотворческая инициатива начала XIX в. [6, с. 17]. Воспитательный дом со временем превратился в своего рода социальный комплекс. Наиболее известен Московский воспитательный дом, просуществовавший до 1917 г. По предложению И.И. Бецкого, в Петербурге было основано Воспитательное общество благородных девиц, в Москве – первое в России училище для девушек благородного происхождения и мещанского звания в Новодевичьем монастыре.

С другой стороны, изнанкой благих намерений власти зачастую выступали бюрократизм, формализм, взяточничество, что вело к утопичности многообещающих проектов. Нехватка специалистов – медиков и воспитателей, казарменная дисциплина, телесные наказания, холод, недоедание, высокая заболеваемость и смертность стали реалиями, которые неизменно сопровождали «добрые дела» на протяжении долгого времени.

Другим примером общественной благотворительности была деятельность Дружеского ученого общества, основанного в конце XVIII в. просветителями Н.И. Новиковым и И.Г. Шварцем. Общество издавало за свой счет полезные книги, содействовало молодым людям в получении образования в России и за рубежом, в профессиональном росте русских преподавателей. Помимо плодотворной издательской работы, общество основывало больницы для бедных, учредило бесплатную аптеку для бедняков, занималось раздачей продовольствия нуждающимся.

В начале XIX в. во главе государственной заботы о призрении встала жена Павла I императрица Мария Федоровна (1759–1828). Учрежденное ею в 1797 г. Ведомство учреждений императрицы Марии (Маринское ведомство) превратилось позже в IV Отделение Собственной Е.И.В. Канцелярии и возглавило управление благотворительными и сиротскими заведениями по всей России. Сеть благотворительных учреждений со временем расширялась, включая училища и институты для женщин, воспитательные дома для глухонемых и слепых детей, военно-сиротское отделение Воспитательного дома (Павловский институт), благотворительные больницы, Повивальный институт, сиротские дома, а также вдовьи дома – богадельни для вдов военных и гражданских чинов, просуществовавшие до 1917 г. Традицией членов императорской семьи стало кураторство над теми или иными благотворительными учреждениями.

Личный почин и инициатива шли бок о бок с институциональной организацией разносторонней социальной помощи. Традиционная раздача милостыни или нищелюбие не воспринималось как тяжкое бремя. Напротив, испокон веков было почетным среди всех слоев русского общества. Благотворительность считалась нужной не столько для «благотворимых», сколько для «благотворящих». Это, скорее, была категория нравственная, нежели утилитарное средство. Состоятельные люди жертвовали на строительство церквей, часовен, монастырей. В завещаниях обязательно оговаривали, какая часть средств должна пойти на поддержание «вдовицы, хромца и слепца».

Пожертвование крупных сумм на нужды призрения, открытие благотворительных учреждений, передача частных коллекций музеям и университетам и т.д. считались нормой поведения. Этому делу были привержены как отдельные лица, так и целые династии, представители которых из поколения в поколение продолжали следовать по стопам своих отцов, из любви к людям творя милость и благотворительность.

Деятельность благотворителей и меценатов поощрялась как общественным уважением и почетом, так и государством, которое награждало орденами, предоставляло финансовые льготы, возводило

в дворянство, в почетные граждане, выдавало персональные пенсии и пособия. Сотрудники благотворительных учреждений имели право на ношение мундиров и особых жетонов.

Движущим мотивом в деле благотворительности и оказания добровольной посильной помощи нуждавшимся был не только и не столько карьерный рост или финансовые льготы, хотя, конечно, это имело место в отдельных случаях. Но те духовно-нравственные ориентиры, которые были впитаны поколениями от своих предков, основанные на жертвенной любви, высоких стремлениях служения ближнему, оставались главными. В пользу данного предположения говорят факты о том, что для самих участников добровольческой помощи эта деятельность носила подвижнический характер. Они жертвовали свой труд, время, финансы, здоровье во имя служения ближнему.

Отдельной страницей такого подвижнического труда стала деятельность рядовых участников земств, направленная во второй половине XIX в. не только на незащищенные слои населения, но и на такую категорию, как неграмотные. Неграмотные составляли подавляющее большинство населения императорской России. В условиях сельской местности и недостаточного ресурсного обеспечения открывались новые школы для детей и взрослых, медицинские пункты, больницы, аптеки, организовывались сельскохозяйственные выставки, консультационные пункты, опытные станции, разбивались показательные поля и т.д. Свидетельства современников говорят о том, что в своей добровольческой помощи благотворители порой забывали о себе. Так, врач и общественный деятель Д.П. Маковицкий в 1905 г. писал о княжне М.М. Дондуковой, что та «живет в Петербурге, верит во всевозможные веры, ходит в тряпье, все раздавала, по бедным бегаёт»². «Шла в народ» и радикально настроенная молодежь, устраиваясь на селе фельдшерами, учителями.

В понимании побуждающих мотивов подвижнической добровольческой деятельности любопытным представляется и факт, зафиксированный ст. 175 «Устава об общественном призрении», где уточнялось, что участники добровольческих организаций и движений не могут рассматриваться в качестве государственных служащих и претендовать на ведомственные правительственные награды³.

В России в XIX в. появились многочисленные организации, занимающиеся благотворительной деятельностью на общественных началах. Самое известное из них – Филантропическое общество, организованное

² Маковицкий Д.П. Дневник 1905 г. // Маковицкий Д.П. У Толстого. М., 1979. Кн. 1. С. 122.

³ Устав об общественном призрении 1892 г. СПб., 1892.

в 1802 г., с 1816 г. переименованное в Императорское человеколюбивое общество, средства которого пополнялись частными пожертвованиями, в т.ч. императора и его семьи. Человеколюбивое общество взяло на себя ответственность заботиться об учреждении заведений для призрения престарелых, нетрудоспособных, неизлечимых, оказывать материальную помощь, способствовать воспитанию сирот и детей из бедных семей.

Не менее известным в общественной жизни России первой трети XIX в. был Комитет о раненых, учрежденный в 1814 г., помогавший инвалидам Отечественной войны 1812 г. и их семьям. Комитет имел в своем ведении несколько благотворительных заведений.

Отличительной особенностью российского общества в пореформенный период стало широкое развитие частных и общественных инициатив: просветительских, социальных, образовательных, меценатства и др., достигших на рубеже XIX–XX вв. небывалого расцвета. Во имя служения благим целям объединялись самые разные группы населения. Причем представленные в социокультурном контексте инициативы не являлись каким-либо исключением, наоборот, это были повседневные практики, нормы поведения, проявление гуманистической ментальности творческой и научной интеллигенции, купечества, предпринимателей, дворянства.

В наши дни «благое деяние в пользу общества» превратилось из обычной нормы морали конкретного человека или отдельных социальных групп в сегмент государственной политики регулирования общественных взаимоотношений за счет активного развития волонтерства.

Библиографический список / References

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Ростов-н/Д., 1997. [Berdyayev N.A. Sudba Rossii [The fate of Russia]. Rostov-on-Don, 1997.]
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993. [Bulgakov S.N. Filosofiya khozyaystva. Sochineniya v 2 t. [Philosophy of economy. Works in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1993.]
3. Герье В.И. Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. Составлена для высочайше учрежденной комиссии по пересмотру законов о призрении бедных членом комиссии В.И. Герье. СПб., 1897. [Guerrier V.I. Zapiska ob istoricheskom razvitii sposobov prizreniya v inostrannykh gosudarstvakh i o teoreticheskikh nachalakh pravilnoy ego postanovki. Sostavlena dlya vysochayshe uchrezhdennoy komissii po peresmotru zakonov o prizrenii bednykh chlenom komissii V.I. Gere [A note on the historical development of ways of charity in foreign countries and on the theoretical principles of its correct formulation. Compiled for the highest

- established commission for the revision of laws on the charity of the poor by a member of the commission V.I. Guerrier]. St. Petersburg, 1897.]
4. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: взгляд на культурное и политическое отношение славянского мира к германо-романскому. М., 2015. [Danilevskiy N.Ya. Rossiya i Evropa: vzglyad na kulturnoe i politicheskoe otnoshenie slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe: A look at the cultural and political relationship of the Slavic world to the German-Romance]. Moscow, 2015.]
 5. Жукова А.В. К вопросу об актуальности изучения благотворительной деятельности и ее мотивов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 46–50. [Zhukova A.V. To the question of the relevance of the study of charitable activity and its motives. *Tomsk State University Journal*. 2015. No. 400. Pp. 46–50. (In Rus.)]
 6. Иванова А.А. Просветитель И.П. Пнин о правовом статусе незаконно-рожденных детей в Российской империи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. Т. 8. № 2. С. 10–18. [Ivanova A.A. The enlightener I.P. Pnin about the legal status of illegitimate children in the Russian Empire. *Locus: People, Society, Cultures, Meaning*. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 10–18. (In Rus.)]
 7. Ильин И.А. Аксиомы русского опыта. В 2 ч. М., 2002. [Ilyin I.A. Aksiomy russkogo opyta [Axioms of Russian experience]. Moscow, 2002.]
 8. Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. 1. М., 1990. [Loskiy N.O. Kharakter russkogo naroda [The nature of the Russian people]. Vol. 1. Moscow, 1990.]
 9. Максимов Е.Д. Очерк земской деятельности в области общественного призрения. СПб., 1895. [Maksimov E.D. Ocherk zemskoy deyatelnosti v oblasti obshchestvennogo prizreniya [Essay on zemstvo activities in the field of public charity]. St. Petersburg, 1895.]
 10. Максимов Е.Д. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России. СПб., б/г. [Максимов Е.Д. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России [Essay on the historical development and current situation of public charity in Russia]. St. Petersburg, no year.]
 11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. [Parsons T. O strukture sotsialnogo deystviya [The structure of social action]. Moscow, 2002.]
 12. Пушкарёва Т.В., Мельникова В.Н. Волонтерство как добровольная благотворительная деятельность // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 1. С. 188–190. [Pushkareva T.V., Melnikova V.N. Volunteering as a voluntary charitable activity. *Vestnik of Kostroma State University*. 2013. Vol. 19. No. 1. Pp. 188–190. (In Rus.)]
 13. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. СПб., 1991. [Fedotov G.P. Sudba i grekhi Rossii [The fate and sins of Russia]. St. Petersburg, 1991.]
 14. Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. [Frank S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva [Spiritual foundations of society]. Moscow, 1992.]

Статья поступила в редакцию 10.03.2022, принята к публикации 18.04.2022
The article was received on 10.03.2022, accepted for publication 18.04.2022

Сведения об авторе / About the author

Шонус Иван Харлампиевич – проректор по воспитательной работе и молодежной политике, Московский педагогический государственный университет

Ivan Kh. Shonus – Vice-Rector for Educational Work and Youth Policy, Moscow Pedagogical State University

E-mail: ih.shonus@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-22-43

В.Ю. Захаров^{1, 2, 3}, В.А. Волков^{2, 4}

¹ Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана,
105005 г. Москва, Российская Федерация

² Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

³ Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
125993 г. Москва, Российская Федерация

⁴ Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова,
101000 г. Москва, Российская Федерация

Избранная Рада и Негласный Комитет: сравнительный анализ

Статья посвящена сравнительному анализу создания, функционирования и итогов деятельности Избранной Рады и Негласного Комитета. Сравнение проводится по следующим параметрам: причины создания, хронологические рамки, состав, взаимоотношения с главой государства, место и роль в структуре государственной власти, основные мероприятия, итоги и последствия их деятельности. Подобного исследования в российской и зарубежной историографии еще не проводилось. Авторы приходят к выводу, что создание и деятельность Избранной Рады и Негласного Комитета можно считать закономерностью в историческом развитии России, когда на определенном этапе ее истории возникла потребность в учреждениях, которые могли бы разрабатывать и проводить серьезные реформы, не будучи связаны с прежней правящей элитой, но и не полностью порывая с ней.

Ключевые слова: Избранная Рада, царь Иван IV Грозный, Негласный Комитет, император Александр I, реформаторство в России

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Захаров В.Ю., Волков В.А. Избранная Рада и Негласный Комитет: сравнительный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 22–43. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-22-43

© Захаров В.Ю., Волков В.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-22-43

V.Yu. Zakharov^{1, 2, 3}, V.A. Volkov^{2, 4}

¹ Bauman Moscow State Technical University,
Moscow, 105005, Russian Federation

² Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

³ Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, 125993, Russian Federation

⁴ Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture,
Moscow, 101000, Russian Federation

The Chosen Council and the Secret Committee: Comparative analysis

The article is devoted to a comparative analysis of the creation, functioning, and results of the activities of the Chosen Council and the Secret Committee. The comparison is carried out according to the following parameters: reasons for creation, chronological framework, composition, relationship with the head of state, place and role in the structure of state power, main events, results, and consequences of their activities. Such a study has not yet been conducted in Russian and foreign historiography. The authors come to the conclusion that the creation and activity of the Chosen Council and the Secret Committee can be considered a pattern in the historical development of Russia, when at a certain stage of its history there was a need for institutions that could develop and carry out serious reforms, not being associated with the former ruling elite, but not completely breaking with it.

Key words: The Chosen Council, Tsar Ivan IV the Terrible, the Secret Committee, Emperor Alexander I, reformism in Russia

FOR CITATION: Zakharov V.Yu., Volkov V.A. The Chosen Council and the Secret Committee: Comparative analysis. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 22–43. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-22-43

В 2021 г. исполнилось 220 лет со дня вступления на престол Александра I и начала реформаторского этапа его правления, во многом связанного с деятельностью *Негласного Комитета*, состоявшего из «молодых друзей» императора. Как видно из названия, этот комитет занимал неофициальное положение в структуре органов государственной власти, однако, по мнению большинства историков, вплоть до конца 1803 г. (а по другим данным – и до 1805 г.) оказывал преобладающее влияние на формирование внутри- и внешнеполитического курса империи. При изучении деятельности Негласного Комитета возникает вопрос, было ли само его возникновение и существование уникальным явлением, порожденным особой политической ситуацией после убийства Павла I, или же в российской истории у него были предшественники, и тогда перед нами проявление определенной закономерности?

В этой связи вспоминается деятельность Избранной Рады, с именем которой в историографии обычно связывается разработка и проведение широкомасштабных реформ в первый период самостоятельного правления Ивана IV (1547–1560 гг.). На первый взгляд, внешнее сходство у этих учреждений есть. Но так ли это на самом деле?

Целью настоящей статьи является сравнительный анализ создания, функционирования и итогов деятельности Избранной Рады и Негласного Комитета по следующим параметрам: причины создания, хронологические рамки, состав, взаимоотношения с главой государства, место и роль в структуре государственной власти, основные мероприятия, итоги и последствия их деятельности. Подобного исследования в российской и зарубежной историографии еще не проводилось.

В исторической науке утвердилось представление, что наименование «Избранная рада»¹ получило влиятельное сообщество людей, «помогавших» Ивану Грозному править Русским царством и вести государственные дела в течение более чем 10 лет, с 1549 (по некоторым данным с 1547) по 1560 гг. По сути, это был *особый совет* при молодом царе, занимавший неофициальное положение, но при этом руководивший подготовкой и проведением реформ в целях укрепления центральной власти. Возглавляли Раду влиятельные советники – костромской дворянин А.Ф. Адашев (друг детства Ивана IV, воспитывавшийся вместе с ним) и священник Благовещенского собора Кремля Сильвестр (оказавший помощь молодому царю во время восстания в Москве летом 1547 г. и ставший после этого его личным духовником). О самом факте существования Избранной Рады нам известно из произведения князя

¹ Далее обозначение «Избранная рада» и «Рада» приводится без кавычек. Авторы осознают искусственность термина, но учитывают его устоявшийся характер.

А.М. Курбского «История о делах великого князя московского», написанного в 1564 г., вскоре после его бегства из России в Литву из-за опасения возможного ареста и гибели и повторенного затем в его переписке с царем². Однако ряд историков отрицает само существование Избранной Рады на том основании, что в официальных источниках она не упоминается, и что сочинения Курбского являются тенденциозными публицистическими произведениями. В пылу полемики с Иваном IV он, скорее всего, поступил так же, как в свое время Платон, выдумавший Атлантиду для придания большей обоснованности собственной политической концепции. То есть Избранная Рада – это плод воображения Курбского [14, с. 62; 47, с. 145–146; 49, с. 231].

По мнению авторов данной статьи, подобная точка зрения необоснованна. Во-первых, о существовании некоего органа, ограничивавшего его власть, упоминает сам Иван IV во Втором послании к Курбскому, естественно, в негативном смысле³. Во-вторых, помимо Курбского и царя о наличии некоей управляющей силы в государстве вместе с монархом или отдельно от него упоминается в летописях, например, в т.н. «Пискаревском летописце»⁴. Но в любом случае сведений о существовании и деятельности Избранной Рады сохранилось немного, что, впрочем, можно объяснить ее неофициальным положением в структуре государственной власти, а также, что возможно, преднамеренным уничтожением любых упоминаний о ней по указанию царя после конфликта с Избранной Радой и ее роспуска в 1560 г. То, что подобное возможно, подтверждают другие прецеденты российской истории, например, судьба документов и любых артефактов (например, монет), связанных с именем императора Ивана VI и его матери Анны Леопольдовны, которые по распоряжению свергнувшей их Елизаветы Петровны целенаправленно уничтожались [31, с. 246–247]. То же самое касается уничтожения документов и денег с изображением «императора Константина I» в 1825 г.

Что касается Негласного Комитета, то под ним подразумевается неофициальный совет или кружок при молодом императоре Александре I, который под его председательством функционировал в 1801–1803 гг. или, по другой версии, о чем мы поговорим ниже, в 1801–1805 гг.,

² Курбский А.М. История о делах великого князя Московского. М., 2015. С. 26.

³ ...*Всю власть с меня сняте, и сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничево не владел* (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 104).

⁴ Его автор прямо свидетельствовал: «Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним (Адашевым. – В.З., В.В.) заодин, и сидели вместе в избе у Благовещения, где ныне полое место между полат» (Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 181–182).

вполне возможно, и до 1807 г., занимался подготовкой реформ системы управления, по крестьянскому вопросу и в сфере образования в духе формирующегося либерализма, играя роль своеобразного теневого правительства (хотя не все историки с этим согласны). Однако в силу ряда причин из многочисленных планов реформ (создание Конституции, отмена крепостного права, широкомасштабная реформа системы образования) удалось реализовать совсем немного.

Перейдем теперь к сравнительному анализу Избранной Рады и Негласного Комитета. Начнем с причин образования этих учреждений, а заодно целях и направленности их деятельности. Что касается Избранной Рады, то в целом можно выделить три основные точки зрения по этим вопросам. Первая из них восходит к посланиям самого Ивана Грозного и сводится к тому, что Избранная Рада возникла во время острого политического кризиса 1547–1548 гг. (городские восстания, грандиозный пожар Москвы, резкий рост недовольства населения существующими порядками во время «боярского правления», крайнее ослабление центральной власти и т.д.), состояла из представителей княжеско-боярских кругов, реализовывала их интересы (сохранение политического влияния боярства при некоторых уступках служилому сословию и горожанам). Сам царь оказался фактически отстранен от управления государством вплоть до 1560 г.

В целом политика Избранной Рады оценивалась как консервативная и реакционная, направленная на сохранение порядков удельной старины. В разное время этой точки зрения придерживались представители «государственной школы» в дореволюционной историографии С.М. Соловьёв, С.Д. Горский, Е.А. Белов, С.Ф. Платонов, В.О. Ключевский (в смягченном виде), советские историки в 1930–1940-е гг. (во многом из конъюнктурных соображений и под идеологическим нажимом «сверху»), в настоящее время с некоторыми оговорками И.Я. Фроянов, Б.С. Флоря, А.И. Филюшкин [5, с. 254–255; 26, с. 172; 36, с. 58–59; 48, с. 55–564; 49, с. 231–235; 50, с. 52–64, 110–132; 51, с. 431–433].

Вторая точка зрения восходит к концепции Курбского, суть которой сводилась к тому, что царь должен управлять государством не единолично, а совместно с представителями разных групп населения с опорой на мудрых советников, которые и составляли Избранную Раду. Никакой оппозиции между ней и царем не было, они были единомышленниками и совместно управляли государством до 1560 г., проводя реформы в интересах укрепления центральной власти. При этом успехи внутренней и внешней политики в этот период приписывались, в основном, «мудрым советникам», а не Ивану Грозному. В дореволюционной историографии эта точка зрения была впервые выражена в трудах Н.М. Карамзина (разработавшего в «Истории государства российского»

концепцию «двух Иванов»), К.Н. Бестужева-Рюмина, И.Н. Жданова, Н.И. Костомарова. В советской историографии – в работах С.Б. Веселовского, С.О. Шмидта и, особенно, В.Б. Кобрин [6, с. 252–253; 9; 18, с. 226–227; 27; 28; 29, с. 332–333; 54].

Третья точка зрения была сформулирована в советский период и является компромиссной. Суть ее сводится к тому, что Избранная Рада возникла в результате острой политической борьбы различных группировок в конце 1540-х гг. и являлась своеобразным компромиссом между ними, выражая интересы разных слоев населения (боярства, нарождающегося дворянства, городского населения) и самого царя, стремившегося к неограниченной личной власти, как следствие, проводя соответствующую компромиссную социальную политику. В целом, ее деятельность оценивается как прогрессивная, способствовавшая формированию элементов централизованного государства с учетом интересов разных слоев населения России. К сторонникам этой концепции можно отнести Н.Е. Носова, С.М. Каштанова, Р.Г. Скрынникова, А.А. Зимина [21; 22; 24; 34; 46].

Позиция авторов данной статьи сводится к тому, что по-своему правы представители всех трех концепций. С одной стороны, Иван Грозный, с ранней юности стремившийся к неограниченной власти восточно-византийского типа, имел основания возмущаться, что в 1550-е гг. ему пришлось править совместно со «зловредными советниками», и такая вынужденная ситуация не соответствовала его идеалу и представлениям о роли монарха. Но была ли их деятельность действительно «зловредной» – большой вопрос. С другой стороны, прав и Курбский, а за ним Карамзин, Костомаров, Кобрин и другие историки, отмечавшие, что все достижения внутренней и внешней политики 1550-х гг. связаны не столько с личностью Ивана IV, сколько с деятельностью его ближайшего окружения и, прежде всего, той структуры, которая с легкой руки Курбского получила название Избранной Рады. Логично и правдоподобно выглядит и «компромиссная концепция», согласно которой деятельность Избранной Рады представляла собой некую среднюю линию между интересами крупных землевладельцев, нарождающегося дворянства и городского населения. По нашему мнению, главной целью создания и деятельности Избранной Рады была консолидация разных слоев общества для прекращения беспорядков и злоупотреблений властью на местах, а главное, выражаясь современным языком, создания мощного централизованного государства, которое смогло бы обеспечить стабилизацию внутривластного положения, удовлетворить по возможности интересы большинства населения, повысить авторитет страны на международной арене.

Что касается причин создания Негласного Комитета, здесь существуют также три основные позиции. Одна группа историков считала создание Негласного Комитета прямым следствием событий 11 марта 1801 г. и рассматривали его деятельность либо как своеобразный заслон, которым Александр I пытался отгородиться от сановной оппозиции, требовавшей мер по ограничению императорской власти (С.Б. Окунь), либо как попытку навязать неопытному молодому царю «вредные» западные конституционные веяния, чуждые истинным интересам и историческому пути развития России (М.И. Богданович, Н.К. Шильдер), либо как попытку молодых честолюбцев из числа друзей юности Александра I подчинить его своей воле и, по сути, править страной вместо него (А.Д. Градовский, М.В. Довнар-Запольский, вел. кн. Николай Михайлович) [7, с. 155–210; 8, с. I–XX; 13, с. 264–280; 16, с. 1–76; 35, с. 112–124; 53, с. 1–55]. Деятельность Негласного Комитета, в основном, оценивалась негативно, за исключением вел. кн. Николая Михайловича, который, наоборот, оценивал ее как прогрессивную, но при этом считал, что деятели Негласного Комитета буквально «поработили» молодого императора, который в подготовке и проведения реформ начала XIX в. особой роли не играл.

Другая группа историков (А.Н. Пыпин, А.Е. Пресняков, Н.В. Минаева, С.В. Мироненко, А.Н. Сахаров) рассматривала создание и деятельность Негласного Комитета как закономерный этап развития российской государственности, выражавшийся в стремлении просвещенной правящей элиты во главе с самим Александром I учесть уроки Французской революции и приспособиться с помощью вовремя проведенных реформ к зарождавшимся новым социально-экономическим и политическим отношениям. Александр I и «молодые друзья» рассматриваются как единомышленники, а их совместная деятельность оценивается как прогрессивная, хотя и в силу ряда причин недостаточно результативная [32, с. 53–72; 33, с. 67–75; 40, с. 8–25, 43–64; 41, с. 1–113; 44].

Наконец, третья группа историков (М.М. Сафонов, А.В. Дёмкин, Ю.Э. Арискина, один из авторов данной статьи В.Ю. Захаров) считает, что создание Негласного Комитета было, с одной стороны, следствием стремления Александра I и его «молодых друзей» реализовать собственные представления о путях развития России (переход к конституционному правлению, постепенная отмена крепостного права и др.), а с другой – следствием особой политической ситуации, возникшей после переворота 11 марта 1801 г., когда влиятельная группа высших сановников стала требовать перераспределения властных полномочий

в своих интересах. В этой связи Негласный Комитет действительно играл роль своеобразного заслона от ограничительных устремлений сановной оппозиции, прежде всего, участников заговора против Павла I [2; 15; 20; 43].

На наш взгляд, создание Негласного Комитета, как и в случае с Избранной Радой, следует рассматривать не изолированно, а в прямой связи с предшествующими событиями. А ситуация сложилась уникальная. С одной стороны, к власти пришел молодой император с прогрессивными по тому времени взглядами, навеянными идеями философии Просвещения в интерпретации его наставника Ф. Лагарпа, согласный пойти на серьезные комплексные реформы, включая и ограничение собственной власти (аналогов чему в отечественной и зарубежной истории найти практически невозможно). С другой стороны, после свержения и убийства Павла I группировка «заговорщиков» (братья П.А. и Н.А. Зубовы, графы П.А. Пален, Н.П. Панин) и часть старых екатерининских сановников (Г.Р. Державин и др.), выражая мнение значительной части дворянства, выдвинули ряд проектов преобразования системы управления и перераспределения верховной власти в их пользу. Роль ограничительного органа, призванного не допустить повторения павловского деспотизма, должен был играть Сенат. Казалось бы, того же самого желал и Александр I. Однако между его программой и программой «заговорщиков» была существенная разница.

Молодой император планировал одновременное проведение и политических (введение Конституции), и социальных реформ (курс на отмену крепостного права). В планы аристократической оппозиции последнее явно не входило. Ограничение же власти монарха Сенатом неизбежно привело бы в тех условиях к блокировке прокрепостническим дворянским большинством любых инициатив императора по крестьянскому вопросу. По нашему мнению, Александр довольно быстро это понял и взял курс на противодействие ограничительным планам «заговорщиков» и части «екатерининских стариков». Естественно, ему требовались единомышленники, собственная «команда» из доверенных лиц, роль которой и стали играть члены кружка «молодых друзей», тайно функционировавшего в 1797–1798 гг. Поэтому Негласный Комитет можно рассматривать и как заслон от ограничительных устремлений сановной оппозиции, и одновременно как неофициальное учреждение из особо доверенных лиц, призванное подготовить и реализовать целый блок реформ в разных сферах общественной жизни. Главная их цель, как писал в своих мемуарах один из участников Негласного Комитета кн. А.А. Чарторижский, недопущение социального взрыва и революции

наподобие французской и ускорение развития страны по пути прогресса во всех сферах общественной жизни⁵. Что из этого получилось – другой вопрос.

Перейдем теперь к вопросу о хронологических рамках и составе Избранной Рады и Негласного комитета. По поводу времени существования Избранной Рады у исследователей особых разногласий нет. Начало ее деятельности, правда, размыто из-за отсутствия прямых указаний в источниках, но обычно датируется временным отрезком после 1547 г. (пожар и восстание в Москве) и до созыва первого Земского собора (Собора примирения) в 1549 г. Окончание деятельности Избранной Рады всеми исследователями (естественно, за исключением тех историков, которые вообще отрицают факт ее существования) датируется 1560 г., когда царской опале подверглись Сильвестр и Адашев с его родственниками.

А вот по поводу состава Избранной Рады существуют, как минимум, три точки зрения. Первую из них впервые сформулировал Н.П. Загоскин и затем поддержал В.О. Ключевский. По их мнению, Курбский под термином «Избранная Рада» использовал полонизм и имел в виду «ни что иное, как Государеву (т.е. Боярскую) Думу, но очищенную и обновленную в своем составе» [14, с. 31; 25, с. 342, примечание]. Вторую точку зрения сформулировал С.В. Бахрушин, отождествляя с Избранной Радой не всю Боярскую Думу, а лишь ее часть – т.н. Ближнюю Думу. Польское слово *Рада* он интерпретировал как «совет», «думу», а *Избранная* – «особая, отборная», т.е. «ближняя» [4, с. 39]. Мнение Бахрушина впоследствии поддержали Зимин [21, с. 318–322], С.О. Шмидт [54, с. 25–34], А.Г. Кузьмин [30, с. 131] и Кобрин [28, с. 152–154]. При этом они допускали, что в состав Избранной Рады входили не все члены Ближней Думы, а только часть ее. Кобрин, например, указывал, что деятельное участие в Избранной Раде священника Сильвестра не позволяет допустить его членство в Боярской Думе, куда духовные лица формально никогда не входили [27, с. 35]. Третья версия была выработана С.Ф. Платоновым, который считал, что состав Избранной Рады не совпадал ни с Боярской, ни с Ближней Думой, а представлял собой частный кружок «доброхотствующих друзей царя», выполнявший неофициально функции правительства [36, с. 55]. Впоследствии эту версию в той или иной вариации поддержали И.П. Ермолаев [17, с. 257], Д.Н. Альшиц [1, с. 45–49], В.В. Шапошник [52, с. 86], Д.М. Володихин [11, с. 52].

⁵ Чарторижский А. Воспоминания князя А. Чарторижского, министра иностранных дел Российской империи (1776–1809). М., 2021. С. 184–186.

По нашему мнению, Избранная Рада, скорее всего, представляла собой *особый совет* при царе, куда входили его доверенные лица – это и часть Ближней Думы, и представители церкви (Сильвестр), и представители служилого сословия (А.Ф. Адашев, И.М. Висковатый). Что касается конкретного состава Избранной Рады, то, на наш взгляд, в полной мере выяснить его не представляется возможным из-за почти полного отсутствия соответствующих источников (как мы уже отмечали, вполне возможно, в результате целенаправленного уничтожения информации о «зловредных советниках» по приказу Ивана IV после 1560 г. и особенно после бегства Курбского в Литву в 1564 г. и отправки царю его скандальных посланий). С большей долей вероятности можно считать установленным членство в Избранной Раде Сильвестра, Адашева и Курбского. По поводу остальных участников представляется интересной гипотеза Зимина, который путем сопоставления перечня лиц, участвовавших в разработке уложения «О разбойном деле» 18 января 1555 г. с перечнем лиц, сопровождавших царя в Коломенском походе июня 1555 г., обнаружил совпадение фамилий семи человек – это князь Ю.М. Булгаков, Д.И. Курлятев, И.М. Воронцов, В.С. Серебряный, И.И. Пронский, а также дворяне А.Ф. Адашев и И.М. Вешняков. По его мнению, вместе с Сильвестром и Курбским они составляли ядро Избранной Рады. Также он допускал привлечение к работе Избранной Рады на разных этапах ее деятельности еще нескольких представителей Ближней Думы: князей И.В. Шереметева, М.И. Воротынского, И.Ф. Мстиславского, Д.Ф. Палецкого, дьяков И.М. Висковатого и Н.А. Фуникова [21, с. 321–326].

По поводу состава и хронологических рамок деятельности Негласного Комитета можно отметить следующее. По вопросу о составе Комитета разногласий среди исследователей практически нет. К его ядру обычно относят членов кружка «молодых друзей» на тот момент наследника престола вел. кн. Александра Павловича. Кружок функционировал в 1797–1798 гг. и возобновил свою деятельность под названием Негласного Комитета с июня 1801 г. Это граф П.А. Строганов, его двоюродный брат Н.Н. Новосильцев, князь В.П. Кочубей и князь А.А. Чарторижский. Перечень именно этих лиц упоминается в двух основных источниках по деятельности Комитета – «Протоколах Негласного Комитета» Строганова и мемуарах Чарторижского. Дискуссионный момент заключается в том, считать ли Александра I и Лагарпа членами Негласного Комитета? На наш взгляд, Александра I с полным основанием можно считать не только участником, но и председателем Негласного Комитета. Судя по вышеупомянутым источникам, он вел все заседания Комитета,

определял повестку дня, его мнение при принятии решений по тому или иному вопросу было решающим. Бывшего наставника Александра I Лагарпа (которого император глубоко уважал и сразу после прихода к власти пригласил в Россию в качестве советника) можно считать ассоциированным членом Негласного Комитета. По воспоминаниям Чарторижского, на всех заседаниях Комитета для Лагарпа во время его пребывания в России (с августа 1801 г. по май 1802 г.) было приготовлено специальное кресло. Из-за опасений скомпрометировать императора Лагарп (бывший одним из руководителей профранцузской Гельветической республики) на заседаниях не присутствовал, но в то же время с ним постоянно консультировались по всем наиболее важным вопросам⁶. Кроме того, к обсуждению проектов реформ по поручению Александра привлекались в качестве экспертов и представители высших сановных кругов, которых император и «молодые друзья», видимо, считали в большей или меньшей степени своими единомышленниками. Прежде всего, это братья графы А.Р. Воронцов и С.Р. Воронцов, адмирал Н.С. Мордвинов, П.А. Завадовский. Однако участвовали ли они в самих заседаниях Негласного Комитета, неизвестно⁷.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о хронологических рамках деятельности Негласного Комитета. Долгое время господствовала точка зрения, что, исходя из «Протоколов Негласного Комитета» Строганова, это учреждение функционировало на постоянной основе с июня 1801 г. по май 1802 г., проведя 35 заседаний, затем после полуторагодичного перерыва собралось на 4 заседания в октябре-ноябре 1803 г., после чего прекратило свою деятельность [8, с. XXI; 39, с. 208; 53, с. 273–274]. Однако еще в 1970-е гг. Сафонов убедительно доказал, что «Протоколы...» на самом деле являются не официальными протоколами, а источником дневниково-мемуарного жанра. В него не вошли записи всех заседаний Комитета, а многие из тех, что вошли, носят отрывочный характер, некоторые записи перепутаны. Поэтому определить по нему с полной достоверностью временные рамки функционирования

⁶ Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. II. С. 237–238.

⁷ В мемуарах Чарторижского есть интересная фраза, относящаяся к событиям, связанным с министерской реформой 1802 г.: «Император поддерживал с некоторыми лицами непосредственные сношения и иногда вводил таких людей в наши собрания (курсив наш. – В.З., В.В.)». (Чарторижский А. Воспоминания князя А. Чарторижского, министра иностранных дел Российской империи (1776–1809). М., 2021. С. 223). Однозначно интерпретировать эту фразу довольно сложно. Получается, что время от времени на заседания Негласного Комитета приглашались некие люди со стороны. Но кто это был, в мемуарах Чарторижского не указывается. К тому же и в «Протоколах Негласного Комитета» Строганова подобные факты не упоминаются. Тем не менее, нельзя исключить возможности участия в некоторых заседаниях Негласного Комитета кого-то помимо «молодых друзей».

Негласного Комитета невозможно. На основе изучения других источников (мемуаров Чарторижского, переписки «молодых друзей» между собой и императором) Сафонов пришел к выводу, что хронологические рамки деятельности Негласного Комитета значительно шире и их следует продлить, как минимум, до 1805 г. [42, с. 191–210]. На наш взгляд, точка зрения Сафонова является более аргументированной и убедительной, чем классическая. Действительно, представляется сомнительным устанавливать датировку деятельности Негласного Комитета на основе всего лишь одного источника. Очень странно выглядит перерыв в заседаниях Негласного Комитета в полтора года, а затем возобновление всего лишь на четыре заседания. И это притом, что в мемуарах Чарторижского и в переписке «молодых друзей» не упоминается о прекращении деятельности Негласного Комитета ни в 1802 г., ни в 1803 г. Скорее всего, до нас не дошли все записи Строганова о заседаниях Негласного Комитета. Поэтому хронологические рамки его деятельности нужно определять на основе анализа всех известных на данный момент источников. В этом случае получается, что Негласный Комитет формально функционировал с июня 1801 г. по лето 1805 г. (отъезд Александра I и большинства «молодых друзей» на театр боевых действий), вполне возможно, и до 1807 г. Правда, с какой степенью регулярности это происходило после мая 1802 г., к сожалению, на данный момент установить невозможно. Кроме того, можно добавить, что период функционирования кружка «молодых друзей» в 1797–1798 гг. с полным основанием можно считать подготовительным этапом деятельности Негласного Комитета, т.к. именно тогда были сформулированы программа и принципы, которым следовали участники Негласного Комитета в будущем.

Теперь рассмотрим вопрос о результатах деятельности Избранной Рады и Негласного Комитета, а заодно и вопрос о том, можно ли их считать своеобразными «теневыми правительствами». При этом будем исходить из соотношения целей и результатов деятельности этих учреждений. Что касается Избранной Рады, то еще раз отметим, что в сохранившихся немногочисленных источниках цели ее создания не указаны. Судить о них мы можем только по более или менее логичным реконструкциям историков. Поэтому делать далеко идущие выводы о результативности ее деятельности с позиции соотношения целей и результатов сложно. С другой стороны, если исходить из того, что в 1549–1560 гг. имело место совместное управление страной Ивана IV и Избранной Рады (а эта точка зрения представляется нам наиболее аргументированной), то с чисто объективных позиций результаты нельзя не признать удачными.

В военной сфере были проведены как минимум четыре реформы (введение единых принципов комплектования основной части армии – дворянского ополчения, создание на постоянной основе стрелецких войск, создание «избранной тысячи», которую можно рассматривать как прообраз личной гвардии царя, ограничение местничества при назначении на командные должности), усилившие боеспособность армии, как в количественном, так и в качественном отношении. Результаты не замедлили сказаться: в 1550-е гг. были не только сокрушены Казанское и Астраханское ханства, но и одержаны громкие победы на начальном этапе Ливонской войны. В сфере управления были созданы приказы с четким функциональным разделением обязанностей, проведены губная и земская реформы, предоставившие служилому сословию и горожанам определенное самоуправление и, в то же время, усилившие контроль со стороны центральной власти за местным управлением, что позволило в 1556 г. отменить давно изжившую себя систему кормлений. Кроме того, были проведены судебная, налоговая и церковная реформы, способствовавшие наведению элементарного порядка в стране, увеличению доходов казны, снижению конфликтности в обществе и опять же усилению центральной власти в целом и личной власти Ивана IV. Благодаря проведенным реформам возникли все основные признаки централизованного государства, за исключением экономической составляющей. Все это позволяет оценить реформаторскую деятельность Избранной Рады как высокоэффективную и результативную.

Естественно, возникает вопрос, почему же после 1560 г. пути царя и его советников резко разошлись? На наш взгляд, главной причиной является несоответствие концепции власти, которой следовал Иван IV с ранней юности (самодержавная монархия), концепции, которой придерживались руководители Избранной Рады, выраженной в посланиях Курбского (правление царя совместно с мудрыми советниками, т.е. то, что впоследствии получило наименование сословно-представительной монархии). Пока личная власть Ивана IV была слаба, реформы Избранной Рады его, видимо, вполне устраивали. Как только, благодаря проведенным реформам, она усилилась, разделение власти с кем-то еще перестало его устраивать, и советники попросту стали ему не нужны. К этому добавились разногласия в сфере внешней политики (Адашев и Сильвестр скептически относились к перспективам ведения Ливонской войны и ратовали за более активную политику на юге против Крымского ханства), последствия династического кризиса 1553 г., интриги со стороны родственников двух первых жен царя.

На наш взгляд, несмотря на ругательства Ивана IV в адрес «зловредных советников» в ответных посланиях Курбскому, до 1560 г. они были

в большей или меньшей степени единомышленниками, и их совместная деятельность преследовала общую цель – создание мощного централизованного государства с сильной центральной властью. Однако как только царем был взят курс на форсированное создание самодержавной монархии, конфликт стал неизбежен и закончился ликвидацией Избранной Рады. Выполняла ли Избранная Рада функции правительства или была всего лишь кружком советников царя? По нашему мнению, тот факт, что Адашев после создания системы приказов возглавил ключевой из них (Челобитный) и принимал вместе с Висковатым активное участие в руководстве Посольским приказом, однозначно свидетельствует о том, что Избранная Рада была своеобразным «теневым» правительством.

В отличие от Избранной Рады, в дошедших до нас источниках, связанных с деятельностью Негласного Комитета (архив Строганова, мемуары Чарторижского, дневниковые записи вел. кн. Александра Павловича за 1798–1800 гг.)⁸, цели создания и деятельности этого учреждения определены достаточно четко. Общая задача – реформирование «бесформенного здания российской государственности» по трем направлениям: административные реформы, которые должны были увенчаться принятием Конституции; крестьянская реформа в направлении постепенной отмены крепостного права, позорящего страну и подрывающего ее образ на международной арене; реформа в сфере образования, подразумевавшая создание новых университетов и на их основе унифицированной системы образования, доступной для всех слоев населения. Планировавшиеся реформы должны были резко ускорить развитие страны, сократить отставание от передовых стран Запада, снизить социальную напряженность и предотвратить опасность повторения французских событий. Судя по всему, члены Негласного Комитета и сам молодой император считали приоритетными политические и социальные реформы, а введение Конституции неизбежным, т.к. по конституционному пути политического развития пошли все передовые страны мира (Англия, США, Франция), следовательно, это магистральный путь развития человечества, и чем раньше Россия по нему пойдет, тем лучше.

Посмотрим теперь, каких результатов добился Негласный Комитет и как они соотносятся с целями. В политической сфере планировалось

⁸ Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. II. С. 61–62; Чарторижский А. Мемуары кн. А. Чарторижского и его переписка с императором Александром I. М., 1913. Т. II. С. 201–202; Секретные бумаги, найденные в кабинете императора Александра Павловича // Российский государственный архив древних актов. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II и его продолжение). Д. 700. Л. 1–6.

полностью преобразовать систему управления, принять новый Свод законов и Конституцию. В реальности был разработан проект Жалованной Грамоты Российскому народу в августе 1801 г., рассматривавшийся как своеобразная Декларация прав и введение к будущей Конституции, но в действие так и не введен; создана комиссия по разработке нового Свода законов, деятельность которой курировал Новосильцев, но сам Свод законов не был разработан даже в черновом варианте; в сентябре 1802 г. реализована министерская реформа (замена коллегий министерствами по французскому образцу), однако эта серьезная реформа не была доведена до конца в тот период, а была завершена уже М.М. Сперанским в 1809–1810 гг. Мало того, вместо введения Конституции, судя по «протоколам» заседаний Негласного Комитета, его участники делали все возможное по торможению ограничительных проектов П.А. Зубова, Г.Р. Державина и их сторонников.

В социальной сфере был взят курс на отмену крепостного права, но из-за сопротивления подавляющей части дворянства все ограничилось отменой монополии дворянства на владение землей в декабре 1802 г., указом о вольных хлебопашцах в феврале 1803 г., результаты которого оказались ничтожны, и отменой крепостного права в Лифляндии и Эстляндии по инициативе местного дворянства. В сфере образования в 1803–1804 гг. было создано несколько новых университетов и на их основе, как и планировалось, шесть учебных округов с унифицированной четырехуровневой системой образования, приняты одни из самых либеральных в Европе Университетский и Цензурный Уставы. Однако планировавшееся резкое увеличение грамотности населения достигнуто не было, приблизиться к европейскому уровню (примерно 40–50% грамотного населения) не удалось. Из-за нехватки средств проведение реформы затормозилось, и к концу правления Александра I уровень грамотности не превышал 15%. Как видим, по всем направлениям поставленные цели не были достигнуты. Но можно ли считать деятельность Негласного Комитета полностью безрезультатной, как полагали некоторые историки? На наш взгляд, нет. Курс на введение конституционного устройства был продолжен и после прекращения деятельности Негласного Комитета (проект Сперанского 1809 г., проект Уставной Грамоты Российской империи 1818–1820 гг. и Конституция Царства Польского 1815 г., оба, кстати говоря, разрабатывались комиссией под руководством Новосильцева).

По крестьянскому вопросу была прекращена практика раздачи государственных крестьян в частные руки и взят курс на улучшение положения крестьян и отмену крепостного права, хотя и на основе принципа добровольности со стороны помещиков. В сфере образования уровень

грамотности населения к 1825 г. повысился примерно в 2 раза, хотя и не настолько, насколько планировалось. Увеличение же количества университетов, создание Царскосельского Лицея, временная либерализация цензурной политики, на наш взгляд, стали одной из причин появления российской интеллигенции, роста национального самосознания и «золотого века» русской литературы в 1830–1840-е гг. Другое дело, что главные цели достигнуты не были, конституционное устройство не введено, крепостное право не отменено. В чем же причины?

На наш взгляд, основной причиной является невозможность решать в тех условиях одновременно два этих вопроса (Конституция и отмена крепостного права). При особой социальной структуре российского общества в то время с полным преобладанием дворянства принятие Конституции и создание парламента неминуемо привело бы к блокировке дворянским большинством любых антикрепостнических инициатив Александра I. Отсюда и стремление Негласного Комитета и Лагарпа не допустить ограничения полномочий Александра I (во всяком случае, в тот момент) и блокирование любых ограничительных инициатив сановной оппозиции. Однако, сохранив всю полноту власти, Александр побоялся пойти наперекор мнению дворянского большинства, видимо, опасаясь повторить судьбу отца, ограничившись полумерами в вопросе о крепостном праве. К этому добавилась неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, с 1805 г. Россия оказалась втянута в противостояние с наполеоновской Францией, перешла к активной внешней политике. На ее финансирование направлялись основные средства, которых стало катастрофически не хватать, например, для проведения широкомасштабной реформы в сфере образования. Отсюда и неутешительные результаты.

В заключении подведем итоги. Избранная Рада и Негласный Комитет были созданы в обстановке острых политических кризисов. В первом случае это дестабилизация обстановки в стране вследствие боярского правления и роста злоупотреблений наместников, а также массовые восстания в городах, во втором – государственный переворот и убийство Павла I. В обоих случаях главной целью создания этих учреждений, носивших неофициальный характер, было проведение реформ в направлении укрепления государственной власти в целом и личной власти монарха в частности. Хронологические рамки деятельности Избранной Рады особых разногласий у исследователей не вызывают (с 1547–1549 гг. и до 1560 г.), чего не скажешь о Негласном Комитете. По наиболее распространенному варианту – с июня 1801 г. по ноябрь 1803 г. По мнению М.М. Сафонова, к которому присоединяются и авторы данной статьи, – с июня 1801 г. до 1805 г. или даже до 1807 г. с добавлением своеобразного подготовительного этапа в 1797–1798 гг.,

когда действовал кружок «молодых друзей», сформулировавший основные цели и принципы будущих реформ.

Что касается состава этих учреждений, то здесь обратная картина. Состав Негласного Комитета известен с достаточной точностью. Это сам Александр I и его «молодые друзья» Строганов, Новосильцев, Кочубей и Чарторижский. Разногласия вызывает лишь вопрос, включать или не включать Лагарпа в состав Негласного Комитета. На наш взгляд, его с полным основанием можно считать ассоциированным членом этого учреждения. При этом к участию в заседаниях Негласного Комитета на разных этапах привлекались некоторые чиновники высшего ранга, например, братья Воронцовы. Состав Избранной Рады в точности неизвестен. С определенной долей уверенности можно говорить лишь о ее руководящем ядре – это Адашев, священник Сильвестр и Курбский. По нашему мнению, оба учреждения можно считать своеобразными «теневыми правительствами», т.к. их участники не только оказывали решающее влияние на определение внутренней и внешней политики государства, но и занимали ключевые должности в государственном аппарате (Адашев был главой Челобитного приказа, Новосильцев – статс-секретарем императора, а после учреждения министерств в 1802 г. – товарищем министра юстиции, Кочубей стал министром внутренних дел, Чарторижский – товарищем, а затем и фактически министром иностранных дел (формально управляющим МИДом)).

Итоги деятельности оказались более результативными у Избранной Рады. Были проведены серьезные преобразования, охватившие практически все сферы общественной жизни и, главное, доведенные до логического завершения. Результаты деятельности Негласного Комитета более скромные. Реализовано было меньше половины задуманного. Причем главные пункты программы (введение Конституции и отмена крепостного права) в силу сочетания объективных и субъективных причин, в основном, так и остались в виде проектов. В то же время нельзя не отметить тот факт, что задуманные структурные реформы задали векторы развития страны на столетие вперед.

Создание и деятельность Избранной Рады и Негласного Комитета, по нашему мнению, можно считать проявлением определенной закономерности в историческом развитии России. Суть ее заключалась в том, что в определенные моменты истории требовались учреждения, которые могли бы разработать и провести серьезные реформы, не будучи связаны с прежней правящей элитой, но и не полностью порывавшие с ней. Избранная Рада и Негласный Комитет, несмотря на отдельные нюансы, в целом с этой задачей справились, и в их деятельности обнаруживается больше сходства, чем различий.

Библиографический список / References

1. Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного. Л., 1988. [Alshits D.N. Nachalo samoderzhaviya v Rossii. Gosudarstvo Ivana Groznogo [The beginning of autocracy in Russia. The State of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1988.]
2. Арискина Ю.Э. Негласный Комитет: истоки реформаторской деятельности Александра I: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. [Ariskina Yu.E. Neglasnyy Komitet: istoki reformatorskoy deyatelnosti Aleksandra I [The Secret Committee: The origins of Alexander I's reformist activity]. PhD Dis. Moscow, 2015.]
3. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. II. М., 1954. [Bakhrushin S.V. Nauchnyye trudy [Scientific works]. Vol. II. Moscow, 1954.]
4. Бахрушин С.В. Избранная Рада Ивана Грозного // Исторические записки. 1945. № 15. С. 29–56. [Bakhrushin S.V. Izbrannaya Rada Ivana Groznogo [The Elected Rada of Ivan the Terrible]. *Istoricheskiye zapiski*. 1945. No. 15. Pp. 29–56. (In Rus.)]
5. Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до XVII века // Журнал министерства народного просвещения. 1886. Февраль. С. 233–306. [Belov E.A. About the historical significance of the Russian boyars before the XVII century. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1886. February. Pp. 233–306. (In Rus.)]
6. Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. II. СПб., 1885. [Bestuzhev-Ryumin K.N. Russkaya istoriya [Russian History]. Vol. II. St. Petersburg, 1885.]
7. Богданович М.И. Первая эпоха преобразований императора Александра I (1801–1805) // Вестник Европы. 1866. № 1. С. 155–210. [Bogdanovich M.I. The first epoch of transformations of Emperor Alexander I (1801–1805). *Vestnik Evropy*. 1866. No. 1. Pp. 155–210. (In Rus.)]
8. Вел. кн. Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. СПб., 1903. Т. II. [Vel. kn. Nikolay Mikhaylovich. Graf Pavel Aleksandrovich Stroganov (1774–1817). *Istoricheskoye issledovaniye epokhi Aleksandra I* [Count Pavel Alexandrovich Stroganov (1774–1817). Historical research of the era of Alexander I]. St. Petersburg, 1903. Vol. II.]
9. Веселовский С.Б. Первый опыт образования централизованной власти при Иване IV // Исторические записки. 1945. Т. 15. С. 57–69. [Veselovsky S.B. The first experience of the formation of centralized power under Ivan IV. *Istoricheskiye zapiski*. 1945. Vol. 15. Pp. 57–69. (In Rus.)]
10. Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. [Veselovsky S.B. *Issledovaniya po istorii oprichniny* [Studies on the history of Oprichnina]. Moscow, 1963.]
11. Володихин Д.М. Иван Грозный: царь-сирота. М., 2018. [Volodikhin D.M. Ivan Groznyy: tsar-sirota [Ivan the Terrible: The orphan tsar]. Moscow, 2018.]
12. Горский С.Д. Жизнь и историческое значение кн. А.М. Курбского. Казань, 1858. [Gorsky S.D. Zhizn i istoricheskoye znacheniyе kn. A.M. Kurbskogo [The life and historical significance of the book by A.M. Kurbsky]. Kazan, 1858.]
13. Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. [Gradovsky A.D. Vysshaya administratsiya Rossii XVIII stoletiya i general-prokurory. СПб., 1866.]

- Rossii XVIII stoletiya i general-prokurory [The Supreme Administration of Russia of the XVIII century and the Prosecutor General]. St. Petersburg, 1866.]
14. Гробовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (История одного мифа). Лондон, 1987. [Grobovsky A.N. Ivan Groznyy i Silvestr (Istoriya odnogo mifa) [Ivan the Terrible and Sylvester (The Story of a myth)]. London, 1987.]
 15. Дёмкин А.В. «Дней Александровых прекрасное начало...». Внутренняя политика Александра I в 1801–1805 гг. М., 2012. [Demkin A.V. «Dney Aleksandrovykh prekrasnoye nachalo...». Vnutrennyaya politika Aleksandra I v 1801–1805 gg. [“The days of the Alexandrovs are a wonderful beginning...”. The internal policy of Alexander I in 1801–1805]. Moscow, 2012.]
 16. Довнар-Запольский М.В. Зарождение министерств в России и указ о правах Сената 8 сентября 1802 г. // Из истории общественных течений в России. Киев, 1905. С. 1–76. [Dovnar-Zapolsky M.V. The origin of ministries in Russia and the decree on the rights of the Senate on September 8, 1802. *Iz istorii obshchestvennykh techeniy v Rossii*. Kiev, 1905. Pp. 1–76. (In Rus.)]
 17. Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. Казань, 2004. [Ermolaev I.P. Stanovleniye Rossiyskogo samodержaviya. Istoki i usloviya ego formirovaniya: Vzglyad na problemu [The Formation of the Russian autocracy. The origins and conditions of its formation: A look at the problem]. Kazan, 2004.]
 18. Жданов И.Н. Сочинения. Т. I. СПб., 1904. [Zhdanov I.N. Sochineniya. [Essays]. Vol. I. St. Petersburg, 1904.]
 19. Загоскин Н.П. История права Московского государства. Т. II. Казань, 1879. [Zagoskin N.P. Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva [History of the law of the Moscow State]. Vol. II. Kazan, 1879.]
 20. Захаров В.Ю. Российский и зарубежный конституционализм конца XVIII – 1-й четверти XIX вв.: опыт сравнительно-исторического анализа. Ч. 2. М., 2017. [Zakharov V.Yu. Rossiyskiy i zarubezhnyy konstitutsionalizm kontsa XVIII – 1-y chetverti XIX vv.: opyt sravnitelno-istoricheskogo analiza [Russian and foreign constitutionalism of the late XVIII – 1st quarter of the XIX centuries: The experience of comparative historical analysis]. Part 2. Moscow, 2017.]
 21. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI века. М., 1960. [Zimin A.A. Reformy Ivana Groznogo. Ocherki sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii serediny XVI veka [Reforms of Ivan the Terrible. Essays on the socio-economic and political history of Russia in the middle of the XVI century]. Moscow, 1960.]
 22. Зимин А.А. К изучению реформ «Избранной рады» // История СССР. 1976. № 4. С. 154–159. [Zimin A.A. K izucheniyu reform «Izbrannoy rady» [To the study of the reforms of the "Elected Rada"]. *Istoriya SSSR*. 1976. No. 4. Pp. 154–159. (In Rus.)]
 23. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1821. [Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo [History of the Russian state]. Vol. IX. St. Petersburg, 1821.]
 24. Каштанов С.М. Социально-политическая история России конца XVI – 1-й половины XVII вв. М., 1967. [Kashtanov S.M. Sotsialno-politicheskaya istoriya Rossii kontsa XVI – 1-y poloviny XVII vv. [Socio-political history of Russia at the end of the XVI – 1st half of the XVII centuries]. Moscow, 1967.]

25. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М., 1902. [Klyuchevsky V.O. Boyarskaya дума drevney Rusi [Boyar Duma of ancient Russia]. Moscow, 1902.]
26. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. II. М., 1957. [Klyuchevsky V.O. Kurs russkoy istorii [Course of Russian history]. Part II. Moscow, 1957.]
27. Кобрин В.Б. Иван Грозный. М., 1989. [Kobrin V.B. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible]. Moscow, 1989.]
28. Кобрин В.Б. Иван Грозный: Избранная Рада или Опричнина // История Отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991. С. 150–162. [Kobrin V.B. Ivan the Terrible: The elected Rada or Oprichnina. *Istoriya Otechestva. Lyudi, idei, resheniya*. Moscow, 1991. Pp. 150–162. (In Rus.).]
29. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. I. М., 1995. [Kostomarov N.I. Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh eye glavneyshikh deyateley [Russian history in the biographies of its main figures]. Book I. Moscow, 1995.]
30. Кузьмин А.Г. Адашев и Сильвестр // Великие государственные деятели России. М., 1996. С. 125–146. [Kuzmin A.G. Adashev and Sylvester. *Velikiye gosudarstvennyye deyateli Rossii*. Moscow, 1996. Pp. 125–146. (In Rus.)]
31. Курукин И.В. Анна Леопольдовна. М., 2012. [Kurukin I.V. Anna Leopoldovna. Moscow, 2012.]
32. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. [Minaeva N.V. Pravitelstvennyy konstitutsionalizm i peredovoye obshchestvennoye mneniye Rossii v nachale XIX veka [Governmental constitutionalism and advanced public opinion in Russia at the beginning of the XIX century]. Saratov, 1982.]
33. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. [Mironenko S.V. Samoderzhaviye i reformy. Politicheskaya borba v Rossii v nachale XIX veka [Autocracy and reforms. Political struggle in Russia at the beginning of the XIX century]. Moscow, 1989.]
34. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. [Nosov N.E. Stanovleniye soslovno-predstavitelnykh uchrezhdeniy v Rossii. Izyskaniya o zemskoy reforme Ivana Groznogo [The formation of estate-representative institutions in Russia. Research on the zemstvo reform of Ivan the Terrible]. Leningrad, 1969.]
35. Окунь С.Б. История СССР: 1796–1825. Курс лекций. Л., 1948. [Okun S.B. Istoriya SSSR: 1796–1825. Kurs lektsiy [History of the USSR: 1796–1825. Course of lectures]. Leningrad, 1948.]
36. Платонов С.Ф. Иван Грозный. М., 1998. [Platonov S.F. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible]. Moscow, 1998.]
37. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1907. [Platonov S.F. Lektsii po russkoy istorii [Lectures on Russian history]. St. Petersburg, 1907.]
38. Плотников Н.С. Андрей Курбский. М., 1992. [Plotnikov N.S. Andrey Kurbskiy [Andrey Kurbsky]. Moscow, 1992.]
39. Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России 1-й четверти XIX в. М.; Л., 1957. [Predtechensky A.V. Ocherki obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii 1-y chetverti XIX veka [Essays on the socio-political history of Russia in the 1st quarter of the XIX century]. Moscow; Leningrad, 1957.]

40. Пресняков А.Е. Александр I. Пг., 1924. [Presnyakov A.E. Aleksandr I [Alexander I]. Petrograd, 1924.]
41. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. СПб., 1871. [Pypin A.N. Obshchestvennoye dvizheniye pri Aleksandre I [Social movement under Alexander I]. St. Petersburg, 1871.]
42. Сафонов М.М. Протоколы Негласного Комитета // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976. С. 191–210. [Safonov M.M. Protocols of the Secret Committee. *Vspomogatelnyye istoricheskiye distsipliny*. Issue 7. Leningrad, 1976. Pp. 191–210. (In Rus.)]
43. Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л., 1988. [Safonov M.M. Problema reform v pravitelstvennoy politike Rossii na rubezhe XVIII i XIX vv. [The problem of reforms in government policy of Russia at the turn of the XVIII and XIX centuries]. Leningrad, 1988.]
44. Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998. [Sakharov A.N. Aleksandr I [Alexander I]. Moscow, 1998.]
45. Сахаров В.А. Царь Иван Васильевич Грозный и Избранная рада: дискуссия о судьбах русской государственности // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2014. № 4. С. 129–152. [Sakharov V.A. Tsar Ivan Vasilyevich the Terrible and the Elected Rada: A discussion about the fate of Russian statehood. *Moscow University Bulletin. Series 21. Public Administration*. 2014. No. 4. Pp. 129–152. (In Rus.)]
46. Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М., 1975. [Skrynnikov R.G. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible]. Moscow, 1975.]
47. Смирнов И.И. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. [Smirnov I.I. Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka [Essays on the political history of the Russian state in the 30–50s of the XVI century]. Moscow; Leningrad, 1958.]
48. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. Т. VI–X. Кн. 2. Изд. 2-е. СПб., 1897. [Solovyov S.M. Istoriya Rossii s drevneyshikh времен [History of Russia since ancient times]. Vol. VI–X. Book 2. St. Petersburg, 1897.]
49. Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. [Filyushkin A.I. Istoriya odnoy mistifikatsii: Ivan Groznyy i «Izbrannaya Rada» [The story of a hoax: Ivan the Terrible and the “Chosen Rada”]. Moscow, 1998.]
50. Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009. [Florya B.N. Ivan Groznyy [Ivan the Terrible]. Moscow, 2009.]
51. Фроянов И.Я. Драма русской истории: на пути к oprichnine. М., 2007. [Froyanov I.Ya. Drama russkoy istorii: na puti k oprichnina [Drama of Russian history: On the way to oprichnina]. Moscow, 2007.]
52. Шапошник В.В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. [Shaposhnik V.V. Ivan Groznyy: Pervyy russkiy tsar [Ivan the Terrible: The first Russian tsar]. St. Petersburg, 2006.]
53. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Т. II. СПб., 1897. [Schilder N.K. Imperator Aleksandr Pervyy [Emperor Alexander the First]. Vol. II. St. Petersburg, 1897.]

54. Шмидт С.О. Правительственная деятельность А.Ф. Адашева // Ученые записки Московского государственного университета. 1954. Вып. CXVII. С. 25–54. [Schmidt S.O. Government activity of A.F. Adashev. *Uchenyye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1954. Vol. CXVII. Pp. 25–54. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 23.11.2021, принята к публикации 17.03.2022
The article was received on 23.11.2021, accepted for publication 17.03.2022

Сведения об авторах / About the authors

Захаров Виталий Юрьевич – доктор исторических наук; заведующий кафедрой истории, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана; профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры истории, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет)

Vitaly Yu. Zakharov – Dr. History Hab.; Head at the Department of History, Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of History, Moscow Aviation Institute (National Research University), Russian Federation

E-mail: vz1974@yandex.ru

Волков Владимир Алексеевич – доктор исторических наук; профессор кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; профессор кафедры народной художественной культуры, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, г. Москва

Vladimir A. Volkov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of History of Russia of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Professor at the Department of Folk Artistic Culture, Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture, Moscow, Russian Federation

E-mail: lee8@mail.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59

В.Н. Горлов, С.Н. АртемовМосковский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Хрущёвская «оттепель» и десталинизация архитектуры в 1950-е гг.

В статье анализируются проблемы жилищного строительства СССР в послевоенный период, когда экономичность хрущёвского рационализма сменила эстетику сталинского классицизма. Послевоенное увлечение украшательством стало противоречить нарастающей потребности развития массового жилищного строительства. Новые тенденции в архитектуре все серьезнее влияли на официальную архитектурную политику. В статье рассматривается период 1950-х гг., когда типизация проектов, индустриализация домостроения, экономичность и стандартизация жилищного строительства заменили эстетичность классического архитектурного стиля. В статье показано, что изменение творческих установок было связано не только с воздействием на архитектурную практику советских властей, указаний и инструкций Правительства СССР. В 1950-е гг. и в архитектуре стали меняться вкусы и стереотипы. В статье анализируется борьба с «излишествами» в архитектурной сфере, когда происходила эволюция архитектурных представлений, появились новые выразители художественного эталона времени. Проектные инновации в первую очередь были вызваны необходимостью форсированного экономичного строительства жилья советским гражданам. Типовое жилищное строительство при индустриальных методах смогло разрешить жилищный кризис в СССР, что стало реальным достижением советских властей.

Ключевые слова: советская архитектура, сталинский стиль в архитектуре, сталинский классицизм, жилищное строительство в 1950-е гг., индустриализация, типовые архитектурные проекты, рационализм в советской архитектуре, пятиэтажки

© Горлов В.Н., Артемов С.Н., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Горлов В.Н., Артемов С.Н. Хрущёвская «оттепель» и десталинизация архитектуры в 1950-е гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 44–59. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59

V.N. Gorlov, S.N. Artemov

Moscow State Linguistic University,
119034, Moscow, Russian Federation

Khrushchev's “thaw” and the de-Stalinization of architecture in the 1950s

The article analyzes the problems of housing construction in the USSR in the post-war period, when the economy of Khrushchev's rationalism replaced the aesthetics of Stalinist classicism. Decoration began to contradict the growing need for the development of mass housing construction. New trends in architecture increasingly influenced the official architectural policy. The article examines the period of the 1950s, when the typification of projects, the industrialization of housing construction, the economy and standardization of housing construction replaced the aesthetics and beauty of the classical architectural style. The article shows that the change in creative attitudes was associated not only with the impact on the architectural practice of the Soviet authorities, the instructions and instructions of the Government of the USSR. Tastes and stereotypes began to change in architecture in the 1950s. The article analyzes the struggle with “excesses” in the architectural sphere, when the evolution of architectural ideas took place, new exponents of the artistic standard of the time appeared. Design innovations were primarily caused by the need for accelerated economical housing construction for Soviet citizens. Standard housing construction with industrial methods was able to solve the housing crisis in the USSR, which was a real achievement of the Soviet authorities.

Key words: Soviet architecture, Stalinist style in architecture, Stalinist classicism, housing construction in the 1950s, industrialization, typical architectural designs, rationalism in Soviet architecture, five-story buildings

FOR CITATION: Gorlov V.N., Artemov S.N. Khrushchev's "thaw" and the de-Stalinization of architecture in the 1950s. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 44–59. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-44-59

Правление Союза советских архитекторов на своем заседании в мае 1945 г. предлагало советским архитекторам полностью посвятить себя жилищному строительству для своих граждан¹. За период Великой Отечественной войны были нанесен колоссальный ущерб жилищному хозяйству. Необходимо было в ближайшие годы решить первоочередные задачи по его восстановлению.

Послевоенные советские городские проектные учреждения не располагали экономичными типовыми проектами жилых зданий. В силу этого большинство жилых домов строилось по индивидуальным проектам².

После Великой Отечественной войны архитектура должна была символизировать величие советского государства, победившего в страшной войне, должна была показать его военную мощь. Сталинский классицизм в послевоенные годы был возведен в идеал. Надо отдать должное – сталинская архитектура гармонично фундаментальна как снаружи, так и внутри. Это впечатление поддерживалось колоннами, пилястрами, лепными карнизами, балюстрадами, архитектурными ордерами, интерьерами. Стиль «сталинский ампир» был основным направлением в архитектуре с середины 1940-х гг. Символами этого стиля стали знаменитые московские высотки. Сталинский ампир возвеличивал победу социалистического государства в Великой Отечественной войне. Архитектурный стиль выполнял роль идеологического инструмента, создавая величественный образ советской страны, величие достижений советской эпохи.

На главных улицах и площадях советских городов в первую очередь стремились продемонстрировать торжественный вид зданий, в которых можно увидеть удачные решения секций жилых квартир. Однако стоимость жилищного строительства была очень высокой, что не позволяло покончить с жилищным кризисом. Поэтому даже в Москве в 1953 г. было построено жилой площади всего только 812 тыс. м² [5, с. 397].

¹ Обращение Союза советских архитекторов // Архитектура СССР. 1945. № 10. Л. 1–2.

² Вольнов В.А. Масштабно-модульная система проектирования гражданских зданий. М., 1946. С. 4.

Чтобы как можно быстрее выполнить поставленные задачи, необходимо было использовать типизацию и индустриализацию жилищного строительства. Власти это понимали и делали все возможное, чтобы обеспечить население необходимым жильем. Градостроительство становится одним из приоритетных направлений советской экономики. С 1946 г. началась разработка индустриальных конструкций для массового жилищного строительства в столице. Многие встречи и совещания архитекторов и строителей конца 1940-х гг. уделяли вопросу типизации индустриального домостроения все больше внимания. Осознание того, что в архитектуре должны быть серьезные перемены, пронизывало многие документы. В эти годы в журналах выходили статьи об экономической полезности типового проектирования. Удивительно то, что данные статьи практически полностью повторяют постановление 1955 г. совершенно другой политической и экономической эпохи. Например, в журнале «Архитектура и строительство» в 1948 г. речь шла «об излишествах в архитектурном проектировании»³.

Между тем, практическая деятельность советских архитекторов шла вразрез с такими установками: в них не вписывался сталинский классицизм. Поэтому советскую архитектуру стали сдерживать и жестко контролировать. По указанию руководящих партийных органов в журналах и газетах появляются статьи, пропагандирующие ужесточать режим экономии в строительстве, изменить систему городской застройки⁴. В журнале «Архитектура и строительство» было объявлено, что «система ленточной застройки должна быть заменена квартальной застройкой участков»⁵. Понимание «излишества» на первых порах имело исключительно градостроительный смысл. Правительство СССР критиковало излишества в проектах и сметах, порожденные занятием огромных территорий под строительство и разбросанностью строек⁶.

Для москвичей даже переполненная коммунальная квартира считалась хорошим вариантом. Большая доля граждан проживала в подвалах, на чердаках, в бараках. Чтобы решить этот сложнейший вопрос, необходимо было совершить революцию в жилищной политике. Если в 1930-е гг. главной задачей советского государства было создание собственной промышленности, то в 1950-е гг. главной задачей было обеспечить советских граждан отдельным жильем. Г.М. Маленков

³ Перемыслов А.С. Об излишествах в архитектурном проектировании // Архитектура и строительство. 1948. № 6. С. 17–19.

⁴ Советский архитектор // Правда. 1950. 28 сентября.

⁵ Шасс Ю.М. Заметки о жилищной архитектуре Москвы // Архитектура и строительство. 1947. № 5. С. 7.

⁶ Излишества в проектах и сметах // Правда. 1950. 10 мая.

в своем Отчетном докладе на XIX съезде партии обратил внимание: «не перевелись у нас еще такие руководители, которые не принимают мер к выполнению планов строительства жилья»⁷. В своем докладе на заседании 4-й сессии Верховного Совета СССР в марте 1953 г. Г.М. Маленков предлагал расширить жилищное строительство. Затем он же в августе и А.И. Микоян в октябре 1953 г., выступая в Верховном Совете СССР, обращали внимание на неизбежность принципиально новой жилищной политики, более продуктивной в одолении жилищного кризиса [1, с. 25–26].

В начале 1950-х гг. преодолеть жилищный кризис в стране при прежних методах строительства было невозможно. Сталинская архитектура не могла решить задачи обеспечения жильем миллионов советских граждан. Существовало глубокое противоречие между существующей «официальной» архитектурой и исследованиями в сферах индустриализации и типизации, которые способствовали свехупрощению и форм, и объемно-пространственных решений. Сталинский ампир, прославляющий Великую Победу советского народа, имел совершенно другую направленность.

Политические изменения 1953 г. привели и к изменению жилищной стратегии. Сразу после похорон И.В. Сталина в марте 1953 г. в журнале «Архитектура СССР» предсказывалось: «Нечего и говорить, сколь возрастают художественные возможности типового строительства...»⁸. В июле 1953 г. академик архитектуры И.В. Жолтовский говорил о «необходимости предельного сокращения количества типов и размеров панелей»⁹. В журнале «Архитектура СССР» в 1954 г. была опубликована статья «Типовое проектирование – основная линия развития советской архитектуры»¹⁰. В этом же 1954 г. А. Мордвинов (президент Академии архитектуры СССР) не скрывал, что в советской архитектуре присутствуют излишества¹¹. На следующий год все больше статей было посвящено показателям экономичности планировочных решений¹².

⁷ Маленков Г. М. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б). М., 1952. С. 70.

⁸ Федоров-Давыдов А.А. Некоторые вопросы архитектурной теории и практики в свете труда И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» // Архитектура СССР. 1953. № 3. С. 3.

⁹ Жолтовский И.В. О некоторых принципа крупнопанельного домостроения // Архитектура СССР. 1953. № 7. С. 6.

¹⁰ Шаронов М.И. Типовое проектирование – основная линия развития советской архитектуры // Архитектура СССР. 1954. № 1. С. 1–3.

¹¹ Против формализма в архитектурной практике и науке // Архитектура СССР. 1954. № 10. С. 37–40.

¹² См. например: Стрелянов Л.Н. О коэффициенте K2 и других показателях экономичности планировочных решений // Архитектура СССР. 1955. № 3. С. 8–10.

Утверждения о внезапной творческой перестройке и резком повороте в архитектуре СССР довольно спорны. Пуск первых заводов с поточно-конвейерным производством (Люберецкого и 1-го Московского), строительство заводов железобетонных изделий неотвратимо принуждали перейти к массовому индустриальному жилищному строительству.

Шел поиск новых путей в жилищной политике, несмотря на всеобщее послевоенное увлечение украшательством. Новые тенденции в архитектуре все серьезнее влияли на официальную архитектурную политику. На протяжении всего 1954 г. в центральной прессе выходили статьи, критикующие слишком неэкономичную, перегруженную декоративностью высотную постройку 10–12-этажных домов начала 1950-х гг. Им в пример ставились типовые пятиэтажки, которые были в несколько раз экономичнее. Особенно подвергались критике столичные магистрали (Тульская, Люсиновская ул. и др.), перегруженные «триумфальными» домами.

Многие советские руководители в своих речах упоминали проблемы жилищной политики. Выступая перед своими избирателями, Л.М. Каганович отметил: «Думаю, что не ошибусь, если скажу, что из всех нужд самая острая нужда сейчас в жилье»¹³. Е.А. Фурцева, 1-й секретарь Московского городского комитета партии, обратила внимание: «сейчас народ видит, что строятся такие большие дома и считают, почему я не могу переселиться из подвала или барака, я состою на очереди уже 5–6 лет» [Цит. по: 6, с. 171]. Н.С. Хрущёв, после того как в сентябре 1953 г. был избран 1-м секретарем ЦК КПСС, огласил идею о переходе к массовому жилищному строительству. Такую задачу можно было выполнить только, если при строительстве жилья повсеместно внедрять индустриальные методы, типовое проектирование, снижение стоимости строительства. Н.С. Хрущёв на встрече с избирателями пообещал каждой семье квартиру.

Совещание Московского горкома партии в ноябре 1954 г. раскритиковало стоимость семи сталинских высоток. Вызвала негодование стоимость ротонд Дорогомиловской гостиницы (около 5 млн руб.). Больше всего досталось архитекторам, которые проектировали гостиницу «Ленинградская». Стоимость 1 м² в ней составила 21 тыс. руб. Особенно жестко критиковала архитекторов за излишества 1-й секретарь Московского горкома партии Е.А. Фурцева [6, с. 168]. В августе 1954 г. в газете «Вечерняя Москва» было указано: «Архитекторы, стремясь к тому, чтобы их произведения не были отнесены к “простому строительству”»,

¹³ Каганович Л.М. Речь на собрании избирателей Ташкентско-Ленинского избирательного округа // Правда. 1954. 11 марта.

обращают все внимание на создание художественного образа»¹⁴, основным критерием заявлены вопросы стоимости строительства, а архитектурный образ признается почти не нужным.

Глава партии Н.С. Хрущёв на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г. констатировал: «В нашем строительстве нередко наблюдается расточительство средств, и в этом большая вина многих архитекторов, которые допускают излишества в отделке зданий, строящихся по индивидуальным проектам. Такие архитекторы стали камнем преткновения на пути индустриализации строительства. Людям нужны квартиры. Им не любоваться силуэтами, а жить в домах нужно!»¹⁵.

В целом, совещание стало поворотным пунктом в истории советской архитектуры, резко изменившее ее направленность. Совещание наметило пути снижения стоимости строительства: «Интересы индустриализации строительства диктуют необходимость сделать типовое проектирование главным в работе...»¹⁶. В этот период жилищная политика была и местом противостояния за политическое лидерство. Н.С. Хрущёв использовал жилищную политику, проводя курс на десталинизацию советского общества.

В Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 г. проблему видели в «неэкономичных» лифтах, кухнях, коридорах, высоких потолках и т.п. Разрешение жилищного кризиса видели в типизации и индустриализации строительства, которые считались спасительным выходом в этой тяжелейшей ситуации. Неэкономичность излишеств послевоенной архитектуры стала очевидной всем. Но это была не единственная причина перестройки жилищной политики. Много вопросов вызывали проблемы внутриквартальных пространств.

Казалось, что «эстетский подход» к архитектуре был окончательно закрыт. Утилитарность в жилищной политике считалась панацеей от всяких бед. Кампания против эстетичности и излишеств в советской архитектуре в один момент уничтожила стиль и творческие профессии в архитектуре. На первый план выходят инженерно-строительные специальности, а искусство архитектуры уступило место строительному производству.

Подготовка к жилищной революции была проведена всесторонне и тщательно. Принятые постановления по архитектуре исключили

¹⁴ Экономика строительства // Вечерняя Москва. 1954. 11 августа.

¹⁵ Хрущёв Н.С. О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства. Речь на Всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 года. М., 1955. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 45.

стимулы к оригинальным новаторским поискам и идеям в архитектуре. Профессия архитектора стала полностью подчинена задачам массового жилищного строительства без права воплощения своих замыслов и обязана была воплощать предельно упрощенные решения в строительстве. Была официально утверждена власть строителей, не осознававших общественное значение и роль архитектуры: она «стала придатком строительного производства и профессией, в которой едва ли не каждый считал себя специалистом» [2, с. 3].

В середине 1950-х гг. постоянно внедряли в жилищное строительство элементы типизации (типовые секции, затем типовые жилые дома), массово стали переходить на строительство по типовым проектам. Повышение экономичности жилища и общая установка типизации проектов определялась пониманием архитектуры как средства прямого регулирования социальной жизни. Задачи жилищного строительства в середине 1950-х гг. не соответствовали законам красоты, по которым судили архитектуру. Архитекторы начали разрабатывать типовые проекты, что раньше считалось второстепенной работой. Условия для советских архитекторов наступили очень сложные, т.к. приходилось из нескольких типов домов искать разнообразие в их композиции, группировке.

Хрущёвская жилищная революция преобразовала советского архитектора в инженера, проектирующего типовые дома. Уже в 1963 г. 98% жилых домов в столице возвели по типовым проектам¹⁷. Проекты строящихся зданий стали пересматривать с удалением портиков, скульптур, колоннад, арок, башенок, шпилей, эркеров и т.п. Красивая сталинская архитектура была заменена непривлекательными пятиэтажками, т.к. темпы строительства сталинских домов совершенно не соответствовали задачам по разрешению острейшего жилищного кризиса в послевоенные годы (средняя обеспеченность жилой площадью одного москвича в 1956 г. равнялась 5,1 м² [18, с. 170]).

На XX съезде партии критика излишеств в архитектуре продолжилась. Архитекторы должны были «улучшить проектное дело и ликвидировать излишества в проектировании»¹⁸. Низкие потолки, пятиэтажки без лифтов и мусоропроводов, крошечные прихожие и кухни без расточительного расходования государственных средств должны были способствовать выходу из этого сложного положения с жильем. Н.С. Хрущёв осознал историческую неизбежность индустриализации жилищного

¹⁷ Задачи жилищного строительства // Правда. 1963. 28 декабря.

¹⁸ XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т. 2. М., 1956. С. 555.

строительства в СССР. Он постоянно напоминал: «жилье должно быть рациональным»¹⁹.

В середине 1950-х гг. произошла настоящая революция в жилищной политике советского государства. Н.С. Хрущёв в 1958 г. еще раз напомнил о новых решениях в жилищной политике: «Дело в принципиальном изменении направления архитектуры, и это дело надо довести до конца»²⁰.

Пятиэтажки позволили решить важнейшую государственную социально-политическую задачу – обеспечить большую часть советских семей отдельными квартирами. Ухватившись за идею пятиэтажек, Н.С. Хрущёв провозгласил: «Есть архитекторы, считающие, что надо строить многоэтажные здания с целью лучшего архитектурного оформления города. Они ошибаются»²¹. При Н.С. Хрущёве страна выбралась из подвалов и барачков.

Лидер советского государства понимал, что отдельная квартира для большинства представителей народа – это главный шаг к коммунизму. В Программе КПСС 1961 г. одна из главных целей построения коммунизма через 20 лет ставилась так: «Каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру»²². Эта цель стала государственным общенародным делом.

В жилищной революции огромная роль принадлежала Н.С. Хрущёву. Л.М. Каганович вспоминал: «Надо сказать, что в деле развертывания в более широких масштабах строительства, особенно по внедрению панельного и бетонного строительства, Хрущёв сыграл немалую роль»²³. В.В. Гришин писал: «Он часто бывал на стройках, стремился полезный опыт и предложения осуществить на практике. Н.С. Хрущёв много занимался вопросами строительства, особенно жилищного. По его инициативе в стране широко стали применяться в строительстве детали и конструкции из железобетона заводского изготовления. Получила большое развитие промышленность строительных материалов и конструкций» [4, с. 18].

Несмотря на то, что советским архитекторам не нравился внешний вид хрущевских пятиэтажек, глава государства отстаивал свою правоту: «Поймите, перед нами стоит проблема дать людям побыстрее жилье. Быстро и дешево дома можно получить только на потоке»²⁴.

¹⁹ Хрущёв Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 389.

²⁰ К новому подъему архитектурного творчества (от второго к третьему съезду советских архитекторов) // Архитектура СССР. 1960. № 11. С. 4.

²¹ Хрущёв Н.С. Речь на собрании избирателей 14 марта 1958 года. М., 1958. С. 19.

²² Новая программа КПСС // Правда. 1961. 30 июня.

²³ Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1997. С. 508.

²⁴ Хрущёв Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 388.

Начальник Главмосстроя В.Ф. Промыслов на XII городской партийной конференции 1956 г. декларировал: «Мы строили по индивидуальным проектам. Теперь такой ошибки делать не будем»²⁵. Н.С. Хрущёв вспоминал: «Из-за невероятной нужды в жилье мы вынуждены были выжимать все лишнее, чтобы поскорее удовлетворить большее число нуждающихся. Все подвергалось анализу инженеров-строителей»²⁶. В понимании лидера КПСС функции архитектуры ограничивались только утилитарными проблемами: «Чтобы широко внедрить типовые проекты, надо проявить волю и настойчивость, т.к. в этом деле, мы, возможно, встретим и сопротивление. Придется, видимо, кое-кому хорошенько разъяснить необходимость этого дела»²⁷.

Эстетика как творческий метод были сразу же забыты. Социальные проблемы выходили на первый план. Не только партийные чиновники, но и архитекторы с этим обстоятельством не спорили. На Втором Всесоюзном съезде советских архитекторов 1955 г. архитекторы, включая академика архитектуры И.В. Жолтовского, президента Академии архитектуры А.В. Власова, салютовали на съезде главе государства: «мы приняли жилищную программу сразу, всем сердцем и как руководство к действию»²⁸.

На этом съезде объявили: «Простота и строгость форм, экономичность решения, забота о бытовых удобствах – таковы ведущие, определяющие черты советской архитектуры»²⁹. Академик архитектуры Б.Р. Рубаненко сказал: «Надо меньше думать о том, что мы создаем ансамбли, которые войдут в века, и больше думать о том, чтобы дать народу удобное и недорогое жилище»³⁰. Осуждение Хрущёвым архитектурной практики в СССР предопределило на длительный период назначение советской архитектуры.

Не только экономические причины содействовали возведению пятиэтажек. В мире шла подготовка к ядерной войне. Хрущёв заявил: «Вторая причина возведения пятиэтажек – военного характера. Чем выше здания, тем при бомбежке больше разрушений и жертв... Если опять разразится военная катастрофа, то взрывная волна, которая распространяется веерообразной воронкой снизу вверх, сокрушит меньше»³¹.

²⁵ Хрущёв Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 388.

²⁶ Там же. С. 393.

²⁷ Второй Всесоюзный съезд советских архитекторов. Стенографический отчет. М., 1956. С. 230.

²⁸ Там же. С. 100–101.

²⁹ Там же. С. 35.

³⁰ Дискуссия о новаторстве и наследии в советской архитектуре // Архитектура СССР. 1956. № 1. С. 48.

³¹ Хрущёв Н.С. Воспоминания. М., 1997. С. 398–399.

Хрущёв стал практиковать поездки архитекторов и строителей в европейские государства для изучения практики жилищного строительства. Делегации возглавлял заведомо строительства ЦК КПСС Н.П. Дудоров. За 2 месяца они посетили 32 города [7, с. 300]. Такие поездки еще более убедили лидера государства в необходимости экономических домов с посемейным заселением для быстрого обеспечения советских граждан отдельными квартирами. Идея перехода к пятиэтажным безлифтовым зданиям из железобетонных панелей с высотой потолка 2,5 м и другими минимальными удобства пришла к НС. Хрущёву после его поездки во Францию, где ему показали дешевое социальное жилье.

Н.С. Хрущёву понравился французский опыт строительства малоэтажных муниципальных домов, понравилось крупнопанельное домостроение. Н.С. Хрущёв считал, что именно в этом СССР нуждался больше всего. ЦК КПСС и Совет Министров СССР тщательно и всесторонне изучали вопрос. Эта поездка дала старт эпохе массового жилищного строительства. Н.С. Хрущёва поддержала первый секретарь Московского горкома партии Е.А. Фурцева: «Надо по-разумному подойти к этому, а не оказываться в оппозиции к тем хорошим мероприятиям, которые позволят нам увеличить получение новой площади» [Цит. по: 6, с. 171].

Смена архитектурных стилей произошла необыкновенно быстро. Если в начале 1950-х гг. «стояла задача создания советской классики»³², то в середине 1950-х гг. в СССР стали преобладать типизация и индустриализация.

В годы правления Хрущёва в концепции социалистического реализма ведущее место занял экономический принцип с тотальной экономией и максимальной типизацией. Установка на утилитаризм, абсолютизация социальных, экономических и технических аспектов архитектуры привела к однообразию всеобщих Черемушек с предельной лаконичностью и функциональностью.

Эстетические методы архитекторов переродились в техницистские методы инженера, которые полностью обособили эстетическое и утилитарное без всякой надежды на их синтез. В практическом творческом процессе техницизм заменил декоративизм: «Задачи архитектора... состоят в том, чтобы проектируя в первую очередь жилье, обеспечить в нем удобство и комфорт, а потом уже думать о фасаде»³³. В 1950-е гг. именно утилитарным, функциональным потребностям было отдано

³² Савицкий Ю.Ю. Русское классическое наследие и советская архитектура. М., 1953. С. 5.

³³ Калистратов С. О значении архитектурного творчества // Архитектура СССР. 1958. № 1. С. 47.

предпочтение. Архитекторы выполняли социальный заказ – проектировать исключительно пятиэтажные дома с максимальной экономичностью. В тех сложных политических и экономических условиях это позволило решить важные социальные задачи.

Необходимо отметить идеологическое соревнование в период холодной войны. СССР при Хрущёве постоянно доказывал преимущества своего общественного строя. Массовое жилищное строительство должно было показать внимание социалистического государства к нуждам советских граждан. В Советском Союзе всего за 7 лет (1956–1963) жилых зданий возведено было больше, чем за предыдущие 40 лет [3, с. 15]. По темпам строительства жилья в конце 1950-х – начале 1960-х гг. советское государство вышло на первое место в мире [8, с. 233].

К сожалению, в индустриальное домостроение в СССР не был заложен механизм обратной связи. В жилищное строительство были вложены значительные бюджетные средства. Однако мощный технологический строительный механизм был запущен с очень большой инерцией. Советская строительная индустрия приобрела самодовлеющее значение, не имея возможности производить изменения в своей системе в случае претензий советских граждан к качеству жилья. При огромных масштабах массового жилищного строительства не смогли решить те проблемы, о которых предупреждали архитекторы и строители еще в 1950-е гг. Эти проблемы касались, в первую очередь качества жилья, гибкости технологии, типологических характеристик жилья.

При Хрущёве классический архитектурный стиль в одночасье был уничтожен, между классикой и конструктивизмом была целая эстетическая пропасть. Архитектурное наследие Н.С. Хрущёва до сих пор вызывает ожесточенные споры. Это наследие представляется одновременно и разрушительным, и созидательным.

В эпоху оттепели произошла настоящая технологическая революция – переход к индустриальным методам жилищного строительства, повсеместно всевозможными способами распространялись установки на рациональное удешевление и быстроту возведения жилищного строительства. То, что сейчас называют хрущевками, невзрачными пятиэтажками, в эпоху оттепели рассматривалось как стиль эпохи, как элемент конструктивизма в архитектуре. Эстетика простоты выходит на первый план, украшения не соответствовали эпохе оттепели, когда необходимо было дать каждой семье отдельную квартиру, вытащить советских граждан из бараков и коммуналок. Произошли не только стилевые изменения, но и изменения в освоении городской территории, в темпах градостроительного развития.

После второй мировой войны появились новые тенденции в европейской архитектуре и градостроительстве. Они нашли свое отражение и в архитектуре и градостроительстве Советского Союза. Наступила эпоха новых строительных материалов, конструкций, методов строительства. Наступило время нового содержания зданий. Традиционные архитектурные приемы с эркерами, декором, балюстрадами, парапетами и т.п. увеличивали стоимость жилищного строительства, значительно затрудняли деятельность производств истроек. Архитектурное творчество не сразу и с усилием перенимало мировые тенденции в градостроительстве.

Эстетические функции архитектуры уступили место утилитарным функциям. Представления об удобном устройстве и красоте менялись. В советской архитектуре в 1950-е гг. отражались и идеологические, и общесоциальные задачи советского государства.

Ошибочно утверждать, что изменение архитектурного стиля произошло внезапно. Изменение готовилось с начала 1950-х гг. В архитектурно-градостроительной деятельности в этот период наступил кризис. Невозможно было соединить назначение типового индустриального жилищного строительства с классическим архитектурным стилем. Интегрировать эти функции в данный период не представлялось возможным.

В это же время задача интеграции в мировой архитектурный процесс направляла советских градостроителей использовать индустриализацию, стандартизацию, типовые проекты, удешевляющие жилищное строительство. Такая тенденция в начале 1950-х гг. становится самой значительной и жизненно важной. Поэтому лидер государства, объявляя стилевой пересмотр отечественной архитектуры, указывал не только на отрицание сталинского классицизма, но и на необходимость как можно быстрее осваивать современный зарубежный опыт. Поэтому обвинения советских архитекторов в чрезмерном расходовании государственных средств на «украшательство» были вполне своевременны.

В 1950-е гг. постепенно у властей складывалось понимание того, что возрастающие социальные проблемы можно разрешить только методами индустриализации и типизации жилищного строительства. Понимание этого вызревало и в среде архитекторов. Воплощение этой тенденции началось с назначением на пост первого секретаря Московского городского комитета ВКП(б) Н.С. Хрущёва. Поэтому нельзя категорично утверждать о неожиданной смене архитектурного стиля в 1954–1955 гг. Шел закономерный процесс в области градостроительства.

Постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» 1955 г. законодательно оформило окончание сталинского классицизма. Диктовать условия с этой поры стали строители. Роль архитектора была сведена практически к нулю. Хрущёвские пятиэтажки становятся наглядной моделью функционализма – архитектурного направления, которое в высшей степени технологично и полностью лишено помпезности сталинского ампира. Они стали первым проектом массового типового жилищного строительства.

Экономичность хрущёвского рационализма сменила эстетику сталинского классицизма. Ругать руководителей советского государства за тот решительный шаг неразумно. Необходимо было построить значительное количество доступного жилья. При массовом жилищном строительстве было не до украшательства.

Таким образом, официальная архитектурная направленность не могла решить задачи массового жилищного строительства. Кризис в советской архитектуре объективно должен был разрешиться осуждением эстетической направленности в архитектурно-строительном деле. Украшательство стало противоречить нарастающей потребности развития массового жилищного строительства. В силу этих объективных причин пришлось принести в жертву утилитаризму красоту. Практика украшательства была безжалостно осуждена как мешающая прогрессу в жилищной политике. Наступала новая эпоха с упрощенной архитектурой. При массовом жилищном строительстве архитектура как искусство практически перестала существовать.

Время перемен в архитектурно-строительном деле совпало с политическими переменами. Это отразилось и на архитектуре. После смерти Сталина произошло кардинальное изменение архитектуры. Яростная борьба с излишествами привела к исчезновению индивидуальности в архитектуре.

Политические события начала 1950-х гг. отразились на всех сферах жизни советского государства. В архитектуре в 1950-е гг. стали меняться вкусы и стереотипы. Изменение творческих установок было связано не только с воздействием на архитектурную практику советских властей, указаний и инструкций Правительства СССР и лично руководителя государства. Не все было так однозначно. Проектные инновации, бесспорно, были вызваны необходимостью форсированного экономического строительства жилья советским гражданам, прозябающим в подвалах, полуподвалах, бараках, коммуналках. Однако все чаще возникает вопрос – а не совпала ли эпоха рационализма, утилитаризма в советской архитектуре со сменой эстетических идеалов? Не совпала ли борьба

с украшениями, «излишествами» с появлением новых выразителей художественного эталона времени? Вполне возможно, что существовала зависимость между кардинальными партийными заключениями в архитектурной сфере и эволюцией архитектурных представлений.

В Советском Союзе утилитарные тенденции десятилетиями не изменялись. Такое канонизирование методов жилищной политики не могло не привести к запаздыванию архитектурного дела в СССР. Типовое жилищное строительство при индустриальных методах смогло разрешить жилищный кризис в СССР. Но отсутствие обратной связи неизбежно привело к диктату огромного инерционного строительного комплекса СССР.

Следует напомнить, что власти давали таким экономичным пятиэтажкам срок эксплуатации 25–30 лет. Миллионы советских граждан после переезда из переполненных коммуналок, бараков, подвалов в отдельные квартиры по праву считали себя счастливыми людьми. Поэтому установка на массовое жилищное строительство была единственно правильной и удачной. Это было реальное достижение советских властей.

Библиографический список / References

1. Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформация власти. М., 1999. [Aksyutin Yu.V., Pyzhikov A.V. Poststalinское obshchestvo: problema liderstva i transformatsiya vlasti [Post-Stalinist society: The problem of leadership and the transformation of power]. Moscow, 1999.]
2. Бирюков И.Г. Городу – художественно осмысленную среду // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 10. С. 2–4. [Biryukov I.G. To the city artistically meaningful environment. *Arkhitektura i stroitelstvo Moskvy*. 1988. No. 10. Pp. 2–4. (In Rus.)]
3. Бромлей Н.Я. Уровень жизни в СССР (1950–1965 гг.) // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 11–18. [Bromley N.Ya. Standard of living in the USSR (1950–1965). *Voprosy istorii*. 1966. No. 7. Pp. 11–18. (In Rus.)]
4. Гришин В.В. От Хрущёва до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А.Н. Косыгина. М., 1996. [Grishin V.V. Ot Khrushcheva do Gorbacheva. Politicheskie portrety pyati gensekov i A.N. Kosygina [From Khrushchev to Gorbachev. Political portraits of five General Secretaries and A.N. Kosygin]. Moscow, 1996.]
5. История Москвы в годы Великой отечественной войны и в послевоенный период. 1941–1965 гг. М., 1967. [Istoriya Moskvy v gody Velikoy otechestvennoy voyny i v poslevoennyy period. 1941–1965 gg. [The history of Moscow during the Great Patriotic War and in the post-war period. 1941–1965.] Moscow, 1967.]
6. Москва: годы обновления и реконструкции. М., 1977. [Moskva: gody obnovleniya i rekonstruktsii [Moscow: The years of renewal and reconstruction]. Moscow, 1977.]

7. Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных наркомов»: История НКВД–МВД от А.И. Рыкова до Н.А. Щелокова, 1917–1982. М., 1995. [Nekrasov V.F. Trinadtsat «zheleznykh narkomov»: Istoriya NKVD–MVD ot A.I. Rykova do N.A. Shchelokova, 1917–1982 [Thirteen “iron Commissars”: The History of the NKVD – Interior Ministry from A.I. Rykov to N.A. Shchelokov, 1917–1982]. Moscow, 1995.]
8. Соколов А.К., Тяжельникова В.С. Курс советской истории. 1941–1991. М., 1999. [Sokolov A.K., Tyazhelnikova V.S. Kurs sovetskoy istorii. 1941–1991 [Course of Soviet history. 1941–1991]. Moscow, 1999.]

Статья поступила в редакцию 06.01.2022, принята к публикации 01.03.2022
The article was received on 06.01.2022, accepted for publication 01.03.2022

Сведения об авторе / About the author

Горлов Владимир Николаевич – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Vladimir N. Gorlov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: gorlov812@mail.ru

Артемов Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения, Московский государственный лингвистический университет

Sergey N. Artemov – Dr. History Hab.; Professor at the Department of Historical Sciences and Archiving, Moscow State Linguistic University

E-mail: asn66@List.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-60-77

Р.А. ОреховЦентр египтологических исследований РАН,
117198 г. Москва, Российская Федерация

К вопросу о появлении чумы в Древнем Египте

На протяжении своей истории человечество постоянно сталкивается с различными эпидемиями, которые активно влияют на общественные процессы. К их числу относится знаменитая чума. Группа генетиков под руководством М. Ахтмана выявила самый первый очаг возбудителя данной инфекции в восточной части Африканского нагорья. Оттуда биовар «антик» распространился в северном направлении, включая территорию долины Нила и исторического Египта. Однако сроки этого процесса были крайне неопределенны, от 20 000 до 1500 лет назад. В этой связи возникает вопрос, существует ли маркер, на основании которого можно судить о появлении данного заболевания в Древнем Египте, и можно ли составить хотя бы приблизительно этапы распространения столь опасного заболевания? Анализируя доступные источники, автор статьи приходит к следующим выводам. Если правомерно говорить о распространении чумы в Древнем Египте, то совершенно очевидно, что ее вспышки изначально могли носить исключительно сезонный и локальный характер. Связано это было с тем, что в момент сильных разливов переносчик чумных блох дикая крыса *Arvicanthis niloticus* покидала привычные места обитания и временно селилась вблизи человеческих жилищ, где заражала людей и домашних животных. Благодаря естественной водной преграде и равномерному распределению поселений друг от друга, сохранялась безопасная дистанция, не позволяющая отдельным вспышкам перерасти в эпидемию. Как только происходил спад воды, крысы откочевывали в свои места обитания

© Орехов Р.А., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

и инфекция естественным образом прекращалась. Ситуация начинает радикально меняться тогда, когда из-за разрастания торговых и посреднических операций в Поздний период истории Египта (664–332 гг. до н.э.) и Птолемеевское время (305–30 гг. до н.э.) в долину проникает черная крыса *Rattus rattus*. В отличие от *Arvicanthis niloticus* черная крыса не откочевывает в дикую среду, а постоянно живет рядом с человеком. Своеобразным маркером чумного заболевания в это время становится почитание богини Бастет в образе домашней кошки. Кошка выступает не просто как естественный борец с крысами, но и сама является фактором распространения данного заболевания. Наконец, решающую роль в распространении чумы привносит африканская блоха-эндемик *Xenopsylla cheopis*. Благодаря тому, что это насекомое может длительное время обходиться без пищи, способно жить в зерне и тканях, а также тому, что оно паразитирует на крысах рода *Rattus*, которые обитают в том числе в портовых сооружениях и трюмах кораблей, возникает риск передачи заболевания на значительные расстояния. Последний фактор мог привести к вспышкам чумы в античном Средиземноморье.

Ключевые слова: чума в древнем Египте, теория Е. Панайотакопулу, Бастет, Сехмет

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Орехов Р.А. К вопросу о появлении чумы в Древнем Египте // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 60–77. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-60-77

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-60-77

R.A. Orekhov

Centre for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, 117198, Russian Federation

On the question of the appearance of plague in Ancient Egypt

Throughout its history, humanity is constantly faced with various epidemics that actively affect social processes. Plague is among them. A group of geneticists led by M. Ahtman localized the very first cases of this infection

in the eastern part of the African Highlands. From there, an 'antique' biovar spread northward, including the Nile Valley. However, chronology of this process is extremely uncertain, ranging from 20,000 to 1,500 years ago. In this regard, a question arises: are there any signs, on the basis of which one can conclude that the disease reached Egypt and at least approximately detect stages of its spread? After analyzing available sources, the author of the paper comes to a number of conclusions. It is quite obvious that outbreaks of plague could initially be seasonal and local only. At the time of floodings, a carrier of plague fleas – the wild rat *Arvicanthis niloticus* – left its regular habitats and temporarily settled near human dwellings, where it infected people and domestic animals. A natural water barrier and long distances between settlements prevented individual outbreaks from turning into an epidemic. As soon as the water receded, the rats migrated to their habitats and the infection naturally stopped. The situation changed radically after, due to growth of trade in the Late (664–332 BC) and Ptolemaic (305–30 BC) periods of the Egyptian history, the black rat *Rattus rattus* came into the country. Unlike *Arvicanthis niloticus*, the black rat did not migrate into the wild nature, but constantly lived next to humans. A peculiar marker of plague at this time was a cult of Bastet in the form of a domestic cat. The cat acts not only as a natural fighter against rats, but also as a factor of spreading the disease itself. Finally, the endemic African flea *Xenopsylla cheopis* played a decisive role in spreading plague. This insect can go without food for a long time. It is able to live in grain, tissues and on rats of the genus *Rattus*, which besides other places stay in port facilities and holds of ships. As a result, there is a risk of transmission of the disease over long distances. The latter factor could lead to outbreaks of plague in the ancient Mediterranean.

Key words: plague in Ancient Egypt, Bastet, Sekhmet, E. Panagiotakopulu's theory

FOR CITATION. Orekhov R.A. On the question of the appearance of plague in Ancient Egypt. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 60–77. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-60-77

Прежде чем я перейду к основной идее данной статьи, мне хотелось бы сказать пару слов о том, как начинала разрабатываться данная тема. В конце XX в. группа генетиков под руководством М. Ахтмана (Институт молекулярной генетики М. Планка, Институт Л. Пастера), сделала фундаментальное открытие. Ученые выяснили, что возбудитель чумы *Yersinia pestis*, открытый бактериологом А. Йерсенем в конце XIX в., произошел от возбудителя псевдотуберкулеза *Yersinia Pseudotuberculosis*. Однако сроки появления первого биовара были

крайне неопределенны: указывался временной разброс от 20 000 до 1500 лет назад [6, с. 14047]. Впоследствии датские генетики уточнили эту дату. Для этой цели они проверили 89 млрд необработанных последовательностей ДНК, взятых из зубов более сотни людей бронзового века из Европы и Азии [39]. В целом, анализ показал, что возраст общего предка всех известных штаммов *Yersinia pestis* – 5783 года.

Последующие выводы ученых имели куда более важное значение уже для историков. Так, группа М. Ахтмана выявила самый первый очаг возбудителя инфекции¹ в восточной части Африканского нагорья, на территории современной Кении (рис. 1). Оттуда т.н. биовар «антик» распространился в северном направлении, включая территорию долины Нила и исторического Египта [6], что определенно свидетельствовало о распространении патогена в периоды поздней додинастики и Раннего царства. Другой вывод также имел принципиальное историческое значение: патоген чумы стал передаваться блохами во временном интервале 1700–1000 гг. до н.э., что привело, в конечном счете, к многочисленным исторически зафиксированным эпидемиям [39, с. 575]. В этой связи возникает вопрос, существует ли маркер, на основании которого можно судить о появлении данного заболевания в Древнем Египте, и можно ли составить хотя бы приблизительно этапы распространения столь опасного заболевания? Этой проблеме и будет посвящена данная статья.

Обозначенный нами вопрос представляется весьма актуальным. Несмотря на то, что в последние десятилетия было установлено, что чума является типичным африканским эндемиком, а ее появление в Ближневосточном ареале и на территории Античной ойкумены, действительно, могло иметь в том числе и египетское происхождение [9; 41], существуют определенные трудности как археологического, так и в более широком смысле источниковедческого характера в ее идентификации.

В частности, группа швейцарских исследователей, занимающаяся анализом египетских источников, отмечает, что в историческом контексте мы обязательно должны учитывать ряд типичных археологических признаков, указывающих на чумную пандемию [23]. Прежде всего, это массовые захоронения, в которых все возрастные группы и оба пола были похоронены вместе и одновременно, «поспешные захоронения», не соответствующие установленным религиозно-социальным практикам (например, отсутствие в них мумифицированных тел). Ученые отмечают, что подобные захоронения встречаются в Древнем Египте крайне редко.

¹ Гипотеза М. Ахтмана породила обширную дискуссию (см. альтернативную теорию об азиатском очаге [4]). В настоящий момент этот патоген существует уже на 4 континентах в многочисленных природных очагах в популяциях более 200 видов диких норных млекопитающих.

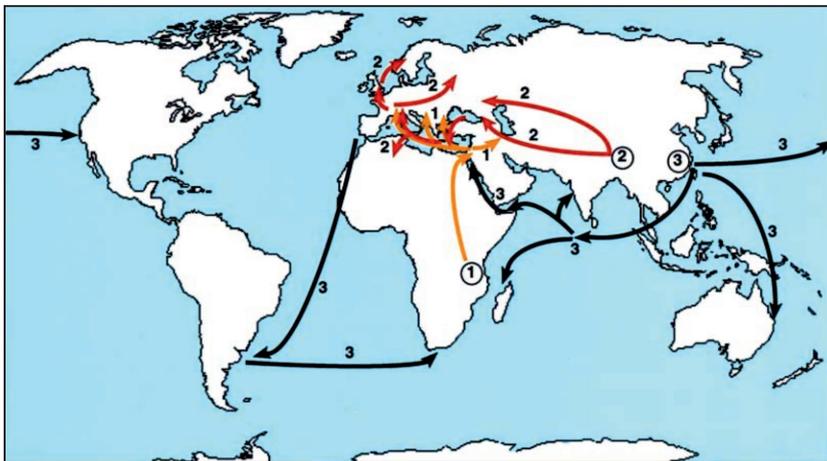

Рис. 1. Возникновение и распространение возбудителя чумы (по М. Ахтману)

Отсутствие в Египте научно обоснованной статистики населения не позволяют выявить показатели чрезмерной смертности. Поэтому единственными оставшимися индикаторами возможных серьезных заболеваний являются серии скелетных и мумифицированных человеческих останков. Но и здесь существует серьезная проблема. Чума крайне скоротечное заболевание, не оставляющее следов на скелете человека, что вызывает трудности при ее идентификации, не говоря о том, что пораженные инфекцией тела просто могли сжигать. Поэтому единственный вариант данной группы источников – это только анализ мумифицированных останков и ДНК-тесты, взятые из пульпы зубов. И наконец, что касается письменных источников, даже вполне достоверные признаки одной из разновидностей чумы, т.н. бубонной, зафиксированные в медицинских папирусах с середины XVIII династии (папирусах Эберса, Херст, Лондонском медицинском папирусе²), слишком расплывчаты и не позволяют выявить точную природу описываемого в них заболевания.

С данных позиций выявление такого заболевания в египетском историческом контексте представляется едва ли выполнимой задачей.

² Первые египетские документы, в которых сообщается о чумных признаках, датируются временным промежутком от 1550 до 1505 гг. до н.э. (Медицинский папирус Херст, папирус Эберса). Некоторые сведения содержатся в Лондонском медицинском папирусе (1350 г. до н.э.) [21]. О появлении чумы в Древнем Египте и о природе данного заболевания было высказано множество различных гипотез. Болезнь рассматривали преимущественно как занесенную извне, например, с территории Ближнего Востока – буквально, «ту, что от азиатов (tA-nt-amw)» [21]. Зачастую ее наличие даже отрицалось [20; 38].

В этой связи представляется актуальным поиск альтернативных подходов к решению данной проблемы. Предложим несколько путей ее возможного решения.

Первый подход я условно назову археологическим. Его суть состоит в том, что анализу подвергаются не собственно костные останки или захоронения (не обязательно нетипичные), а их пространственно-географическая локализация. Поясню, о чем идет речь. К северу от региона Бадари на протяжении около 300 км вплоть до Фаюма не обнаружено никаких додинастических памятников. По мнению К. Бард, регион Фаюма был контактной зоной верхне- и нижнеегипетской культур. Сложно понять, отмечает исследовательница, чем это явление было вызвано: тем ли, что эта территория Среднего Египта не была заселена в додинастическую эпоху, тем, что этот регион слабо изучен, либо же тем, что памятники, расположенные здесь, хуже сохранились [12, с. 17]. Т. Леви и Е. Ван ден Бринк характеризуют Средний Египет как буферную зону между соперничавшими культурами Нагада и Буто-Маади [32, с. 9]. По их мнению, пространство между Седментом на севере и Матмаром на юге было действительно не заселено. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что на территории Среднего Египта не было найдено никаких некрополей, которые, как правило, располагались на окраине долины.

Относительно данного факта П. Ларгача приводит интересную статистику. Он, в частности, пишет, что численность населения Египта в период, непосредственно предшествовавший воцарению I династии, составляла от 200 000 до 800 000 чел., что никак не могло стать причиной возникновения демографического кризиса и связанной с ним экспансией южан на север. Долина Нила, по мнению П. Ларгачи, могла прокормить и значительно большее количество людей [29, с. 109]. Более того, в период Нагада IIc-d поселения в Верхнем Египте либо значительно уменьшились в размерах, либо вообще прекратили существование [Там же, с. 110]. П. Ларгача задает в этой связи логичный вопрос: почему, если в Верхнем Египте действительно существовала нехватка земли, население этой территории не осваивало огромную территорию Среднего Египта, которая почти не была заселена. Полемизируя с теорией К. Бард, согласно которой освоение земель в Среднем Египте требовало огромных трудовых затрат [10], он приводит похожий пример из Месопотамии, где при схожих климатических условиях шумеры смогли освоить дикие обширные территории под сельскохозяйственное производство [29, с. 112]. Если бы, продолжает ученый, в Верхнем Египте действительно существовала нехватка земли и продуктов питания, вызванная перенаселенностью, освоение земель в Среднем Египте

произошло бы независимо от сложности выполнения этой задачи. Однако происходит совершенно другое – в период Нагада III и далее при правлении I династии многие поселения в Верхнем Египте уменьшаются в размерах или вовсе исчезают, в Среднем Египте их количество увеличивается крайне незначительно, но при этом в Дельте возникает множество новых поселений [29, с. 113].

П. Ларгача связывает данное явление с торговой экспансией. Однако если мы допустим, что выводы исследовательской группы М. Ахтмана верны, то данный пространственный разрыв между севером и югом страны может указывать и на возможное переселение значительной племенной группы вследствие возникших эпидемий (в т.ч. и чумы!) с последующим их пространственным купированием. Отметим, что значительные миграции населения в истории человечества могли быть связаны именно с данным фактором.

Так, анализируя миграционные процессы в древней Евразии, М.Ф. Косарев отмечает: «Скорее всего, древние коллективы стремились осуществить переселение на новые территории до того, как начинали свирепствовать голод и эпидемии. Голод 72 г. до н.э. у хунну (не самый страшный в их истории), когда пала половина скота и вымерла треть народа, не оставил у них сил и возможностей для поисков и освоения более благодатных земель. Хунну ослабли в политическом отношении, потеряли зависимые от них земли и были не в состоянии совершать грабительские набеги. Надо полагать, что древних людей гнал из родных мест не столько сам голод со всеми его страшными проявлениями, сколько реальная угроза голода и вымирания. Мигранты должны быть сильными во всех отношениях, чтобы завоевать, освоить и отстоять земли, на которые они пришли» [1, с. 168]. Не подобные ли процессы мы наблюдаем и в Египте?

Как отмечает Б. Кемп, в течение значительной части додинастического периода (IV тыс. до н.э.) модель расселения в Верхнем Египте носила ярко выраженный «приматный» характер, т.е. существовало два крупных протогородских центра, Иераконполь и Нагада, окруженные небольшими поселениями [28, с. 196–198]. Жители этих деревень занималась охотой, собирательством, выращиванием злаковых культур и пастушеским скотоводством. Постепенно происходит их запустение, а Иераконполь и Нагада, аккумулируя в себе данное население, начинают трансформироваться в полноценные города, окруженные стенами. Так, по расчетам Мортенсена, в период правления I династии в Египте проживало только от 100 тыс. до 200 тыс. чел. При этом если в Иераконполе в раннем додинастическом периоде проживало до 10 тыс. чел., то в позднем додинастическом это число доходило

только до 300 [34, с. 28–29]. Как полагает Б. Кемп, с этого момента, 3200–3100 гг. до н.э., начинает формироваться многоступенчатая система расселения с характерной для нее иерархией поселений.

Не вдаваясь в причины данных общественных процессов, обратим внимание, что вспышка любой эпидемии (не обязательно чумной!) несет смертельную угрозу только для значительного коллектива людей, проживающего в условиях плотной городской застройки и тесно примыкающих к ней поселков. Поэтому иерархизация поселений в долине Нила косвенно могла являться естественной защитой от эпидемии, т.к. лучше позволяла населению приспособиться к вызовам природной среды. Неслучайно для Древнего Египта особенно характерно, что небольшие поселения вдоль долины были равномерно распределены на расстоянии друг от друга, что в корне отличало Египет от Месопотамии, где действительно всегда наличествовали крупные города [11, с. 244].

В этой связи можно предположить, что уже в позднединастическую и раннединастическую эпохи египтяне приходят к идее санитарного кордона, роль которого при переносе столицы из Иераконполя в область исторического Мемфиса выполняет Средний Египет. Подчеркнем, что это только возможная гипотеза. Однако она помогает понять, почему в Египте на данном этапе могли происходить только локальные вспышки чумного заболевания, не перерастающие в глобальную пандемию – египтяне отказались от идеи крупного города в принципе!

Второй подход более подробно детализирует эту схему. Его основа была разработана британским палеознтологом Е. Панайотакопулу. Работая долгое время в амарнском проекте под руководством Б. Кемпа, исследовательница обратила внимание на важность составления энтомологических коллекций для выявления возможных переносчиков различных инфекционных заболеваний (клопов, блох, комаров, червей и т.д.), распространенных в то время в Египте [37]. Это позволило ей обосновать гипотезу о присутствии чумы в фараоновском Египте.

В частности, Е. Панайотакопулу обратила внимание на ряд египетских гробничных фресок, где изображена хорошо известная и описанная зоологами нильская крыса *Arvicanthis niloticus* (Desmarest) [38]. Примечательно, что именно этот вид является естественным резервуаром чумы по всей Долине Нила и Восточной Африки в целом [3, с. 295, № 240; 15, с. 846; 16, с. 69–70, 155]. Стоит обратить внимание и на то обстоятельство, что о роли *Arvicanthis niloticus* как древнейшего носителя чумного патогена Е. Панайотакопулу пришла независимо от выводов команды М. Ахтмана. Немецкие исследователи допустили роль именно данной разновидности крысы в распространении самой первой пандемии чумы [6, с. 14047].

Являясь переносчиком чумных блох, это животное в то же время обладает необычайно высоким уровнем иммунитета от данного заболевания. Естественная среда обитания *Arvicanthis niloticus* – побережье реки и водоемов. Так, в первоклассно расписанной гробнице Менна (ТТ 69) нильская крыса показана крадущейся в зарослях папируса к гнезду, где лежат птичьи яйца (рис. 2). В прошлом это дикое животное жило вдали от человека и не представляло для него серьезной опасности. Однако из-за ежегодных и особенно сильных разливов Нила она покидала привычную для себя среду обитания и устремлялась в человеческие жилища, где происходила ее встреча с домашними животными. В данной ситуации цепочка передачи инфекции может выглядеть следующим образом: нильская крыса на время становится животным-комменсалом, т.е. ограниченный период, когда длится наводнение, она существует вместе с человеком и за счет человека, главным образом питается пищевыми отходами. В данной роли она контактирует с синантропным видом мышей или крыс, передавая им своих блох, а синантропные животные, в свою очередь, соприкасаясь с домашними животными, непосредственно передавали инфекцию человеку. В силу географических особенностей Египта, а также с учетом того факта, что в момент разлива население жило более скученно и зачастую вместе с домашними животными, складывалась эпидемическая обстановка. Представляется, что основные положения теории английской исследовательницы справедливы, и ее можно подкрепить дополнительными фактами.

Так, для некоторых синантропных видов крыс характерны сезонные миграции из населенных пунктов на поля и обратно. В частности, на Мадагаскаре египетская крыса *Rattus rattus alexander* в период орошения полей (июнь-август) выселяется из деревень на рисовые поля и поселяется на берегах каналов. В августе, когда крестьяне начинают заливать рисовые поля, происходит обратная перекачка крыс. Они «наводняют» поселки. С этим временем обычно связан и период обострения эпидемической обстановки. Происходит это потому, что именно во влажные месяцы на крысах бывает огромное количество блох – главным образом *Xenopsylla cheopis*³ [3, с. 94]. Данный факт подтверждают и египетские источники.

³ Космополитический вид *Xenopsylla cheopis* в первую очередь паразитирует на крысах рода *Arvicanthis* в засушливых субтропических регионах северо-востока Африки, однако впоследствии этот вид был широко распространен по миру благодаря комменсальным крысам [42, с. 121].

Рис. 2. Нильская крыса *Arvicantis niloticus* в естественных условиях обитания. Гробница Менна, XVIII династия, Фивы
Фото автора

Отметим, что в западной историографии чуму изначально связывали с египетским словом *ꜥꜥdw*. Отсюда его словарная интерпретация – «Pest», «Seuche», «Plaque» [24, с. 26; 25, с. 81]. При этом с чумным

мором (буквально – «годом чумы», «чумным лихолетьем» *j3dwt/jdwt rnpt*⁴) ассоциировались две грозные богини – Бастет и Сехмет. Несмотря на то, что Сехмет покровительствовала врачам [26, с. 44–45], роль этих богинь в мировоззрении египтян была за редкими исключениями преимущественно негативной и разрушительной [36, с. 629; 2]. В противочумных заклинаниях эпохи Нового царства, содержащихся в папирусе Эдвина Смита, болезнь описывается как поветрие, вызванное демоническими спутниками Сехмет и Бастет [13, Pl. XVIII, 1–20; 26, с. 47].

В знаменитом «Каирском календаре» счастливых и несчастливых дней о выходе барки Бастет говорится в том смысле, что это «самый опасный (*ḥ3 ḥ3 ḥ3*)» день и «всякий, кто будет рожден в этот день, умрет от чумы (*jr msw nb m r^c pn r mwt.f n j3dwt rnpt*)» [30, с. 134–135]. Последний момент представляет особый интерес. Дата выхода барки Бастет обозначена в тексте как «месяц третий половодья, день двадцатый (*3bd 3 3ht sw 20*)». Именно к этой дате и была приурочена сезонная вспышка заболевания (*j3dwt rnpt*). Получается, что эта эпидемия исключительно сезонная и происходит в то время, когда население практически продолжает жить на воде, в тесном пространстве жилищ вместе с животными, нильскими крысами и различными эктопаразитами. Следовательно, гипотеза Е. Панайотакопулу в своих основных положениях справедлива.

Отметим дополнительно, что составление календаря «Счастливых и несчастливых дней» относится по времени к середине Среднего царства⁵, когда пики наводнений приближались к своим максимальным значениям [33, с. 119]. Также стоит указать, что самое первое упоминание о чуме содержится в знаменитых «Гимнах диадемам», в которых фигурирует священная змея, дочь и защитница бога Ра. Эта кобраурей охраняла царские венцы, равно как и сам институт царственности, а один из ее эпитетов наделял ее, в том числе, способностью насылать чуму – «чума во рту и (ядовитая) пена на (твоих) губах (*jdw tpw r3.ṯ mnḥw tpw sp.tj.<ṯ>*)» [19, с. 24, (3, 4)]. И Бастет, и Сехмет, в конечном счете, являлись ее проявлениями. Поэтому можно допустить, что кратковременные сезонные вспышки заболевания, которое можно отождествить с чумой (*j3dwt/jdwt rnpt*) были известны в Египте достаточно давно, как минимум с середины Среднего царства, и были связаны с последствиями аномальных разливов Нила.

Следующий этап распространения чумного заболевания в Египте является следствием интенсивного торгового взаимодействия Египта

⁴ В названии болезни заложена ее годовая (сезонная) цикличность.

⁵ При этом его списки более поздние и относятся ко времени XIX–XX династий.

и стран Юго-Восточной Азии в Поздний период и Птолемеевскую эпоху. По мнению Е. Панайотакопулу, он связан с появлением в долине черных крыс *Rattus rattus* [38]. *R. rattus* не является африканским эндемиком, т.к. впервые этот вид появился и распространился в южной части полуострова Декан. В дальнейшем, в середине III тыс. до н.э., он, вероятно, проник на территорию Месопотамии, откуда впоследствии посредством военных кампаний, торгового мореплавания постепенно был занесен и в южное Средиземноморье, прочно обосновавшись в Египте в Птолемеевское время [8, с. 197], хотя отдельные эпизоды могли встречаться и ранее [7].

В отличие от нильской крысы, *R. rattus* живет в больших коллективах и всегда рядом с человеком – в доме, в амбарах, хранилищах, портовых сооружениях и кораблях. До сих пор в Северной Африке распространение этого вида ограничено портовыми кварталами городов, и он не связан с природными очагами чумы [3, с. 93]. На момент появления в Египте он не являлся носителем смертельного заболевания и, как следствие не обладал иммунитетом к *Yersinia pestis*. Однако, как полагает Е. Панайотакопулу, в определенный момент сложились такие условия, когда оба вида стали тесно соприкасаться друг с другом, нильская крыса периодически передавала возбудителя инфекции черной крысе. Как следствие, чумная палочка быстро распространилась на значительной территории Египта, а благодаря преимущественно торговым операциям через порты по всему пространству Средиземноморья [38, с. 272].

Как я отметил выше, основным распространителем чумной палочки является крысиная блоха *Xenopsylla cheopis*⁶. Именно этому виду принадлежит главенствующая роль в поддержании чумного эпизоотического процесса. В условиях африканских тропиков эта блоха-эндемик может жить вдали от хозяина в течение месяца в идеальных условиях температуры и влажности без необходимости питаться своим хозяином. При этом ее можно транспортировать на значительные расстояния, например, в зерне или вместе с тканью. Этот фактор мог сыграть свою роль в том, что Египет экспортировал вместе с зерном чумную бактерию.

⁶ Примечательно, что *Xenopsylla cheopis* была впервые описана под названием *Pulex cheopis* во время экспедиции в Египете в 1901 г. английского банкира и энтомолога Чарльза Ротшильда. При этом блохи *Xenopsylla brasiliensis* и *X. cheopis* всегда отвечали за устойчивость заболевания рядом с водохранилищами на востоке Африканского нагорья, где находится один из трех эндемичных центров распространения чумы [9, с. 330]. Передача чумы здоровому животному осуществляется чаще всего при отрывании блохой содержимого кишечного канала в ранку животного во время насыпания крови. После того, как блоха заразится чумой и до того момента, когда она становится способной передавать инфекцию при укусе, проходит определенный период времени – прединфективный период, в течение которого происходит размножение чумных микробов, попавших в ее организм [3, с. 152].

И здесь можно привести еще один аргумент в пользу теории британской исследовательницы.

Как показывает опыт математического моделирования чумной пандемии, переносчиком инфекции может стать только значительный коллектив черных крыс (*Rattus rattus*). При увеличении их количества происходит вспышка эпидемии и, наоборот, при уменьшении – спад [27]. И вот здесь можно вновь обратиться к достаточно поздним формам культа богини Бастет. В частности, в данном культе есть один малопонятный и до сих пор не проясненный эпизод. Богиня, образ которой изначально ассоциировался преимущественно с грозной львицей, в поздние периоды истории Египта⁷ претерпел существенную метаморфозу, превратившись в обыкновенную домашнюю кошку [36, с. 629]. От этого времени сохранилось большое количество бронзовых фигурок Бастет [31, с. 739; 36, с. 629]. Во многих частях страны появились знаменитые Бубастейоны, кладбища мумифицированных кошек, самые крупные из которых располагались в Бубастисе и Саккаре [35; 36, с. 629]. В чем причины этого явления?

Ученые предположили, что данная форма богини несла положительный характер по отношению к людям, в частности, покровительству материнства, а сами статуэтки выполняли функцию оберегов для беременных женщин, поэтому подобный образ Бастет получил столь широкое распространение [43, с. 40, 53]. В этом положении присутствует доля правды, однако подлинные причины этого явления могли лежать совсем в иной плоскости.

Очевидно, что кошка – это естественный борец с крысами, поэтому ее почитание напрямую вытекает из факта появления в долине Нила большого количества черных крыс. Однако это только одна сторона проблемы. В последние десятилетия большинство случаев заболевания чумой человека зарегистрированы именно в Африке. В частности, на северо-западе Уганды, где ранее имели место вспышки чумы, блохи кошек являются самыми распространенными блохами в домах, где и происходит контакт с возбудителем чумы. Лабораторные исследования американских ученых показали, что блохи кошек являются полноценными переносчиками чумного микроба, однако их эффективность низка по сравнению с крысиными блохами. С другой стороны, несмотря на низкую эффективность, блохи кошек – самые распространенные в жилищах человека в эндемичном по чуме регионе Уганды (Аруа

⁷ Поздний период, охватывающий правление фараонов XXVI–XXX династий (664–332 гг. до н. э.).

и Небби) и периодически заражают носителей чумы – крыс *Rattus rattus* и *Arvicanthis niloticus* [18].

Следует заметить, что домашняя кошка не обладает стойким иммунитетом от чумной болезни, быстро заражается и быстро умирает. Собака, в отличие от кошки, обладает более сильным иммунитетом и погибает только в результате очень сильных эпидемий [38, с. 271; 40]. Она также является естественным борцом с крысами. Но если крыса как синантропный вид просто живет рядом с человеком, то кошка как домашнее животное соприкасается с ним напрямую. Для Древнего Египта это особенно характерно. Следовательно, кошка постоянно является потенциальным источником чумной инфекции, при этом одной из самых опасных ее форм – легочной. Не случайно, что первый задокументированный случай заболевания чумой относится к Птолемеевскому времени и представляет именно легочную форму [38, с. 272; 41, с. 202].

Легочная чума имеет высокую степень контагиозности и способна вызывать тяжелые эпидемии, передаваясь от человека человеку воздушно-капельным путем. Как показывают исследования Р. Батлера, если бубонная чума возникает при поражении кожи (укусы блох), септическая – при попадании инфекции в кровь, то легочная при вдыхании *Yersinia pestis* от другого пациента или животного, например, домашней кошки с легочной болезнью [9, с. 333; 14, с. 656, 659, fig. 3]. Первичная легочная чума имеет короткий инкубационный период, начиная от нескольких часов до нескольких дней. У пострадавших обычно присутствуют внезапные приступы одышки, наблюдается высокая температура, плеврит, боли в грудной клетке и кашель, который может сопровождаться кровянистой мокротой. Болезнь развивается крайне стремительно и приводит к смертельному исходу [14, с. 659]. От подобной болезни египтяне рецептов не знали, как не знали и самого принципа передачи болезни. При этом сам вид умирающих животных и людей мог вызывать у жителей долины Нила чувство ужаса. Не случайно, что ладья богини Бастет имела зловещее название: «Владычица ужаса, великая ужасом (*nbt nrwt ʕ3 nrwt*)»⁸.

В связи с данными обстоятельствами можно предположить, что форма почитания богини Бастет в образе кошки была связана не только с ее ролью благого божества, борца с крысами, но и распространителя пагубной инфекции. А если это так, то древняя суть ее почитания как богини-разрушительницы принципиально не изменилась. Если жрецы Сехмет действительно могли бороться с рядом заболеваний

⁸ Edfou I. 355. 5.

путем хирургического вмешательства или медицинской фармакопеи, то с чумой это было принципиально невозможно⁹.

А если это так, то стоит посмотреть иначе на покровительство Бастет материнству. Например, в позднеегипетском романе о Сетне жрица Бастет Табуба, околдовывая принца, заставляет его убить родных детей [22, с. 36]. Только ценой невероятных усилий Сетне удастся освободиться от ее чар. О покровительстве ли материнству здесь идет речь? Скорее, можно предположить, что бронзовые фигурки богини могли рассматриваться в качестве защитных оберегов от болезни и ее последствий, другими словами, богине могли молиться с целью, чтобы она отвела свой гнев от людей и детей в частности. Ведь поступки Табубы были абсолютно непредсказуемы, как непредсказуем и характер столь опасного заболевания, подлинные причины которого стали понятны только в конце XIX в.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Прежде всего, если правомерно говорить о распространении чумы в Древнем Египте, то совершенно очевидно, что ее вспышки изначально могли носить исключительно сезонный и локальный характер. Связано это было с тем, что в момент сильных разливов дикие крысы *Arvicanthis niloticus* покидали привычные места обитания и временно селились вблизи человеческих жилищ, где заражали людей и домашних животных. Благодаря естественной водной преграде и равномерному распределению поселений друг от друга, сохранялась безопасная дистанция, не позволяющая отдельным вспышкам перерасти в эпидемию. Как только происходил спад воды, крысы откочевывали в свои места обитания и инфекция естественным образом прекращалась. Заметим, что благодаря стечению данных факторов риску вымирания подвергались только единичные поселения. Ситуация начинает радикально меняться тогда, когда из-за разрастания торговых и посреднических операций в Египет проникает черная крыса *Rattus rattus*. В отличие от *Arvicanthis niloticus*, черная крыса не откочевывает в дикую среду, а постоянно живет рядом с человеком. Своеобразным маркером чумного заболевания в это время становится почитание богини Бастет в образе домашней кошки. Кошка выступает не просто как естественный борец с крысами, но и сама является фактором распространения данного заболевания. Наконец, решающую роль в распространение чумы привносит африканская блоха-эндемик *Xenopsylla cheopis*. Благодаря тем обстоятельствам, что это насекомое может длительное время обходиться без пищи и способно жить в зерне

⁹ Впрочем, египтянам со времени Среднего царства был известен принцип дезинфекции помещений от блох. Как полагает Е. Панайотакопулу, для этой цели они использовали раствор натровой соды [37, с. 499].

и тканях, а также паразитирует на крысах рода *Rattus*, которые обитают в том числе в портовых сооружениях и трюмах кораблей, возникает риск передачи заболевания на значительные расстояния.

Подобным образом патоген *Yersinia pestis* мог спровоцировать библейскую чуму филистимлян, вспыхнувшую в городе Ашдоде около 1320 г. до н.э., афинскую чуму, описанную историком Фукидом (430 г. до н.э.), чуму Антонина (165–180 гг. н.э.), чуму Юстиниана (VI в. н.э.), жертвами которой стали уже около сотни миллионов человек¹⁰. С точки зрения нашей гипотезы, стоит обратить внимание на два факта. Все три последние эпидемии были занесены с Ближнего Востока или Африки, следовательно, Египет мог играть в этом распространении далеко не последнюю роль [41, с. 203].

Библиографически список / References

1. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. [Kosarev M.F. Zapadnaia Sibir v drevnosti [Western Siberia in antiquity]. Moscow, 1984.]
2. Орехов Р.А. Роль царя Пепи I в становлении будущей столицы египетского государства – Мемфиса // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3. С. 40–56. [Orekhov R.A. King Pepi's role in forming the future capital of Egypt – Memphis. *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020. No. 3. Pp. 40–56. (In Rus.)]
3. Слудский А.А. Эпизоотология чумы (обзор исследований и гипотез). Ч. 1. Саратов, 2014. [Sludsky A.A. Epizootologiiia chumy (obzor issledovaniia i gipotez) [Plague epizootology (review of research and hypotheses)]. Saratov, 2014.]
4. Сунцов В.В. Происхождение чумы. Перспективы эколого-молекулярно-генетического синтеза // Вестник Российской академии наук. 2019. № 89 (3). С. 260–269. [Suntsov V.V. The origin of plague. Future perspectives of ecological and molecular-genetic synthesis. *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*. 2019. No. 89 (3). Pp. 260–269. (In Rus.)]
5. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Т. 1–2. М., 2006. [Supotnitskii M.V., Supotnitskaya N.S. Ocherki istorii chumy [Essays on the history of the plague]. Vol. I–II. Moscow, 2006.]
6. Achtman M., Zurth K., Morelli G. et al. *Yersinia pestis*, the cause of plague, is a recently emerged clone of *Yersinia pseudotuberculosis*. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1999. Vol. 96 (24). Pp. 14043–14048. DOI: 10.1073/pnas.96.24.14043
7. Armitage P.L. Unwelcome companions: Ancient rats reviewed. *Antiquity*. 1994. Vol. 68 (259). Pp. 231–240.
8. Aufderheide A.C., Rodriguez-Martin C. *The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology*. Cambridge, 2008.
9. Bahnasawy M.M., Sayed Ahmed G.M., Abdel-Fattah M.A. et al. Is plague a problem in the Egyptians Returning back from Libya? *Journal of the Egyptian Society of Parasitology*. 2012. Vol. 42 (2). Pp. 329–348.

¹⁰ Более подробно о хронологии распространения чумы см. [5].

10. Bard K., Carneiro R. Patterns of predynastic settlement location. Social evolution and the circumscription theory. *Cahiers de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille*. 1989. Vol. 11. Pp. 15–23.
11. Bard K. The evolution of social complexity in Predynastic Egypt: An analysis of the Naqada Cemeteries. *Journal of Mediterranean Archaeology*. 1989. Vol. 2. Pp. 223–248.
12. Bard K. From farmers to pharaohs. Mortuary evidence for the rise of complex society in Egypt. Sheffield, 1994.
13. Breasted J.H. The Edwin Smith surgical Papyrus. Vol. I–II. Chicago, 1930.
14. Butler T. Yersinia infections: Centennial of the discovery of the plague bacillus. *Clinical Infectious Diseases*. 1994. Vol. 19. Pp. 655–663.
15. Davies D.H.S., Heisch R.B., McNeill D., Meyer K.F. Serological survey of plague in rodents and other small animals in Kenya. *Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene*. 1968. Vol. 62 (6). Pp. 838–861.
16. Dennis D.T., Gage K.L., Gratz N. et al. Plague manual. Epidemiology, distribution, surveillance and control. Geneva, 1999.
17. Edfou-Rochemonteix M. de, Chassinat E. Le temple d'Edfou I. Revised edition by S. Cauville, D. Devauchelle, fasc. 1–4. Cairo, 1984.
18. Eisen R.J., Borchert J.N., Holmes J.L. et al. Early-phase transmission of *Yersinia pestis* by cat fleas (*Ctenocephalides felis*) and their potential role as vectors in a plague-endemic region of Uganda. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 2008. Vol. 78 (6). Pp. 949–956.
19. Erman A. Hymnen an das Diadem der Pharaonen. Berlin, 1911.
20. Goedicke H. Seuche. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. V. Wiesbaden, 1984. Pp. 918–919.
21. Goedicke H. The Canaanite illness. *Studien zur Altägyptischen Kultur*. 1984. T. 11. Pp. 91–105.
22. Griffith F. Ll. Stories of the High Priests of Memphis. The Sethon of Herodotus and the demotic tales of Khamuas. Oxford, 1900.
23. Habicht M.E., Eppenberger P.E., Rühli F. A critical assessment on proposed outbreaks of plague and other epidemic diseases in Ancient Egypt. *International Journal Infectious Diseases*. 2021. Vol. 103. Pp. 217–219.
24. Hannig R. Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch–Deutsch (2800–950 v. Chr.). Mainz a. R., 1995.
25. Hannig R. Ägyptisches Wörterbuch II. Mittleres Reich und Zweite Zwischenzeit. Teil 1–2. Mainz a. R., 2006.
26. Hoenes S.-E. Untersuchungen zu Wesen und Kult der Göttin Sachmet. Bonn, 1976.
27. Keeling M.J., Gilligan C.A. Bubonic plague: A metapopulation model of a zoonosis. *Proceedings of the Royal Society of London*. 2000. Vol. 267 (1458). Pp. 2219–2230.
28. Kemp B. The early development of towns in Egypt. *Antiquity*. 1977. Vol. 51 (203). 1977. Pp. 185–200.
29. Largacha A. P. The rise of Egyptian sate and Carneiro circumscription theory. *Cahiers de Recherches de l'Institut de Papyrologie et d'Égyptologie de Lille*. 1996. Vol. 18. Pp. 107–118.
30. Leitz Ch. Tagewählerei. Das Buch Hat nHH pH.wj Dt und verwandte Texte. Textband. Wiesbaden, 1994.
31. Leitz Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Bd. I–VII. *Orientalia Lovaniensia Analecta* 112. Leuven; Paris; Dudley, 2002.

32. Levy T.E., van den Brink E.C.M. Interaction models, Egypt and the Levantine periphery. *Egyptian-Canaanite interaction: From the 4th through early 3rd millennium BCE*. E.C.M. Van den Brink, T.E. Levy (eds.). London, 2002. Pp. 3–38.
33. Macklin M.G., Toonen W.H.J., Woodward J.C. et al. A new model of river dynamics, hydroclimatic change and human settlement in the Nile Valley derived from meta-analysis of the Holocene fluvial archive. *Quaternary Science Reviews*. 2015. Vol. 130. Pp. 109–123.
34. Mortensen B. Change in the settlement pattern and population in the beginning of the historical period. *Ägypten und Levante*. Vol. II. M. Bietak (ed.). Wien, 1991. Pp. 11–37.
35. Nicholson P. The sacred animal necropolis at North Saqqara: The cults and their catacombs. *Divine Creatures: Animal Mummies in Ancient Egypt*. S. Ikram (ed.). Cairo, 2005. Pp. 44–71.
36. Otto E. Bastet. *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. I. Wiesbaden, 1975. Pp. 628–630.
37. Panagiotakopulu E. Fleas from pharaonic Amarna. *Antiquity*. 2001. Vol. 75. Pp. 499–500.
38. Panagiotakopulu E. Pharaonic Egypt and the origins of plague. *Journal of Biogeography*. 2004. Vol. 31. Pp. 269–275.
39. Rasmussen S., Allentoft M.E., Nielsen K. et al. Early Divergent Strains of *Yersinia pestis* in Eurasia 5,000 Years Ago. *Cell*. 2015. Vol. 163 (22). Pp. 571–582.
40. Rust J.H., Jr., Cavanaugh C.D., O’Shita R., Marshall J.D. The role of domestic animals in the epidemiology of plague. I. Experimental infection of dogs and cats. *The Journal of Infectious Diseases*. 1971. Vol. 124 (5). Pp. 522–526.
41. Sabbatani S., Fiorino S. The plague of the Philistines and other pestilences in the Ancient World: Exploring relations between the religious-literary tradition, artistic evidences and scientific proofs. *Le Infezioni in Medicina*. 2010. Vol. 3. Pp. 199–207.
42. Suntsov V.V., Ly Thi Vi Huong, Suntsova N.I., Gratz N.G. Plague foci in Viet Nam: Zoological and parasitological aspects. *Bulletin of the World Health Organization*. 1997. Vol. 74 (2). Pp. 117–123.
43. Witts J. The role of magic and medicine in the lives of ancient Egyptian women and their children. MA dis. Stellenbosch University. 2005.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022, принята к публикации 26.04.2022
 The article was received on 03.03.2022, accepted for publication 26.04.2022

Сведения об авторе / About the author

Орехов Роман Александрович – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник, Центр египтологических исследований РАН, г. Москва

Roman A. Orekhov – PhD (History); Leading Researcher, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

E-mail: radamant67@mail.ru

М.К. ЧиняковМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

«Армия» Самори Туре: организация, вооружение и тактика (1870–1890-е гг.)

Впервые в отечественной литературе проводится анализ военной организации государственного образования Уасулу (Васулу) во главе с альмами Самори Туре. Статья раскрывает особенности военной организации на примере противостояния Самори и французских войск. История колониальных войн Франции традиционно освещалась и освещается отечественными и зарубежными учеными в русле исследований современных государств Африки и Азии, бывших колоний Парижа. Однако отечественные ученые изучали французские (и др. аналогичные) войны без рассмотрения многих вопросов в военной плоскости. Отечественные исследователи не посвящали военной организации противоборствовавшей стороны, т.е. колонизируемых государств, никакого внимания. Данный недостаток частично связан с отсутствием доступа к исследовательской литературе на иностранных языках. В центре внимания находятся вопросы, связанные со структурой войск, их комплектования, питания, численности, тактики, уровень развития военного профессионализма. Отдельное место занимает вопрос о вооружении «армии» и предпринятой Самори политики ее перевооружении. В работе делается вывод о незаурядных организаторских и полководческих способностях Самори, о создании гомогенной военной организации, возможно, не имевшей аналога у других государственных образований, как минимум, Западной Африки.

Ключевые слова: Самори Туре, софа, софаконг, билакоро, курузитиги, табала, келетиги, конгтиги, пехота, кавалерия

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Чиняков М.К. «Армия» Самори Туре: организация, вооружение и тактика (1870–1890-е гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 78–87. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-78-87

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-78-87

M.K. Chinyakov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Samori Toure’s “Army”: Organization, weapons, and tactics (1870–1890s)

For the first time in Russian literature, the article analyzes the military organization of the state education of Uasulu (Vasulu), headed by the alma Samori Toure. The article reveals the features of the military organization on the example of the confrontation between Samori and French troops. The history of the colonial wars of France has traditionally been covered and covered by domestic and foreign researchers, including researchers of the modern states of Africa and Asia, the former colonies of Paris. However, local scientists studied French (and other similar) wars without considering many issues on the military plane. Russian researchers devoted minimal attention to the military organization of the opposing side, i.e. colonized states. This shortcoming is partly due to the lack of access to research literature in foreign languages. The focus is on the issues related to the structure of troops, their manning, nutrition, strength, communications, tactics, and the level of development of military professionalism. Special attention is given to the issue of arming the “army” and the policy of its rearmament undertaken by Samori. The paper draws a conclusion about the outstanding organizational and military leadership abilities of Samori, about the creation of a homogeneous military organization, which, perhaps, had no analogues in other state formations, at least in West Africa.

Key words: Samori Touré, sofa, sofakong, bilakoro, kourousitigui, tabala, kélétigui, kongtigui, infantry, cavalry

FOR CITATION: Chinyakov M.K. Samori Toure's "Army": Organization, weapons, and tactics (1870–1890s). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 78–87. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-78-87

История колониальных войн Франции традиционно освещалась и освещается отечественными и зарубежными исследователями. Однако главнейшей характерной чертой изучения этих войн со стороны российских ученых является отсутствие внимания к военной организации противоборствовавшей стороны, т.е. колонируемых государств. Интерес к данной проблематике проявляли только иностранные (прежде всего, разумеется, французские) исследователи, работы которых практически не переведены на русский язык [1].

Объектом изучения данной статьи являются «вооруженные силы» одного из самых известных в истории французской колонизации Африки созданного в 1870–1875 гг. в верховьях реки Нигер государственного образования Уасулу (Васулу) во главе с альмами Самори Туре на примере его противостояния с французскими войсками. Захват французами в плен Самори (29 сентября 1898 г.) символизировал полное подчинение французами Западной Африки.

Главная особенность изучения данной проблематики заключается по понятным причинам в полном отсутствии служебной документации различных военных структур Самори и воспоминаний его военнослужащих, начиная от рядовых и заканчивая командирами и командующими любого звена включительно. Вся информация о войсках Самори может быть извлечена только и исключительно из мемуаров французских обер- и штаб-офицеров, принимавших участие в борьбе против Самори (соответственно, термины они приводили в соответствии с французской лексикой и произношением)¹.

Войска Самори включали пехоту и кавалерию. Артиллерия у Самори отсутствовала совершенно, за исключением четырех медных пушек,

¹ Arlabosse. Une phase de la lutte contre Samory (1890–1892). *Revue d'Histoire des Colonies*. 1932. № 89. Pp. 385–432; № 90. Pp. 465–514; Baratier. A travers l'Afrique. Paris, 1912; Baratier. Épopées Africaines. Paris, Perrin, 1913; Binger. Du Niger au Golfe de Guinée. Paris, 1892; Frey H. Campagne dans le Haut Senegal et dans le Haut Niger. Paris, 1888; Gallieni. Deux campagnes au Soudan Français. Paris, 1891; Gouraud. Souvenirs d'un Africain. Au Soudan. Paris, 1939; Lartigue R. de. Le rapport sur les opérations de la colonne du sud : prise de Samory. *Bulletin du Comité de l'Afrique Française. Renseignements Coloniaux*. 1899. № 7. Pp. 112–140; Péroz E. Au Niger, recits de campagne (1891–1892). Paris, 1894; Péroz E. Au Soudan Français. Paris, 1896.

которые один из французских обер-офицеров увидел в его резиденции в Бисандугу², выставленные, скорее всего, в качестве некоего декоративного элемента «дворцового» экстерьера или для устрашения врага. Даже при осаде Сикасо (май 1887 г. – август 1888 г.) Самори не располагал ни единой пушкой.

Пехота состояла из софа (*sofa*), дугукуназигов (*dougoukounasigui*), билакоро (*bilakoro* или *bilacoro*) и курузитигов (*kourousitigui*).

Основным пехотинцем в «армии» Самори являлся софа, т.е. воин, вооруженный огнестрельным оружием. Первоначально софа комплектовались за счет добровольцев. Вскоре Самори перешел к набору в софа за счет рекрутирования населения Уасулу: один из десяти (нормы могли увеличиваться) физически крепких мужчин-холостяков. Хотя время службы никак не оговаривалось (оставшиеся в живых теоретически должны были сменяться по мере поступления новых рекрутов), «армия» постоянно увеличивалась за счет мужчин разных племен, которых привлекали победы Самори и особенно широкие возможности для грабежа захваченных территорий и населенных пунктов. В мирное время не менее половины «армии» распускалось на полгода по домам на посев и сбор урожая с обязательством следующие полгода являться на регулярную переключку. Остальная половина, разумеется, несла военную службу.

Из софа, заслуживших преданность альмами, комплектовались гарнизонные и «пограничные» войска, – дугукуназиги.

По мере расширения границ Уасулу «армия» Самори стала увеличиваться, в т.ч. за счет завербованных силой мальчиков покоренных вождей (захваченных в плен воинов традиционно убивали сразу) – билакоро. Они обучались ратному делу при софа в качестве «оруженосца» и слуги. После нескольких походов, в возрасте 14–15 лет, они получали ружье, т.е. становились софа. Существовали даже отдельные отряды, составленные из билакоро³. По другим данным, несовершеннолетние пленники, обучавшиеся военному ремеслу, назывались софакеле (*sofa kélé*)⁴.

В случае необходимости Самори мог призвать под знамена (в дополнение к софа и билакоро) курузитигов – ополчение (женатых мужчин, не умевших владеть оружием и не имевших никакого боевого опыта), которое «губернаторы» (государство Самори включало десять «губернаторств») набирали на подведомственной им территории пропорционально нуждам войны.

² Péroz E. Au Soudan Français. Paris, 1896. P. 365.

³ Binger. Du Niger au Golfe de Guinée. Paris, 1892. Т. 1. P. 103.

⁴ Péroz E. Au Soudan Français. Paris, 1896. P. 408.

Можно назвать дополнительно еще один тип пехоты (чье наименование неизвестно) – призываемые на временной основе отряды вассалов Самори.

В отличие от предвзятого мнения, войска Самори делились на некие воинские части и соединения. Хотя Уасулу могло выставить десять «корпусов» (по количеству «губернаторств»), в действительности Самори оперировал, как правило, «сводными» тремя-пятью «корпусами». Они также могли находиться под единым командованием (не обязательно под началом альмами), либо действовать самостоятельно, но выполняя поставленные Самори боевые задачи. Например, в кампании 1884–1885 гг. «армия» Самори включала три «корпуса» под командованием его трех братьев и резерва в личном распоряжении самого альмами.

Каждый «корпус» делился на сотни, т.е. боло (*bolo*), во главе с болокунтигами (*bolokuntigui*), командовавших десятками, т.е. кулу (*kulu*), во главе с кунтигами (*kuntigui*). Болокунтигов и кунтигов Самори отбирал лично. В качестве символа власти командиры носили серебряные боевые топоры с черными «хвостами» и располагали револьвером.

«Корпуса» возглавлялись либо келетигами (*kéletigui*), если он находился под непосредственным командованием Самори или одного из его «заместителей», либо конгтигами (*kongtigui*), если он действовал самостоятельно. Посты келетигов и конгтигов занимали братья Самори; в редких случаях отличившиеся на войне софа.

Боевые действия могли вести не только «корпуса», но и сотни и десятки. Крупные отряды поддерживали связь друг с другом посредством боло.

Самори располагал и гвардией, осуществлявшей двойные функции: во-первых, на поле боя она играла роль последнего резерва; во-вторых, функции его телохранителей.

Самори лично тщательно отбирал будущих гвардейцев (по телосложению, интеллекту) – около пяти сотен мальчиков (из свободных категорий населения, сыновей вождей, пленных). Гвардейцев, гболо (*gbolo*), обучали прежде всего верности альмами; они проходили также курс «гимнастики» и умения владеть оружием. Все до единого должны были пройти через «цензовое командование»: в 16-летнем возрасте альмами назначал их командирами десятков.

Гвардейцы славились абсолютной преданностью альмами. В частности, они отлично зарекомендовали себя в бою при Кабадианбаре (30 марта 1892 г.), когда Самори с трудом вырвался из неминуемого плена благодаря именно мужеству и стойкости гвардейского отряда, почти полностью погибшего, но выигравшего необходимое время для спасения альмами.

Вместо знамен использовались некие флажки: куски ткани из ситца или гвинеи (английский хлопок). Они играли роль знаков для обозначения месторасположения отряда, и их утрата никоим образом не считалась позором.

Первоначально софа Самори были вооружены только ружьем с кремневым замком. Нехватку современных ружей Самори пытался возмещать закупками капсюльных и «табакерочных» ружей или продукцией местного производства. В действительности последние, как правило, оказывались непригодными для использования, равным образом, как и производимый местными мастерами порох оказывался невысокого качества (малой мощности).

Приблизительно с 1876 г. Самори приступил к масштабному перевооружению «армии», прекрасно понимая преимущество огня в современном бою: софа начали получать магазинные винтовки, которые Самори закупал в европейских факториях Либерии, Сьерра-Леоне и Сенегала [2]. Однако процесс перевооружения продвигался не очень быстро: большинство софа (не говоря уж о других категориях воинов) продолжали воевать именно ружьем с кремневым замком. Так, в 1898 г., т.е. накануне плена Самори, по оценке французского обер-офицера, из 12 тыс. софа только 4 тыс. имели скорострельные винтовки (разных образцов)⁵. Однако в 1890-е гг. Самори был в состоянии выставить для сражения отряды софа, вооруженные только скорострельными винтовками.

Нехватку современного вооружения Самори пытался восполнить сосредоточением на поле боя подавляющей массы войск, что иногда приводило к положительным для альмами результатам. Например, кампания полковника П.-Л. Монтейля (1,2 тыс. чел.) на территории Берега Слоновой Кости (декабрь 1894 – март 1895 гг.) окончилась отступлением французов, поскольку Монтейль, в частности, решил благоразумно не испытывать судьбу в боях против трех «корпусов» софа.

Кроме ружья, софа обычно вооружался тесаком, служившим ему для сбора фуража и рубки деревьев.

Конский состав «армии» Самори был немногочисленный, максимум 3 тыс. лошадей, т.е. в отдельных боях могли участвовать только десятки, максимум несколько сотен, кавалеристов, сведенных по 50 человек в один «серé» («sr», «эскадрон»), входивших в состав «корпусов». Конные софа были вооружены ружьем и саблей.

⁵ Lartigue R. de. Le rapport sur les operations de la colonne du sud : prise de Samory. *Bulletin du Comite de l'Afrique Francaise. Renseignements Coloniaux*. 1899. № 7. P. 113 (note № 1). Cp.: Péroz E. Au Niger, recits de campagne (1891–1892). Paris, 1894. P. 41.

Питались софа, как правило, просом и рисом с полей селений, урожай которых полностью предназначался для альмами. Во время войны, когда захваченная местность не могла прокормить войска, альмами объявлял «губернаторов» Уасулу снабжать «армию» питанием.

Сигналы в войсках Самори передавались либо с помощью охотничьих рожков из рогов животных, либо с помощью табала (*tabala*), неких барабанов, звук которых мог слышаться до пяти километров. При келетигах и конгтигах находились «военные колдуны» (*griots de guerre*), игравшие важную роль связных и «адъютантов».

Жалование в «армии» Самори не выплачивалось, поскольку солдаты жили за счет грабежа. Награда за воинские заслуги на поле брани выражалась воинам, как правило, в выделении сверхнормативной доли военных трофеев; иногда альмами проявлял щедрость, которой он старательно старался избегать, выплачивая награды за счет собственных средств. Кроме «премии», софа могли рассчитывать на продвижение по службе: они становились софаконгами (*sofakong*), имевшим право на получение командной должности.

Численность «армии» могла составлять не менее 50 тыс. чел. (в 1880-е гг.)⁶, но на всей территории Уасулу, в т.ч. с дугукуназиги. В трех «корпусах» «Действующей армии» численность войск могла достигать около 20 тыс. чел., но в отдельных, самых крупных сражениях против французов Самори мог выставить несколько тысяч софа (для осады Сикасо альмами выделил 12 тыс. софа), поскольку остальные действовали на других «театрах военных действий». К 1890-м гг. численность «вооруженных сил» Самори резко снизилась ввиду поражений (прежде всего от французов), приведших к сокращению подконтрольной ему территории.

Тактика соответствовала вооружению. Вооруженные кремневыми ружьями софа выстраивались в несколько рядов, которые поочередно вели огонь (либо залпом, либо одиночными выстрелами) по противнику. Если софа вступали в рукопашную, восстановить линии в силу малой выучки было уже невозможно. Качество стрельбы было невысокое, поскольку софа использовали устаревшие ружья и не имели хорошей стрелковой подготовки. Более того, после первого же залпа густой пороховой дым первого ряда давал французам прекрасную возможность показать, где находится второй.

Однако с появлением среди софа современных винтовок качество стрельбы улучшилось, равным образом, как и ее скорость. По некоторым подсчетам, в последней кампании софа Самори израсходовали

⁶ Frey H. Campagne dans le Haut Senegal et dans le Haut Niger. Paris, 1888. P. 108 (note 1).

боеприпасов к стрелковому оружию ничуть не меньше, чем французы [6, р. 196]. Более того, среди софа стали отбирать самых метких стрелков и сводить их в отдельные команды.

Кавалерия использовалась в качестве разведки или, когда она оказывалась во время боя в тылу врага, в качестве конных стрелков. Самори испытывал серьезные проблемы в ремонтировании конского состава (не располагая собственными конными заводами, альмами закупал лошадей на внешнем рынке, где хорошие лошади стоили очень дорого), ибо средний срок жизни лошади из-за болезней и чрезвычайных нагрузок в этом климате составлял не более полугода.

Любимая тактика Самори и его полководцев состояла в исполнении охватывающего маневра («клещи»), когда авангард его боевой линии сражался, отступая, после чего происходил охват противника с флангов, или когда фронт неприятеля сразу охватывался с флангов. В случае необходимости Самори умел грамотно выстраивать войска в соответствии с естественными укрытиями, задумывать и проводить эффективные отступления и искусно применять тактику выжженной земли. Французские офицеры высоко оценивали тактические маневры и задумки альмами. Нередко против французов применялись и засады; в случае отступления противника Самори и его полководцы, как правило, не останавливались перед упорным преследованием.

В боях софа демонстрировали самоотверженность и храбрость, невзирая на применение их противником магазинного и скорострельного оружия и даже пушек. Однако софа, застигнутые врасплох, могли быстро впасть в панику.

Осада укреплений проводилась по стандартной схеме: софа отважно бросались на отчаянный штурм; в случае неудачи быстро переходили к полной блокаде гарнизона, выжидая, пока у осажденных закончится еда и боеприпасы. Например, после провалившегося ожесточенного и упорного штурма тата (глинобитной крепости) около Нафадие (1–15 июня 1885 г.), обороняемого менее чем полторастами французами, софа полностью блокировали ее (гарнизону удалось вырваться только благодаря удачному стечению обстоятельств). В некоторых случаях софа Самори могли рыть сапы, хотя и несовершенно⁷.

Софа славилась и высокой мобильностью передвижения (за счет билакоро, носивших на себе запас боеприпасов и личные вещи софа), в то время как французские сенегальские или суданские стрелки сами таскали на себе снаряжение и боеприпасы. Однако французов выручали более высокая дисциплина и военная подготовка. Так, в бою на реке

⁷ Péroz E. La Tactique dans le Soudan. *Revue maritime et coloniale*. 1890. Т. 107. Pp. 414–415.

Коммодо (30 мая 1885 г.), сотня французов, оказавшись в западне против 3 тыс. софа, выстояла благодаря отменной выучке и слаженности действий. Это позволяло им применять ловкие маневры на поле боя, что было совершенно не ведомо воинам Самори [4, р. 309], перемещавшихся по дорогам без всякого порядка и вспомилавших о боевой дисциплине только накануне сражения.

Более того, командование разных уровней «армии», получившее достаточно богатый опыт ведения боев против французов, первоначально не спешило им пользоваться. Боевой опыт софа, как и в других войсках африканских правителей, передавался бессистемно, в зависимости от опыта того или иного воина. Ситуация изменилась одновременно с перевооружением «армии»: к 1890-м гг. военное мастерство софа медленно, но бесспорно и непрестанно улучшалось, что обнаруживали французские офицеры. (В единичных случаях французы замечали неких белых людей при Самори во время сражений [5, р. 101], которыми, вероятно, могли являться британские офицеры.)

Главные особенности «армии» Самори, в отличие от войск соседних государств, заключались в нескольких факторах. Во-первых, в ударной силе пехоты, а не кавалерии. Во-вторых, Самори комплектовал пехоту (и гвардию) без этнических и социальных ограничений (в составе софа находились представители враждовавших друг другу народов, например, малинке и бамбара), небезуспешно пытаясь создать гомогенную военную организацию. В-третьих, «армию» объединяла идея в двух самых важнейших векторах ее проявления: в религиозной форме (ислам) и социально-политической (верность альмами), не говоря уже о материальной мотивации (стремление к обогащению).

Несмотря на примитивную военную организацию, войска Самори обладали явными достоинствами: во-первых, «армия» имела достаточно четкую структуру; во-вторых, софа обладали высокой степенью выносливости и мобильности; в-третьих, они доказывали в боях большую смелость и абсолютное презрение к опасности; в-четвертых, воины Самори обладали определенным чувством патриотизма, сражаясь в своей стране и в хорошо известных им климатических условиях.

Имеющиеся данные свидетельствуют о редкостном организаторском таланте Самори, придававшего большое значение силе огня (ружейного). «Армия» в его руках совершила явный прогресс, превратившись из рыхлой массы в обученное войско с предприимчивыми «офицерами» [3, р. 149]. Обладая к 1890-м гг. меньшим количеством войск, чем пару десятков лет назад, Самори удалось достаточно результативно (в соответствии с историческими условиями) восполнить количество качеством.

Тем не менее, «армия» Самори имела и ряд недостатков (объективно характера) стоявшего на невысоком уровне социально-политического и экономического развития общества (или даже цивилизации): нехватка качественного вооружения и боеприпасов, отсутствие артиллерии, продуманной системы военного образования, воинской дисциплины. Однако самый главный недостаток «армии» Самори заключался в полной ее зависимости от поставок пороха и современного вооружения не столько извне, сколько из европейских факторий.

С другой стороны, если Самори не обладал широкими возможностями для экономического доминирования в Западной Африке, по крайней мере, он сумел создать мощную военную организацию, с которой смог достаточно успешно противостоять выделенным Парижем силам и средствам для его подчинения и закабаления, одновременно являя серьезную угрозу и для лимитрофных государств.

Библиографический список / References

1. Сюре-Каналь Ж. Африка Западная и Центральная. География. Цивилизация. История. М., 1961. [Suret-Canale J. Afrika Zapadnaya i Tsentralnaya. Geografiya. Tsivilizatsiya. Istoriya [*Afrique Noire occidentale et centrale. Géographie, civilisations, histoire*]. Moscow, 1961.]
2. Camara D. Essai d'histoire locale. Leiden, 2020.
3. Histoire générale de l'Afrique : l'Afrique sous domination colonial (1880–1935). Vol. 8. Paris, 1987.
4. Histoire militaire de l'Afrique occidentale française. Paris, 1931.
5. Legassick M. Firearms, Horses and Samorian Army Organization 1870–1898. *The Journal of African History*. 1966. Vol. 7. No. 1. Pp. 95–115.
6. Mangin Ch. La force noire. Paris, 1910.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021, принята к публикации 19.04.2022
The article was received on 12.12.2021, accepted for publication 19.04.2022

Сведения об авторе / About the author

Чиняков Максим Константинович – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории Института социально-гуманитарных знаний, Московский педагогический государственный университет

Maxim K. Chinyakov – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: mk.chinyakov@mpgu.su

Н.В. Авдеева

Независимый исследователь,
190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Взгляды ранних мариавитов на роль католической церкви в польской истории (по материалам «Мариавитских ведомостей» 1907–1914 гг.)

Статья посвящена одному из аспектов истории малоизученной религиозной группы мариавитов, возникшей в Польше на рубеже XIX–XX вв. и отлученной от католической церкви в 1906 г. папой Пием X. Вводная часть статьи содержит краткую информацию о возникновении мариавитского движения, возглавляемого тайной монахиней Марией Козловской. Далее исследуется мариавитская оценка роли официальной католической церкви в прошлом Польши, представленная на страницах «Мариавитских ведомостей» (*Wiadomości, Wiadomości Maryawickie*), выходявших на раннем этапе движения (1907–1914 гг.). Изучение упомянутого источника показывает, что мариавиты сурово критиковали официальную церковь, рассматривая ее влияние на протяжении истории страны. Проблемы Польши во многом связывались с влиянием католической церкви, пренебрегавшей национальными интересами и преследовавшей иноверцев. Особенно негативной была оценка деятельности иезуитского ордена. Критика могла опираться как на осмысление реальных исторических событий, так и на мистификацию. В то же время при анализе публикаций о польской истории обнаруживается, что мариавитские авторы отмечали и благотворное влияние на польское общество некоторых обладателей духовного сана, выступавших за развитие образования и улучшение жизни крестьян. Наиболее высокую оценку получил один из лидеров польского Просвещения – Гуго Коллонтай.

© Авдеева Н.В., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: польский мистицизм, католичество в Польше, мариавиты, иезуитские теории заговора, история польской прессы, Мария Козловская, расколы в католической церкви, Гуго Коллонтай

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Авдеева Н.В. Взгляды ранних мариавитов на роль католической церкви в польской истории (по материалам «Мариавитских ведомостей» 1907–1914 гг.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 88–96. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-88-96

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-88-96

N.V. Avdeeva

Independent researcher,
Saint-Petersburg, 190000, Russian Federation

Views of the early Mariavites on the role of the Catholic Church in Polish History (based on the source of “The Mariavite News” in 1907–1914)

The article is devoted to one of aspects of history of the under-studied religious group of the Mariavites, which was formed in Poland at the turn of the XIX–XX centuries and was excommunicated from the Catholic Church in 1906 by Pope Pius X. The introductory part of the article contains brief information about the beginning of the Mariavite movement, led by Maria Kozłowska, who was a secret nun. Next, the author undertakes analysis of the Mariavite point of view on the role of the official Catholic Church in the past of Poland, which was presented on the pages of the “Mariavite News” (*Wiadomości, Wiadomości Maryawickie*), published at an early stage of the movement (1907–1914). The study of the mentioned source shows that the Mariavites severely criticized the official church, considering its influence throughout the history of the country. The Mariavite press stated that troubles of Poland were largely associated with the influence of the Catholic Church, which neglected national interests, and persecuted religious dissidents. The assessment of activities of the Jesuit order was particularly negative.

The criticism could be based on interpretation of real historical events as well as on a mystification. At the same time, the analysis of the source demonstrates that the Mariavite authors also noted positive influence of some clergy on Polish society. They meant some persons, who advocated development of education and improvement of the lives of peasants. Hugo Kołłątaj, who was one of leaders of the Polish Enlightenment, received the highest praise.

Key words: Polish mysticism, Catholicism in Poland, Mariavites, Jesuit conspiracy theories, history of Polish press, Maria Kozłowska, schisms in Catholic Church, Hugo Kołłątaj, Wiadomości Maryawickie

FOR CITATION: Avdeeva N.V. Views of the early Mariavites on the role of the Catholic Church in Polish History (based on the source of “The Mariavite News” in 1907–1914). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 88–96. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-88-96

Мариавиты (*Mariawici*) – польская религиозная группа, возникшая в конце XIX – начале XX вв. Существует она и поныне. Слово *мариавиты* происходит от латинского *Mariavitae* («жизнь Марии»), что означало стремление подражать благочестивой жизни Святой Девы. Основательница мариавитизма Мария Франциска Феликса Магдалена Козловская (1862–1921) тайно стала францисканской монахиней в 1883 г. (т.к. после подавления польского восстания 1863–1864 гг. власти Российской империи запретили прием новых католических монахов и монахинь) [6]. В 1893 г. Козловская пережила мистический опыт. Как она утверждала, ей являлся Бог, недовольный испорченностью духовенства. Он благословил ее на создание нового христианского движения¹. Позже католическое духовенство негласно признавало, что в мариавитской критике церковных нравов была доля правды [5, с. 300–302, 308, 312].

Козловской удалось привлечь на свою сторону некоторых монахинь и молодых польских священников, окончивших Санкт-Петербургскую Римско-католическую духовную семинарию [6]. Мариавиты несколько раз посещали Рим, где пытались получить разрешение на организацию конгрегации в рамках католической церкви. Попытки оказались неудачными. В апреле 1906 г. папа Пий X окончательно отлучил Козловскую и ее сторонников². В ноябре того же года российские власти официально признали мариавитов легальной сектой [Там же].

¹ Kozłowska M. *Dzielo wielkiego miłosierdzia. Felicjanów*, 2011.

² Pio X. *Tribus circiter*. URL: http://w2.vatican.va/content/pius-x/en/encyclicals/documents/hf_p-x_enc_05041906_tribus-circiter.html (date of access: 10.03.2022).

Отлучение было обусловлено несколькими факторами. Исторический контекст того времени не способствовал признанию мариавитского движения Ватиканом. Католическая церковь в потерявшей независимость Польше была в крайне сложном положении, и острые дискуссии были опасны. Важным для конфликта было самовольное провозглашение необходимости реформ, не поддержанных церковью (в т.ч. использование современных языков для богослужений вместо латыни³, разрешенное позже Вторым Ватиканским собором 1962–1965 гг. [2]). Также это был в какой-то степени конфликт поколений (ядро руководства мариавитов составляли молодые священники).

Определенную роль играл и гендерный вопрос: Козловская управляла священниками, что болезненно воспринималось официальной церковью⁴. В свое оправдание монахиня писала, что, во-первых, согласно полученному Божественному откровению, это был ее долг, во-вторых, в женской духовной власти над мужчинами не было ничего нового: Иисус подчинялся своей матери, а современные священники внимали женщинам, с которыми состояли в связи, поэтому нет причин, почему добродетельное мужское духовенство не может быть управляемо женщиной⁵. Козловская ссылалась на опыт духовной власти католических святых, например, Кошетты, Терезы Авильской, Екатерины Сиенской⁶.

Возникновение мариавитской прессы было одной из главных особенностей этого периода в истории данного религиозного движения. Типография располагалась в г. Лодзь. Одним из основных печатных изданий стал журнал «Мариавита», посвященный религиозным вопросам, основам христианской веры. У него появилось приложение, с 1907 по 1908 гг. оно называлось «Ведомости» (*Wiadomości*), с 1909 г. было переименовано в «Мариавитские ведомости» (*Wiadomości Maryawickie*) и выходило до 1914 г. Редакторами были мариавитские священники Ян Михаил Ковальский и Томаш Кракевич. «Мариавитские ведомости» были посвящены и религиозным, и социальным, культурным темам, сельскому хозяйству, пропаганде гигиены, научно-популярным материалам об анатомии, астрономии и т.д. Целевой аудиторией были преимущественно рабочие и крестьяне. Публиковались не только статьи единоверцев, но и материалы из других (не мариавитских) журналов и газет, с указанием выходных данных текстов. В большинстве случаев статьи, написанные мариавитами, были анонимными.

³ Msza Polska. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1908. No. 15. S. 113–115.

⁴ Jelenski J. *Nieszczęśliwi opętani albo jakiego to dobra chca księza-mankietnicy dla naszego ludu*. Warszawa, 1906. S. 5, 8.

⁵ Kozłowska M. *Dzielo wielkiego miłosierdzia. Felicjanów*, 2011. S. 12.

⁶ *Ibid.* S. 20–21.

Необходимо отметить, что после революции 1905–1907 гг. цензура несколько смягчилась по отношению к публикациям о польской истории, включая тему утраты Польшей независимости [7, с. 20]. Это обстоятельство, как будет показано далее, повлияло на содержание «Мариавитских ведомостей».

Немало публикаций посвящалось критике не только современной католической церкви, но и ее прошлого, особенно деятельности на польских землях. Так, мариавиты критиковали католическую церковь за слишком большое политическое влияние, что, по их мнению, привело к ее постепенному духовному упадку. Он начался задолго до разделов Польши. Уже в XIII в. епископы стали не только духовными лицами, но и заседали в сенате. Со временем мирское оказалось намного сильнее духовного⁷.

Важную роль в кризисе польского государства и общества мариавиты отводили иезуитам, обвиняя их в посприии веротерпимости, которая отличала Польшу от других стран при правлении Стефана Батория (1533–1586), когда «свобода вероисповедания благоприятно влияла на развитие торговли и промышленности», искусства, науки⁸. Признавая вклад иезуитов в развитие школ, «Мариавитские ведомости» отмечали, что подобная активность была продиктована, прежде всего, интересами ордена, а не заботой об уровне польского образования⁹. В статье об иезуитах они связывались с «началом упадка» страны в период правления короля Сигизмунда III (1586–1632)¹⁰. Подчеркивалось, что, помимо католиков, в Речи Посполитой конца XVI–XVIII вв. проживало немало протестантов и православных, сталкивавшихся с агрессией¹¹. Снижение уровня свободы вероисповедания рассматривалось как «упадок христианского духа»¹².

В начале XVIII в., при борьбе за власть в Речи Посполитой, представители т.н. Тарногородской конфедерации (1715 г.) и король Август II привлекли Россию к решению проблемы. Автор «Ведомостей» считал, что принятое в итоге решение сократить армию Речи Посполитой с 80 тыс. чел. до 18 тыс. оказалось прологом к утрате государственной

⁷ *Katolicyzm polski. Wiadomości Maryawickie*. 1910. No. 28. S. 219; *Jezuici w Polsce. Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 15. S. 114; *Upadek ducha kościelnego w dawnej Polsce. Wiadomości Maryawickie*. 1912. No. 7. S. 49.

⁸ *Jezuici w Polsce. Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 7. S. 49.

⁹ *Ibid.* No. 8. S. 60.

¹⁰ *Ibid.* No. 7. S. 49.

¹¹ *Jezuici w Polsce. Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 7. S. 50; No. 9. S. 65–68; No. 10. S. 73–76; No. 11. S. 81–84; No. 15. S. 113–115; No. 16. S. 121–123.

¹² *Ibid.* No. 16. S. 123.

независимости¹³. Помимо этого, были введены дополнительные ограничения для иноверцев (ограничения в использовании храмов, богослужении и т.д.), которые стали «основанием для вмешательства в дела... страны»¹⁴. Вина за данное соглашение возлагалась на Августа II, часть польского духовенства и шляхты. По мнению «Мариавитских ведомостей», оно оказалось следствием влияния иезуитов, для которых государственные интересы не были важны¹⁵. Также в данном цикле статей иезуиты обвинялись в конфликте иезуитских студентов и протестантского населения в г. Торунь (1724 г.), закончившимся кровавой расправой с иноверцами и вызвавшим осуждение европейских стран¹⁶. Далее рассказывалось о продолжении угнетения религиозных диссидентов, из-за чего возникли Торуньская и Слуцкая конфедерации в 1767 г., весьма кратко упоминалось иностранное вмешательство. Упразднение иезуитского ордена в 1775 г., по мнению автора «Ведомостей», благоприятно повлияло на науку, «а славный Четырехлетний сейм не только признал гражданскую свободу и свободу вероисповедания, не только взял под защиту народ, но постановил ограничить в Польше влияние Рима»¹⁷.

В 1911 г. «Мариавитские ведомости» опубликовали «тайные инструкции» для иезуитов, якобы призванные обеспечить им власть над миром. Данное сочинение являлось подделкой, известной еще с XVII в. В 1614 г. в Кракове вышла книга бывшего иезуита Иеронима Захоровского «Тайные советы Общества Иисуса» (оригинальное название *Monita Secreta Societatis Iesu*) [4, с. 36]. Согласно этому сочинению, иезуитам нужно было втираться в доверие к монархам и знати, уничтожать недоброжелателей, стремиться к обогащению ордена путем различных интриг и т.д.¹⁸ Текст множество раз переиздавался в Европе, став одним из самых популярных конспирологических сочинений Нового времени наряду с «Протоколами сионских мудрецов» [Там же, с. 36–40].

Что касается вопроса о возвращении польской государственности, то мариавиты старались подчеркнуть, что папство вовсе не было защитником польской независимости. В качестве доказательства приводились энциклики Пия IX и Льва XIII, касающиеся Польши, в которых они

¹³ Jezuici w Polsce. *Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 14. S. 105–106.

¹⁴ Ibid. S. 105–106.

¹⁵ Ibid. S. 106–108.

¹⁶ Jezuici w Polsce. *Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 16. S. 121–123; No. 17. S. 129–130.

¹⁷ Ibid. No. 19. S. 146.

¹⁸ *Monita secreta, czyli instrukcje tajne dla jezuitów. Wiadomości Maryawickie*. 1911. No. 31. S. 241–244; No. 32. S. 249–251; No. 33. S. 257–259; No. 34. S. 265–268; No. 35. S. 273–275; No. 36. S. 281–284; No. 37. S. 289–291.

призывали поляков подчиняться светским властям¹⁹. Точных названий в публикациях не содержалось. Изучение папских энциклик показало, что имелись в виду «Ubi Urbaniano» (1864 г.)²⁰ и «Caritatis» (1894 г.)²¹. Стоит отметить, что в энциклике Льва XIII 1894 г. действительно подчеркивалось, что важно следовать католической вере, оставаясь законопослушными подданными, а в энциклике Пия IX, помимо подобных предписаний и осуждения восстания 1863 г., много внимания посвящалось и усилившимся гонениям на католичество в Российской империи.

Наконец, мариавиты заявляли, что «старая вера», «вера отцов» привела к экономическим проблемам в Польше²². Утверждалось, что опора на католическую церковь шла рука об руку с нежеланием менять свою жизнь, учиться новому, предпочтению физического малоквалифицированного труда. Польский народ провозглашался «почвой», которая начала преобразовываться под воздействием учения мариавитизма²³. Подобная попытка сблизить экономическое и духовное могла говорить о своеобразной рецепции знаменитого труда М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» (1905 г.) [1].

Тем не менее, некоторые представители католического духовенства получали от мариавитов и положительную оценку. Например, иезуит Петр Скарга (1536–1612) и проповедник Анджей Фрыч Моджевский (1503–1572) за их сочувственное отношение к интересам крестьян²⁴. При этом в тексте, посвященном крестьянскому вопросу, принадлежность Петра к иезуитам не обозначается, его называют просто «богословом». Из деятелей, оказавших благотворное влияние на страну в XVIII в., упоминались такие представители духовенства, как Станислав Конарский и Станислав Сташиц [3, с. 31]. Конарский занимался распространением образования, а Сташиц отдал свои владения селянам, т.к. «старался упразднить отвратительное рабство, а иначе – крепостничество»²⁵.

¹⁹ Sprostowanie fałszywych wiadomości o maryawitach. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1907. No. 10. S. 78; Watykan i Polska. *Wiadomości Maryawickie*. 1909. No. 32. S. 256.

²⁰ Pio IX. Ubi Urbaniano. URL: <https://www.vatican.va/content/pius-ix/it/documents/enciclica-ubi-urbaniano-30-luglio-1864.html> (date of access: 04.02.2022).

²¹ Leo XIII. Caritatis. On the Church in Poland. URL: https://www.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_19031894_caritatis.pdf (date of access: 04.02.2022).

²² Uczmy nasz lud pracować głową. *Wiadomości Maryawickie*. 1913. No. 20. S. 305.

²³ Nasz lud polski a mariawityzm. *Wiadomości Maryawickie*. 1912. No. 110. S. 873–874.

²⁴ Kwestya chłopska w dawnej literaturze polskiej. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1908. No. 47. S. 369–371.

²⁵ Jak możemy zdobyć oświatę i kulturę i jak możemy rozwiązać kwestyę socyalną. *Wiadomości Maryawickie*. 1909. No. 49. S. 391; Kwestya chłopska w dawnej literaturze polskiej. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1908. No. 49. S. 385.

Представителем католического духовенства, о котором «Мариавитские ведомости» рассматриваемого периода отзывались наиболее положительно, был политик и публицист Гуго Коллонтай (1750–1812). «В “Письмах анонима” (1788 г.) и в “Политическом праве польского народа” (1790 г.) он выступает, как и Сташиц, только с большей силой логики и аргументации при защите народа, и заставляет тех, кому пишет, признать за крестьянином принадлежащие ему права»²⁶. Отмечалось, что Коллонтай видел глубокий кризис, постигший Польшу в конце XVIII в., и называл страну «не монархией, не республикой», а «дряхлой машиной»²⁷. Подчеркивались его патриотические и антикрепостнические взгляды, огромный вклад в развитие образования и создание польской Конституции 3 мая 1791 г.²⁸ При этом автор «Мариавитских ведомостей» упоминал, что он был неоднозначной личностью: Коллонтая укоряли за воровство, отказ от борьбы за независимость страны, «пренебрежение призванием священника»²⁹.

Таким образом, в публикациях, посвященных польской истории, мариавиты стремились оспорить взгляд на католическую церковь как оказавшую благотворное влияние на страну. Критиковалась чрезмерная увлеченность католического духовенства (особенно иезуитов) вопросами власти, борьба с другими христианскими конфессиями. Впрочем, отношение к католическому духовенству отличалось противоречивостью: критикуя официальную церковь в целом, мариавиты положительно оценивали некоторых ее представителей, преимущественно реформистского крыла. В публикациях было явно выражено стремление подчеркнуть поликонфессиональность Речи Посполитой, свободу вероисповедания как одно из главных достижений этой державы.

С одной стороны, польская история описывается как пережившая определенный расцвет, а затем упадок из-за деятельности католической церкви и слабости центральной власти. Потеря Польшей независимости оценивалась негативно, однако вопрос ее восстановления не поднимался. С другой стороны, мариавиты использовали и нарратив прогресса, провозглашая возможность технологического, экономического, духовного преобразования. Воплощение в жизнь этих изменений мариавиты связывали со своим движением.

²⁶ Kwestya chłopska w dawnej literaturze polskiej. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1908. No. 49. S. 386.

²⁷ Hugo Kołłątaj. *Wiadomości Maryawickie*. 1912. No. 30. S. 233.

²⁸ Ibid. No. 29. S. 225–226; No. 30. S. 233–234; Kwestya chłopska w dawnej literaturze polskiej. *Wiadomości. Dodatek do Maryawity*. 1908. No. 49. S. 386.

²⁹ Hugo Kołłątaj. *Wiadomości Maryawickie*. 1912 No. 29. S. 226.

Библиографический список / References

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 61–272. [Weber M. Die protestantische Ethik und der «Geist» des Kapitalismus. *Weber M. Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, 1990. Pp. 61–272. (In Rus.)]
2. Гапанюк А.Е. Историко-культурные и теологические итоги Второго Ватиканского Собора: догматический и богослужебный аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Т. 6. № 5А. С. 140–149. [Garanyuk A.E. Historical, cultural, and theological results of the Second Vatican Council: Dogmatic and liturgical aspects. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke*. 2017. Vol. 6. No. 5A. Pp. 140–149. (In Rus.)]
3. Осипова Е.В. Философия польского Просвещения. М., 1961. [Osipova E.V. *Filozofiya polskogo Prosveshcheniya* [The philosophy of the Polish Enlightenment]. Moscow, 1961.]
4. Ferrer-Benimeli J.A. Freemasons and Jesuits: Making up myths, revealing secrets. *Freemasonry: Invention and Tradition Studies*. M. de Paz-Sanchez (ed.). Santa Cruz de Tenerife, 2015. Pp. 19–65.
5. Górecki A. *Mariawici i mariawityzm – narodziny i pierwsze lata istnienia*. Warszawa, 2011.
6. Rybak S. *Mariawityzm. Studium historyczne*. Warszawa, 1992.
7. Woźniakowski K., Kwiecień S., Kolasa W.M., Rogoż M. Polish children's press 1824–1918: An attempt at a synthetic look. *Rocznik historii prasy polskiej*. 2020. Vol. 23. No. 1 (57). Pp. 7–29.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022, принята к публикации 17.05.2022
The article was received on 05.04.2022, accepted for publication 17.05.2022

Сведения об авторе / About the author

Авдеева Наталья Васильевна – магистр истории; независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Natalia V. Avdeeva – MA in History; independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: avdnat89@gmail.com

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119435, г. Москва, Российская Федерация

Экономический и социально-политический кризис в аравийских монархиях (1980-е гг.)

Целью данной статьи является анализ кризисных явлений и процессов, возникших в экономике и социально-политической жизни аравийских монархий в 1980-е гг. Общемировое падение цен на нефть в начале 1980 г. весьма благополучными в предшествующий период аравийскими обществами было воспринято как «кризис», «обвал», «крах» и т.п., хотя правительство и официальная пресса явно избегали подобной терминологии. Положение значительно ухудшалось из-за финансовой катастрофы межрегионального рынка ценных бумаг Сук-эль-Манах в Кувейте. Это стало причиной многочисленных банкротств крупных банков и акционерных обществ, связанных с Сук-эль-Манах. Внутренние трудности и неблагоприятные международные обстоятельства (в частности, ирано-иракская война) вызвали острые социальные последствия. Правительства, где ведущие посты занимали члены монархических кланов, обвинили в неспособности справиться с кризисом, желании переложить трудности на своих подданных, а также разжечь этническую и конфессиональную рознь. Обострилась борьба за политические права, введение парламентских систем и т.п. Под сомнение был поставлен вопрос о самой легитимности монархических режимов. Однако в 1990 г. внутренний социально-экономический кризис внезапно сменился международным военно-политическим из-за оккупации Кувейта иракскими войсками. Все последующие годы монархии и их правительства были вынуждены справляться с новым комплексом проблем, где последствия кризиса 1980-х гг. оставались уже компонентом новой послевоенной ситуации.

© Родригес-Фернандес А.М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: аравийские монархические режимы 1980-х гг., экономический спад 1980-х гг., нефтяной рынок в 1980-е гг., социально-политический кризис на Аравийском полуострове, иностранная рабочая сила в аравийских монархиях, этно-конфессиональная напряженность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Экономический и социально-политический кризис в аравийских монархиях (1980-е гг.) // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 97–110. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-97-110

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-97-110

A.M. Rodrigues-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Economical, social, and political crisis in Arabian monarchies (1980's)

The purpose of the article is to analyze the crisis phenomena and processes that arose in the economy and socio-political life of the Arabian monarchies in the 1980s. The global fall in oil prices at the beginning of 1980 was perceived by Arabian societies, which were very prosperous in the previous period, as a “crisis”, “collapse”, “collapse”, etc., although the government and the official press clearly avoided such terminology. The situation was getting worse due to a financial catastrophe of the interregional securities market Suk-al-Manakh in Kuwait. It caused numerous bankruptcies of big banks and stock corporations connected with Suk-al-Manakh. Internal difficulties and unfavorable international situation (Iran–Iraq war, in particular) forced severe social consequences. The governments, where the leading posts were held by members of the monarchic clans, were accused of being unable to cope with the crisis, of wanting to shift the burden on their subjects, and also inciting ethnic and confessional strife. The struggle for political rights and introducing of parliamentary systems intensified. The very legitimacy of monarchy regimes was impugned. However, in 1990, the internal socio-economic crisis was suddenly replaced by an international military-political

one due to the occupation of Kuwait by Iraqi troops. All the following years monarchs and their governments were to deal with a new complex of problems; and the consequences of 1980s crisis remained just a part of a new postwar situation.

Key words: Arabian monarchical regimes of the 1980s, economic recession of the 1980s, oil market in the 1980s, sociopolitical crisis in the Arabian Peninsula, foreign labor force, ethnic and confessional tension

FOR CITATION: Rodrigues-Fernandes A.M. Economical, social, and political crisis in Arabian monarchies (1980's). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 97–110. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-97-110

События начала 1990-х гг., связанные с оккупацией Кувейта Ираком, потрясли аравийские монархии и все мировое сообщество. Впоследствии они получают название «Кувейтский кризис» и «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. Но это был военно-политический кризис, вылившийся в переброску войск западных союзников на территории Саудовского королевства, изгнание войск Саддама Хусейна из Кувейта и последующее свержение иракского диктатора. Этот яркий период как бы отодвинул в тень предшествующий кризис на Аравийском полуострове, начавшийся из-за падения цен на нефть в начале 1980-х гг. и повлекший за собой тяжелые последствия в социальной и политической сфере.

В начале 1980-х гг. произошло перенасыщение общемирового рынка нефти, что значительно снизило доходы аравийских монархий. Тремя главными экспортёрами были и остаются Саудовская Аравия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. Их совокупный доход снизился с 186 млрд долл. в 1982 г. до 57,6 в 1986 г. и продолжал понижаться в последующие годы¹. Естественно, сокращение доходов существенно понизило уровень затрат аравийских правительств на экономические проекты внутреннего развития, отрицательно сказалось на заработной плате государственных служащих и задержало оплату многих согласованных и утвержденных контрактов. Снижение деловой активности государственного сектора, играющего ведущую роль в экономике, вызвало серию банкротств частных предпринимателей. Значительно ухудшилось также положение иностранных рабочих.

Нефтяной бум 1970-х гг., как, впрочем, и предшествующий период благополучия, приучили деловой мир рассчитывать на щедрую поддержку правительства. Поэтому особенно резко сказались не только

¹ 1987. Beirut. Alkasadiat mavarid alamal: alkitab sanavie alvisarat aliktisad. (In Arab.)

чисто экономические, но и социальные, и политические, и даже этно-конфессиональные последствия кризиса [3, р. 46–47].

Правящие кланы и их правительства пытались завуалировать и даже скрыть резкое ухудшение ситуации от населения. Было отдано распоряжение прессе не употреблять такие определения, как «кризис» или «депрессия». Обыгрывались такие определения, как «период консолидации» и «экономической рационализации» [4, р. 106]. В условиях ортодоксальной закрытости аравийских обществ мало кто представлял истинное положение вещей. В частности, американский корреспондент рассказывал в своем репортаже, что после того как он прослушал благоприятное сообщение экономического обозрения федерации, ему удалось разговаривать с местным бизнесменом. Этот предприниматель и финансист заявил, что он сам не имеет представления о всех реальных трудностях нынешней экономической ситуации, несмотря на то, что он вынужден был одолжить несколько десятков миллионов долларов правительству ОАЭ, но не представляет, когда они будут ему возвращены и будут ли возвращены вообще².

Подобные настроения были распространены и в соседних монархиях. Падение доходов тяжело сказалось на их бюджетах и финансовых активах, а значит и на возможностях осуществления экономических проектов (в частности, по поддержке частного предпринимательства) и социальных программ. Более того, в 1982 г. впервые за четверть века обнаружился дефицит в бюджетах монархий. В богатейшей из них Саудовской Аравии дефицит 1984 г. составил 4273 млн долл., а зарегистрированный в 1985 г. превысил уже 13 млрд долл. Схожие негативные явления наблюдались во всех соседних эмиратах³.

На фоне общего обвала нефтяных цен экономике аравийских монархий был нанесен еще один мощный удар, усугубивший все последующие трудности аравийских обществ. В конце 1982 г. произошла финансовая катастрофа межрегионального аукционного рынка ценных бумаг Сук-эль-Манах в Кувейте. Следует отметить, что Сук-эль-Манах являлся рынком неофициальным, но по валютно-финансовым операциям он многократно превосходил параллельно существовавшие с ним с начала 1960-х гг. государственные биржи, рынки и облигации. Во время «нефтяного бума» объем операций на Сук-эль-Манах увеличивался особенно быстро. На сделки неофициального рынка фактически не распространялись различные меры государственного регулирования,

² Kuwait resignation de fuses crises. *MEED* [Middle East Business Intelligence]. May 10, 1985. P. 66.

³ Kashir. *Alhasae alarabi alkahirati: akitab sanavi*. (In Arab.)

налоговое законодательство, валютный контроль. В то же время Сук-эль-Манах негласно пользовался поддержкой со стороны правящих кругов Кувейта, т.к. целые государственные организации и многие представители семьи эмира и высшей бюрократической элиты были вовлечены в крупные операции на этом рынке. В результате, Сук-эль-Манах в считанные годы превратился в крупнейший рынок ценных бумаг и стал оказывать серьезное влияние на валютно-финансовое положение страны. Между тем большинство обращающихся на рынке ценных бумаг находились под влиянием мирового рынка нефти, и экспорт кувейтской (и вообще аравийской) нефти являлся важным показателем платежеспособности значительной части участников этого рынка⁴.

На этом комплексе бирж, как упоминалось, фактически отсутствовал государственный контроль. Значительная часть операций состояла из спекулятивных сделок, рассчитанных на дальнейший подъем цен на нефть, не обеспеченных реальными материальными ценностями. Последовавший крах вызвал снижение акций кувейтских компаний и банков почти на 50%. Число объявленных банкротств крупных кувейтских компаний только к 1984 г. составило 88. Далее волна банкротств крупных банков и акционерных обществ, непосредственно связанных с Сук-эль-Манах, прокатилась по остальным нефтедобывающим монархиям Аравии. Их правительства прибегали к срочным мерам по предотвращению массовых банкротств. Местным банкам и компаниям была оказана финансовая помощь за счет бюджетов, создавались фонды (от 900 млн до 1,8 млрд долл.) для оказания помощи частным компаниям и физическим лицам, пострадавшим в результате биржевого краха⁵. Но даже эти действия послужили причиной усугубления внутривосточного и социального раскола в обществе.

Таким образом, падение цен на нефть, экономические трудности, обвал Сук-эль-Манах, некоторые неблагоприятные международные обстоятельства, в частности, ирано-иракская война, нарушившая торговлю в регионе, – всё это вызвало немалые социальные потрясения. Будучи не в состоянии поддерживать прежний высокий уровень социальных расходов и субсидий, а также возобновить ввоз больших контингентов иностранной рабочей силы, правительства монархий попытались стабилизировать ситуацию, разработать общую линию, координировать свои действия. Новым явлением стало распространение т.н. «пулов» – соглашений между правительствами монархий для устранения конкуренции в использовании квалифицированных

⁴ Kuwait resignation de fuses crises. *MEED*. May 10, 1985. P. 64–65.

⁵ *Ibid*. P. 71.

и дорогостоящих иностранных рабочих. Это, с одной стороны, позволяло избежать крупных и часто лишних расходов, с другой – было рассчитано на то, чтобы открыть новые перспективы найма для местных жителей. Однако, несмотря на тяжелые времена, местные жители аравийских монархий не спешили браться за многие виды работ, на которых ранее были заняты иностранцы⁶.

Значительно сократились также возможности найма или, по крайней мере, возможности подыскания хорошей высокооплачиваемой работы для аравийских граждан, закончивших колледжи и университеты. По отзывам очевидцев, это стало серьезной проблемой для Кувейта. Еще хуже сложилась ситуация в Бахрейне. По сравнению с другими малыми аравийскими монархиями этот эмират обладал значительным местным населением, и местная рабочая сила в численном отношении преобладала над иностранной. Естественно, что в этой стране проблема занятости обозначилась более остро. Многие специалисты в начале 1980-х гг. предположили, что даже если к концу 1980-х гг. экономическая обстановка несколько улучшится, то все равно немного раньше или позже в Бахрейне возникнет проблема безработицы, и к концу 1989 г. эти прогнозы оправдались. Уже тогда не только бахрейнская, но и официальная пресса в соседних странах склонна была усматривать угрозу в этих только лишь обозначившихся реалиях [2, p. 53].

В ОАЭ социальная напряженность также стимулировалась сужением возможностей трудоустройства для аравийцев, получивших специальное и даже высшее образование. Так, правительство Объединенных эмиратов в конце 1986 г. информировало различные министерства, агентства и ведомства, что новых вакансий найма по широкому реестру специальностей не предвидится в течение всего 1987 г.⁷ Это в первую очередь сказалось на нескольких сотнях студентов, ежегодно выпускаемых университетом Аль-Айна. И если раньше всемирное кооптирование своей интеллигенции в экономику и предоставление ей широких возможностей на государственной службе было одним из важных инструментов повышения политической стабильности и укрепления правящих династий во всех аравийских монархиях, то в новых обстоятельствах вынужденное нарушение этого принципа начало пагубно сказываться не только на социально-экономическом, но и внутривнутриполитическом положении.

⁶ 1988. «Addar attabaiati». Dabii mujtamaati alhalij alarabii. Annamazaj alislamiiati. Fauzi F. (In Arab.)

⁷ 1991. Madinat alkuwait. Nazirat kamiati alia alhalidj va shabah aljazirati alarabia majmuaat ahsabiiatu. (In Arab.)

Разрастающийся кризис охватил еще один важнейший аспект общественной жизни. Его негативные последствия проявились также в сфере обострения националистического и религиозного антагонизма. Несомненно, на эту усилившуюся рознь оказал влияние и ряд других факторов: ирано-иракская война, имевшие место раньше столкновения религиозных принципов и амбиций, «иранская агрессия» (так рассматривала арабийская пресса акции Ирана в Заливе) и некоторые другие.

Но разразившийся кризис многократно взвинтил и усилил напряженность, вызвав к жизни такие проявления националистической и религиозной нетерпимости, которые никогда не наблюдались прежде. Показательно, что этот антагонизм захватил даже деловые круги. Например, известный кувейтский банкир в своем интервью лондонским журналистам отметил, что он сам не помнит и не слышал никогда о таком всплеске враждебности со стороны коренных жителей к арабийским бизнесменам иранского происхождения. Также и в Дубае, где до сих пор проживает многочисленная и хорошо организованная иранская община, к тому же тесно связанная с правящей семьей, действия правительства федерации во время банкротства Ваххаба Галадари были расценены общиной как месть за ирано-шиитское происхождение и симпатии этой семьи финансистов. Лидеры общины указывали на то, что отношение к конкурирующему Оманскому банку (также действующему в Дубае), возглавляемому семьей арабов-суннитов Аль-Хурайр (в то время президент – Абдалъазиз аль-Хурайр), было принципиально иным в схожих обстоятельствах⁸.

Разумеется, в 1980-е гг. подобные тенденции не принимали массовый характер, хотя на официальном уровне прослеживалась предубежденность в отношении арабийских бизнесменов иранского происхождения. Некоторые арабийские обозреватели связывали ужесточение действий правительства в ОАЭ в отношении ирано-шиитских торговых слоев и общин, имеющих иранских предков, с болезнью шейха Дубая, им покровительствовавшего. Считалось, что сыновья шейха, осуществившие тогда власть, не разделяли симпатий отца⁹.

Тем не менее, подобные случаи становились системными и в соседних монархиях. В Бахрейне, например, схожие обстоятельства стали причиной преследования крупного иранского финансиста Хусейна Неджади. Его обвинили в банкротстве ему же принадлежавшего «Арабo-азиатского банка» (лето 1986 г.) и потери денег вкладчиков из-за «плохого управления». Сначала Неджади долгое время находился под

⁸ Kuwait cracks down on Commercial Banks. *MEED*. January 10, 1996. P. 108.

⁹ 27.09.2001. Jiddati aljamiiatu assaudiiatu fi ass Shark alausat. (In Arab.)

домашним арестом, а затем был судим и приговорен к трем годам тюрьмы [1, р. 201–202].

Также и в Кувейте экономические трудности обостряли националистические и религиозные разногласия. Многие кувейтские шииты, включая верхушку интеллигенции, остро ощутили подозрительность властей и враждебность большей части населения эмирата из-за их религиозной общности с шиитами Ирана и Ливана. И все это несмотря на то, что именно шиитская часть населения, судя по всему, больше других пострадала от экономического кризиса. Именно среди шиитского населения эмирата было большинство мелких вкладчиков и держателей акций, разорившихся в результате краха Сук эль-Манах. Вообще, кувейтские шииты, являющиеся наиболее бедной частью населения эмирата, пострадали больше всех в результате кризиса при меньших возможностях поправить свои дела. В зарубежной, особенно американской, прессе приводилось много примеров возрастания нетерпимости со стороны суннитской (большей части населения) к кувейтским шиитам, особенно кувейтцам иранского происхождения и, того хуже, по отношению к иранцам, по той или иной причине проживавшим в эмирате. Отмечалась масса враждебных действий коренных суннитов, направленных на семьи видных ирано-кувейтских бизнесменов, особенно если те осмеливались держать привезенных из Ирана слуг или конторских работников. Антиирански настроенные элементы усматривали в таких лицах секретных агентов иранской разведки¹⁰.

Ранее упоминались дополнительные осложнения, связанные с ирано-иракской войной. Еще с конца 1970-х гг. акции Ирана в Заливе трактовались в Аравии как «иранская агрессия». Это, естественно, сказывалось на аравийских подданных иранского происхождения и вообще на всех шиитах, обостряя всегда существовавший этнорелигиозный антагонизм.

Впрочем, далеко не всегда представляется возможным установить прямую связь между понижением уровня жизни и нарушением политического равновесия. Особенно если в силу объективных причин предшествующая реформация и модернизация происходили неравномерно и нестабильно. В данном случае, когда в процветающих, но по-прежнему «закрытых» нефтедобывающих монархиях долгий период благополучия и роста благосостояния сменился заметным (по их меркам) упадком, все его последующие негативные проявления станут восприниматься особенно болезненно. А именно этот опыт выпал в 1980-е гг. на долю рассматриваемых стран.

¹⁰ Kuwait cracks down on Commercial Banks. *MEED*. January 10, 1996. P. 111.

Еще одним и весьма немаловажным проявлением этого кризиса явилось обострение противоречий между правящими элитами, особенно членами правящих кланов, и торгово-финансовыми и предпринимательскими кругами, считающими себя ущемленными государственной экономической политикой своих правительств. Многие аравийские бизнесмены возражали против того, чтобы их правительства перекладывали экономические трудности государства на частный капитал, вместо того чтобы, наоборот, оказать ему поддержку в эти трудные годы. Более того, многие предприниматели и финансисты в своих интервью зарубежным корреспондентам недвусмысленно указывали на то, что правящие круги, видимо, намерены использовать экономический кризис для того, чтобы еще больше подчинить себе усиливающуюся местную буржуазию, подорвать ее стремление к политической самостоятельности.

Противоречия между так называемой «нетитулованной» буржуазией Аравии, стремительно богатеющей в период нефтяного бума, и правящими кланами никогда не принимали характер открытого противостояния, но, безусловно, обострялись. Кроме того, складывается впечатление, что эти группы крупной и средней аравийской буржуазии насторожено восприняли возрастающую деловую активность все увеличивающегося числа представителей правящих кланов и, особенно, теми преимуществами в бизнесе, которыми они пользуются. В 1985 г. лондонский журнал «Ближневосточное экономическое обозрение» опубликовал статью, в которой рассказал об увеличении финансовой и предпринимательской деятельности многих членов правящего в Бахрейне клана Ал-Халифа и, особенно, премьер-министра страны шейха Халифа бен Сальмана Ал-Халифа¹¹. Бахрейнское правительство остро прореагировало на такую «нескромность», и номера журнала в течение нескольких месяцев не поступали в страну. В результате, это вызвало негативную реакцию не только бахрейнских, но и вообще аравийских финансовых кругов и нанесло урон репутации Бахрейна как международного банковского центра [1, р. 213].

С другой стороны, ни новая предпринимательско-финансовая буржуазия, ни контролирующие бизнес выходцы из правящих кланов Аравии были не готовы к серьезной конфронтации. Им всем было что терять. И те, и другие прекрасно отдавали себе отчет в том, как тесно связаны их политические и экономические интересы. К тому же запоминающимся и поучительным как для тех, так и для других, является пример Ирана. И все же, если возникнет новый виток экономических трудностей и к тому же они продлятся достаточно долгое время, то обозначенные

¹¹ Kuwait resignation de fuses crises. *MEED*. May 10, 1985. P. 68–70.

противоречия могут значительно углубиться, особенно в вопросе о том, кому нести основное бремя кризиса. К примеру, попытаться оказать давление на аравийских правителей с целью заставить их пожертвовать в пользу общественного блага часть личных состояний, или, по крайней мере, сократить, в этих же целях, обычные свои расходы.

Дело в том, что уже в 1970-е гг., а с начала следующего десятилетия – особенно, стала ощущаться возрастающая чувствительность среди аравийского населения к вопиющему неравенству в распределении доходов и умопомрачительным тратам правящих семей [3, р. 94]. Некий пожелавший остаться анонимным житель Саудовской Аравии прокомментировал это следующим образом: «Раньше каждый был занят тем, что делал деньги и никому не было дела до других. Но сейчас положение изменилось и все пристально наблюдают друг за другом»¹². И, судя по всему, правящие круги уже тогда осознали опасность и, дабы ее предотвратить, предпочитали прислушаться, а где сочли нужным, то и пошли навстречу некоторым требованиям населения и, в первую очередь, своей буржуазии.

Например, широко комментируется тот факт, что правительство Саудовской Аравии в 1985 г. изменило цены на нефть и размеры ее добычи, а также приостановило сокращение государственных субсидий в результате многочисленных жалоб саудовских бизнесменов. Они обращались к правительству с множеством ходатайств, где утверждали, что политика королевства по поддержке нефтяных цен и квот ОПЕК, приводящая к сокращению прямых поступлений в государственную казну, следовательно, и субсидий, вызовет волну банкротств в частном секторе¹³. Это, правда, не привело к решительному изменению нефтяной политики. Цены и добыча увеличились лишь незначительно. Но достаточно показательным является уже то, что интересы деловых кругов были приняты во внимание, невзирая на их растущие поползновения к соперничеству с бизнесменами из королевского дома (т.н. «титулованной буржуазии») и, хоть и робкие тогда, поползновения на политическую самостоятельность.

Но все же ничто в финансовой стратегии аравийских властей не вызвало столь жесткой критики, как политика кувейтских эмиров Ас-Сабахов в отношении своих зарубежных авуаров. В вопросе о том, что правительство неправильно распоряжается государственными финансовыми активами в западных банках, чуть ли не впервые нашли общий язык

¹² Jiddati aljamiiatu assaudiiaatu fi asshark alausat. (In Arab.)

¹³ 1988. «Addar attabaiaati». Dabii mujtamaati alhalij alarabii. Annamazaj alislamiiaati. Fauzi F. (In Arab.)

и пришли к согласию такие организации и парламентские коалиции, как «левые», арабские националисты и исламские фундаменталисты. В критике правительства с парламентской трибуны и в прессе указывалось, в частности, на то, что правительство США наложило арест на вклады Ирана в американских банках, указывалось также на ненадежность государственных бумаг развитых капиталистических стран, в которые вложены миллиардные суммы, что такая политика приведет Кувейт к окончательной экономической катастрофе [1, с. 213].

Активизация деятельности Национальной ассамблеи рассматривалась правительством как серьезная помеха в его стараниях справиться с экономическим кризисом. Правящие круги проявляли обеспокоенность парламентской критикой (и вообще активностью), может быть, даже большую, чем обострившимися взаимоотношениями с финансовыми и промышленными кругами (хотя связь проблем очевидна). Так, министр финансов Кувейта, выступая по разным поводам, заявлял, что он не допустит крушения государственной финансово-банковской системы под давлением неоплаченных частному сектору займов. Но и кувейтским финансистам стали очевидны колебания правительства. Многие из них надеялись, что правительство под давлением общественного мнения, газет, парламента по-прежнему и даже в большей степени будет использовать государственные фонды для поддержки частного сектора, в первую очередь – крупных бизнесменов. Таким образом, споры по этому важному вопросу принимали обостренный характер. В начале 1986 г. для разрешения этой проблемы был создан специальный финансовый комитет. Начиная с первого его заседания и на протяжении всех последующих в течение двухлетнего срока министр финансов Кувейта, отражая мнение руководства эмирата, открыто выступал против увеличения государственных субсидий частному сектору и против изменения государственной политики по отношению к зарубежным вкладам. Реальный компромисс так и не был достигнут¹⁴.

Таким образом, на парламент возлагались определенные надежды в формировании государственной экономической политики, причем по очень важным вопросам. И хотя теперь уже трудно судить о том, в какой степени парламент мог оказать давление на правительство в принятии кардинальных решений, тем не менее, оказать влияние на выбор тех или иных мер он, видимо, был в состоянии. Об этом свидетельствует определенная двойственность, нестабильность положения, заставлявшая правительство лавировать. Примером этому могут послужить события середины лета 1986 г., когда парламент попытался

¹⁴ Kuwait cracks down on Commercial Banks. MEED. January 10, 1996. P. 112.

расследовать деятельность четырех министров. В знак протеста правительственный кабинет в полном составе подал прошение об отставке. А вот дальнейшие события пошли по неожиданному сценарию. Эмир принял отставку и приказал наследному принцу Саиду Абуле ас-Салему аль-Сабаху сформировать новое правительство. Но вместе с этим он издал декрет о «временном роспуске парламента». В этом декрете от 4 июля 1986 г. эмир обвинил парламентариев в том, что они «вольнo или невольнo играют на руку внешним врагам Кувейта»¹⁵. Вместе с роспуском парламента был усилен контроль над прессой.

Роспуск кувейтского парламента, единственного, хоть и весьма консервативного, но все же законодательного собрания среди нефтедобывающих аравийских монархий, вызвал огромный резонанс и в Кувейте, и за его пределами. Тем не менее, в данных обстоятельствах это позволило правительству свободно провести некоторые намеченные предприятия адресного финансирования и свертывания некоторых социальных программ. Расплатой за это стало не только обострение внутривнутриполитической ситуации, но и стимулирование скрытой политической деятельности. Впоследствии эти обстоятельства будут способствовать формированию открытой террористической угрозы конца 1990-х – начала 2000-х гг.

В соседних монархиях в то время роль законодательных собраний играли различного типа совещательные органы. Тем не менее, народные стремления к созданию собственных полноценных парламентав (меджлисов) были сильны в регионе. Опрос значительного числа профессоров, преподавателей, студентов, журналистов, служащих, проведенный в аравийских монархиях иностранными специалистами в основном без согласия властей, свидетельствовал о том, что будущее своих стран, да и всего арабского мира, эти социальные группы связывают с наличием выборных политических организаций и парламентав. По их мнению, прошлая и современная форма власти не сможет оправдать народного доверия¹⁶.

В этом также сказывались последствия экономического спада. Жители монархий задаются вопросом, почему после десяти лет бурного развития экономика их стран оказалась столь уязвимой из-за капризов международного рынка нефти. И для 1980-х гг., и для последующих лет типичным стало мнение, что лишь предоставление народам аравийских монархий широких политических прав позволит избежать глубоких общественных кризисов. Но в то же время значительная часть

¹⁵ Kuwait cracks down on Commercial Banks. *MEED*. January 10, 1996. P. 112.

¹⁶ 27.09.2001. Jiddati aljamiiatu assaudiatiu fi ashshark alausat. (In Arab.)

аравийской интеллигенции связывала (как ни странно) свои чаяния о политических преобразованиях в регионе с Саудовской Аравией. С этой точки зрения перемены в малых княжествах Аравийского полуострова невозможны, пока они не произойдут в Саудовской Аравии, причем они должны быть одобрены и направлены королевским правительством, и сам клан Саудилов должен использовать свое влияние на распространение их в соседних странах. Особенно такие идеи получили распространение в Бахрейне. Так, в 1980-х гг. в самых широких бахрейнских кругах бытовало мнение, что «воскрешение» парламента, запрещенного правительством эмирата, стало бы прекрасным клапаном для выпуска скопившегося народного недовольства. По мнению бахрейнцев, это могло бы ослабить также скрытые антиправительственные движения (например, различные группы исламских фундаменталистов). Но предполагалось, что правящие круги Бахрейна никогда не осмелятся пойти на такой шаг, опасаясь гнева Саудилов, от которых они зависят в экономическом и военном отношении [1, р. 261].

Во многом эти настроения были вызваны роспуском кувейтского парламента. Общественное мнение аравийских монархий не без оснований усмотрело, что решение кувейтского правительства о роспуске парламента было принято не без участия и даже давления соседних стран и, в первую очередь, Саудовской Аравии (как и предыдущее решение о роспуске парламента Кувейта в 1976 г.). Так, например, во время июльских событий 1986 г. депутат-радикал Мухаммед аль-Руби грустно пошутил: «Вот теперь всем ясно, что мы являемся членом ССАГЗ (Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива. – А. Р.-Ф.)»¹⁷.

Таким образом, экономический кризис обострил социальные и политические проблемы аравийских монархий, усилил скрытое недовольство, негодование и, кроме того, многократно взвинтил религиозную и националистическую напряженность. Тогда эти проблемы не стали еще столь значительными, чтобы реально угрожать самому существованию монархических режимов, но все же оказались в состоянии поколебать их прочность.

На рубеже 1980–1990-х гг. аравийские правители и их народы пытались подвести итоги уходящего десятилетия, оценить последствия кризиса и обозначить пути его преодоления. На том этапе дальнейшее развитие рассматриваемых стран ставилось в зависимость от следующих факторов: во-первых, от колебаний мировых цен на нефть (обозначилась тенденция к их стабилизации); во-вторых, от ирано-иракских взаимоотношений, т.к. прекращение в 1989 г. боевых действий и мирные

¹⁷ Kuwait cracks down on Commercial Banks. *MEED*. January 10, 1996. P. 109.

переговоры еще не гарантировали окончания войны; в-третьих, от прочности накопленного экономического и политического потенциала, устойчивости правящих режимов.

Однако начало нового десятилетия преподнесло сюрпризы, в корне изменившие основные приоритеты внутренней и внешней политики королевства и эмиратов. Неожиданная агрессия Ирака против Кувейта и последовавшая затем «война в Заливе» снизили внутреннюю экономическую и социальную напряженность, подвергли серьезному испытанию будущее существование не так давно (в 1981 г.) возникшего союза в рамках ССАГЗ. А вместе с этим и сам суверенитет входящих в него стран. А то, что опасность, нависшая над Кувейтом, была воспринята всеми правящими режимами как общая, еще раз подтвердило тот факт, что возникновение Совета Сотрудничества не было случайным явлением. Напротив, оно стало закономерным итогом долгой и сложной эволюции взаимоотношений аравийских монархий и олицетворяет общность интересов их монархических кланов.

Библиографический список / References

1. Abir M. Saudi Arabia. Government and the Gulf Crises. L., 1993.
2. Arabia after the Storm. L., 1986.
3. Birks I.S., Sinclair G.A. International migration and development in the Arab region. Geneva, 1980.
4. Fiend M. The Merchants: The Big Business Families of Arabia. L., 1984.

Статья поступила в редакцию 09.01.2022, принята к публикации 17.04.2022
The article was received on 09.01.2022, accepted for publication 17.04.2022

Об авторе / About the author

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodrigues-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129

А.М. Новоторцева

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Институт Русской православной церкви как инструмент усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в арабских странах Ближнего Востока в 1958–1960 гг.

В статье на основе неопубликованных архивных документов и источников личного происхождения представлены инструменты усиления и поддержания внешнеполитического влияния Советского государства в арабских странах Ближнего Востока. Немаловажное место в этом процессе отводилось институту Русской православной церкви и ее представительству в Антиохийской патриархии. В 1958–1960 гг. советское правительство продолжило выстраивать новый внешнеполитический курс по отношению к ближневосточным государствам. Кроме традиционных денежных вливаний, стратегическую важность и эффективность мер в сфере усиления лояльности и развития всестороннего сотрудничества СССР с ближневосточными странами оно видело не столько в применении силовых методов, как это практиковали США и европейские страны путем открытой интервенции и вмешательства во внутренние дела, сколько в тонкой идеологической пропаганде через образование и просвещение арабского

© Новоторцева А.М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

населения. Особую роль в процессе политического и духовного сближения СССР и стран Ближнего Востока сыграл представитель РПЦ при Антиохийском патриархе епископ Подольский Иоанн (Вендланд).

Ключевые слова: Русская православная церковь, митрополит Иоанн (Вендланд), Антиохийский Патриарх Феодосий VI (Абурджели), митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич), Отдел внешних церковных сношений, Антиохийская православная церковь, Русская православная зарубежная церковь, Сирия, Ливан

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Новоторцева А.М. Институт Русской православной церкви как инструмент усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в арабских странах Ближнего Востока в 1958–1960 гг. // Лocus: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 111–129. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129

A.M. Novotortseva

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Institute of the Russian Orthodox Church as an instrument of strengthening the foreign policy influence of the Soviet Union in the Arab countries of the Middle East in 1958–1960

Based on unpublished archival documents and sources of personal origin, the article presents tools for strengthening and maintaining the foreign policy influence of the Soviet state in the Arab countries of the Middle East. An important place in this process was given to the institute of the Russian Orthodox Church and its representation in the Antiochian Patriarchate. In 1958–1960 the Soviet government continued to build a new foreign policy course towards the Middle Eastern states. In addition to traditional monetary injections, it saw the strategic importance and effectiveness of measures

in the field of strengthening loyalty and developing comprehensive cooperation between the USSR and Middle Eastern countries not in the use of explicit methods of force, as practiced by the United States and European countries through open intervention and interference in internal affairs, as in subtle ideological propaganda. A special role in the process of political and spiritual rapprochement between the Soviet state and the countries of the Middle East was played by the representative of the Moscow Patriarchate under the Patriarch of Antioch, Bishop of Podolsk John (Wendland).

Key words: Russian Orthodox Church, Metropolitan John (Wendland), Antiochian Patriarch Theodosius VI (Aburdzheli), Metropolitan Nikolai (Yarushevich) of Krutitsky and Kolomna, Department of External Church Relations, Antiochian Orthodox Church, Russian Orthodox Church Abroad, Syria, Lebanon

FOR CITATION: Novotortseva A.M. Institute of the Russian Orthodox Church as an instrument of strengthening the foreign policy influence of the Soviet Union in the Arab countries of the Middle East in 1958–1960. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 111–129. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-111-129

В 2011 г. разгорелась война в Сирии, которая первоначально казалась внутренним конфликтом. Однако внешний сценарий «гражданской войны» со временем показал истинных игроков на Ближневосточной арене, а нашей стране – необходимость выработки новых внешнеполитических действий по отношению к давнему арабскому союзнику еще со времен холодной войны. Эти события стали катализатором возобновления интереса к политической истории Ближнего Востока в XX в. С 2014 г. практически каждый год начали выходить исследования, раскрывавшие содержание, этапы, а также менявшийся характер и тактику внешней политики советского государства в данном стратегически важном регионе. В это же время впервые исследователями была отмечена особая значимость «религиозного фактора» в ближневосточных конфликтах.

Наиболее близкими по проблематике и хронологии исследованиями данной темы являются статьи Н.А. Беляковой и Н.Ю. Пивоварова. Одна из них непосредственно посвящена церковной дипломатии в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева) [1, с. 130–132; 11, с. 185–188]. В работе Т.А. Чумаченко было указано, что сразу после Второй мировой войны все международные игроки использовали церковные каналы в своих интересах, а тема взаимоотношений Русской православной церкви (РПЦ) и Восточных патриархатов в контексте внешнеполитических интересов советского

руководства не была предметом самостоятельного научного исследования [2; 18, с. 117–122]. К 2014 г. Т.А. Чумаченко были изучены отдельные направления деятельности Московской патриархии на международной арене, но хронологические рамки ее исследования ограничивались послевоенным периодом (1945–1953), до момента смены политического руководства в Советском Союзе.

Н.И. Бурганова и И.Ф. Худяков обратились к периодизации внешнеполитической деятельности. Результаты сравнительного анализа внешней политики Н.С. Хрущёва и И.В. Сталина, по мнению Бургановой, показали, что курс первого по отношению к ближневосточным государствам был более гибким, а само значение Ближнего Востока во время нахождения у власти Хрущёва во внешней политике Советского Союза приобрело решающее значение [2]. Период 1940-х – начала 1950-х гг. Худяков называл «этапом идеологизации», на смену которому пришел этап «рациональной внешней политики», не лишенной при этом идеологической (на основе коммунистических принципов) составляющей, но уже отошедшей на второй план. В целом, содержание дипломатического курса после Второй мировой войны демонстрировало разное отношение Кремля к ближневосточным странам во время нахождения у власти И.В. Сталина, Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева [13].

В отличие от вышеуказанных авторов, в работах Ц.М. Чикаидзе не было отмечено участие института Церкви и привлечение ее возможностей советским руководством для реализации своих геополитических планов. На основе документов Архива внешней политики РФ (АВП РФ) и зарубежных источников Чикаидзе было отмечено, что тесные взаимоотношения Сирии и Советского Союза начались с 1954 г. Страна рассматривалась в качестве ведущего арабского союзника и надежного партнера в регионе в период «холодной войны», и в целом сирийское и ливанское руководство расценивалось советской дипломатией как наиболее прогрессивное в регионе [16, с. 94–95].

Политике США и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. было посвящено исследование М.Я. Пелипась [10]. О необходимости выработки совместных действий против англо-американского влияния в православном мире и наступательной тактики в международных отношениях с 1951 г. говорилось в статье Т.А. Чумаченко. В целом, автором был сделан вывод, что «холодная война» оказала влияние на характер и содержание межцерковных отношений, их сильное политизирование [17, с. 146–147]. Национальным и общерабским слагаемым политики Сирии на Ближнем Востоке в 1946–2003 гг. посвящена книга И.А. Матвеева [4]. Важными и интересными для понимания вопроса являются монографии М.И. Одинцова и Э.П. Пир-Будагова,

первый труд раскрывает взаимоотношения Совета по делам РПЦ при СНК (СМ) СССР (далее – Совета) и Московской патриархии в 1943–1965 гг. [9], вторая работа – историю Сирии в XX в. [12].

В результате, историографический анализ темы позволил сделать вывод, что инструменты усиления внешнеполитического влияния Советского Союза в арабских странах Ближнего Востока в период служения в Дамаске представителя Московского патриархата епископа Подольского Иоанна (Вендланда) в 1958–1960 гг., совпавшего с периодом образования Объединенной Арабской Республики (ОАР) в составе двух стран – Сирии и Египта, не были до сих пор целенаправленно изучены. В качестве источников исследователями привлекались архивные документы Государственного архива РФ, а также АВП РФ, однако многие значимые события и факты, подробно отраженные в неопубликованных материалах, в частности, итоги поездки Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока в 1959 г.; условия открытия и первые результаты деятельности представительства Московского патриархата при Антиохийском патриархе в Дамаске в период образования ОАР, а также личность первого его представителя – епископа Иоанна (Вендланда), в совокупности с привлечением источников личного происхождения из частного архива духовной дочери владыки Иоанна, журналиста Э.Л. Меженной, не были отражены в работах ни одного из авторов [6, с. 4–14; 7, с. 144–152; 8, с. 71–96].

Вместе с тем, в перечне известных и традиционных инструментов достижения внешнеполитических целей и задач тем или иным государством, в первую очередь, следует назвать различные формы применения и демонстрации военной силы и использование специальных экономических мер и санкций. При этом международный престиж любой страны, как известно, определяется не только политической значимостью и экономической мощью, но и культурным и духовным потенциалом. В этой связи неотъемлемой и полноценной частью внешнеполитической стратегии является продвижение и популяризация своего национального культурного и духовного достояния за рубежом, а также установление и развитие тесных связей в области науки и образования, формирование и обогащение мировоззрения через изучение и распространение русского языка как инструмента межнационального и культурного общения. Язык – это отражение менталитета, культуры и истории народа. Поэтому сближение мировоззрений, установление глубинной духовной неформальной близости между народами при помощи языка является крепким фундаментом в выстраивании долгосрочных и надежных международных отношений. Все это стало учитываться

в формировании направлений внешней политики Советского государства в годы холодной войны.

Так, в проведении своего внешнеполитического курса в конце 1950-х гг., направленного на укрепление дружественных и геополитических связей с разными народами мира, особенно со странами, где Православие являлось официальной или одной из официальных религий, советская дипломатия старалась использовать не только методы активного внешнего присутствия в стратегически важных для советского государства регионах, но и подбирать новые, не менее эффективные инструменты всестороннего политического сближения с такими странами и формирования в их лице новых надежных и долгосрочных союзников. Среди этих стран следует назвать, в первую очередь, Грецию и ОАР. Стратегические площадки для укрепления и возможного расширения своего внешнеполитического влияния на Ближнем Востоке советские дипломаты видели также в менее близких СССР по своему внутреннему политическому и общественному устройству государствах – Ливане и Израиле.

Выстраивая новую парадигму международного сотрудничества в середине XX в., советские чиновники старались использовать разные рычаги внешнеполитического влияния. В частности, через институт Церкви было решено возобновить систему подготовки иностранных специалистов, как на отечественной образовательной базе, так и непосредственно на местах. В решении этих задач в 1958–1960 гг. советские дипломаты стремились, прежде всего, опираться за рубежом на православное и русскоговорящее население, особенно в таких мало лояльных к политике СССР регионах и странах Ближнего Востока, как Ливан. Следует отметить, что религия в Ливане давно имела большое значение практически во всех сферах жизни, а главное, в политическом устройстве страны, основанном на принципе конфессионализма. На протяжении веков в Ливане существовало большое разнообразие религиозных общин, постоянно соперничавших между собой, а их общее количество в XX в. доходило до 18. При этом 35–39% всех верующих были христианами, из них православными – лишь около 8%, а Русский приход в Бейруте, по утверждению епископа Василия (Самахи), к 1956 г. составлял не более 25 человек¹. Кроме этого, к середине XX в. уже около 20 лет (с 1936 г.) митрополитом Бейрутским был Илия (Салиби), которого

¹ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (6 января – 20 декабря 1956 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1428. Л. 24.

нельзя было отнести к разряду друзей Русской православной церкви, как и всю основную часть высшего ливанского духовенства.

В письмах из Дамаска своему духовному отцу архиепископу, с 1959 г. – митрополиту, Гурию (Егорову) епископ Подольский Иоанн (Вендланд) также подтверждал, что русскоговорящих в Дамаске и Бейруте было совсем немного, по списку – всего 40 человек из среды русских эмигрантов. Из них воцерковленных людей было всего человек пять, по большим праздникам в храме собиралось до 30 человек. По оценке владыки Иоанна, русская община поражала своей слабостью, отсутствием религиозного воодушевления, болезненным самолюбием ее членов, постоянным выяснением отношений между собой. Кроме этого, ежегодное возвращение на Родину или смерть уменьшали количество ее членов, что могло привести к тому, что через 10–15 лет, а может быть, и раньше, приход вообще перестал бы существовать². Кто же мог в таком случае стать опорой для формирования благоприятного имиджа советского атеистического государства в сирийском и особенно религиозном ливанском обществе? В указанных письмах владыки Иоанна конца 1950-х гг. говорится, что даже среди тех малочисленных русских, проживавших на Ближнем Востоке, большая часть не имела собственных детей или имела их от женщин ливанского происхождения. В результате смешанных браков дети таких родителей говорили уже только по-французски³ и по-арабски⁴.

При этом интересно отметить, что в 1960 г. в письме заведующего Отделом стран Ближнего Востока Министерства иностранных дел СССР Е.Д. Киселева Председателю Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР В.А. Куроедову сообщалось, что за последнее время от представителей общественности ливанских городов Куры, Амиуна, Эль-Мины (Триполи) и Захле, где проживало в основном православное население, поступили просьбы об организации в школах этих городов изучения русского языка⁵. В этой связи Посольство СССР в Ливане

² Письма епископа Иоанна (Вендланда) из Дамаска своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) в 1958–1959 гг. На правах рукописи из личного архива Э.Л. Меженной.

³ С 29 сентября 1923 г. современные арабские государства Сирия и Ливан после многовекового османского ига по результатам договоренности между странами Антанты (Великобритания и Франция) попали во французскую зону ответственности, что было утверждено мандатом Лиги Наций на иностранное управление, формально до 1941 г.

⁴ Письма епископа Иоанна (Вендланда) из Дамаска своему духовному отцу митрополиту Гурию (Егорову) в 1958–1959 гг. На правах рукописи из личного архива Э.Л. Меженной.

⁵ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

высказало пожелание, чтобы РПЦ с помощью ливанских православных общин взяла на себя подготовку и организацию преподавания русского языка в православных школах и колледжах Ливана.

В мае 1960 г. чиновники Посольства СССР в Ливане предложили принять на учебу в Советский Союз по линии РПЦ и с учетом рекомендаций ливанских митрополитов 8–10 ливанцев для последующего использования их в качестве преподавателей русского языка в школах и колледжах указанных ливанских городов. Но ими не были учтены возможности самой Московской патриархии, образовательные учреждения которой не готовили учителей-предметников для средних школ и училищ. В результате в ответном письме Куроедова Киселеву в июне 1960 г. сообщалось об отказе Московской патриархии принять на учебу в свои духовные учебные заведения ливанских граждан. По мнению чиновников Совета, Посольству СССР в Ливане целесообразно было бы изучить вопрос о возможности направления с этой целью ливанских граждан в соответствующие высшие учебные заведения Министерства высшего и среднего специального образования СССР⁶.

При этом отметим участие в решении вопроса духовного образования арабского населения стран Ближнего Востока епископа Подольского Иоанна (Вендланда), прибывшего в Дамаск в 1958 г. в сане архимандрита. В воспоминаниях архиепископа Нифона (Сайкали), настоятеля подворья Антиохийской православной церкви в Москве, в то время восемнадцатилетнего юноши, только что ставшего диаконом, содержатся следующие впечатления от его встречи с архимандритом Иоанном: «Антиохийская церковь тогда была очень бедная. Мы ничего не имели, даже церковной одежды... Я решил: не хочу в церковь, которая не может меня обеспечить даже подрясником! И вернулся в Бейрут, преподавал математику и английский язык в евангелическом колледже. И вдруг меня вызывают: какой-то священник, блондин, спрашивает тебя, хочешь видеть... Он говорил со мной по-французски: “я искал тебя в твоём родном городе Захле и не нашёл”»⁷. Архимандрит Иоанн специально приехал из Дамаска в Бейрут, дал молодому диакону конверт с деньгами на билет в Москву, на учебу в Московской духовной академии и таким образом, по воспоминаниям архиепископа Нифона, полностью изменил его жизнь.

⁶ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836. Л. ?.

⁷ Цит. по: Меженная Э.Л. Митрополит Иоанн: «Будем делать дела любви!»: Дневники. Письма. Воспоминания. Ярославль, 2013. С. 197–198.

Непростые обстоятельства поступления в Московскую духовную академию будущего архиепископа Нифона отражены также в архивных документах, в которых сообщалось, что по личной просьбе Антиохийского патриарха Феодосия VI (Абурджели) в 1959 г. в СССР на учебу направлялся гражданин ОАР (Сирия), послушник Виктор Сайкали. Чиновнику МИДа Д.С. Солоду от П.Г. Чередняка было дано очередное указание (по телеграфу) срочно выяснить и сообщить Совету мнение Генерального консула СССР в Дамаске по этому вопросу. Пользуясь пребыванием в Советском Союзе, патриарх Антиохии и всего Востока Феодосий VI просил патриарха Московского и всея Руси Алексия I в своем письме от 25 июля 1959 г. принять в Московскую духовную академию послушника Виктора Сайкали, сына покойного священника Гавриила Сайкали. Он писал, что молодой человек происходил из духовной семьи, был с хорошим духовным устроением и имел диплом высшего образования духовных школ Антиохийского патриархата. Патриарх Феодосий подчеркивал, что послушник Виктор Сайкали мог бы в дальнейшем быть полезен на церковном служении⁸.

Какое было вынесено окончательное решение по кандидатуре Виктора Сайкали, нам известно, но без преткновений в то время не обошлось, и здесь свое участие проявил владыка Иоанн (Вендланд) как официальный представитель РПЦ в Дамаске. В архивных материалах за 1959 г. сохранился проект ответного письма патриарха Московского и всея Руси Алексия патриарху Антиохийскому и всего Востока Феодосию (текст отпечатан на машинке и перечеркнут крест-накрест), в котором была изложена следующая аргументация по кандидатурам для приема в Московскую духовную академию: Советом академии было вынесено решение принимать в нее в наступающем учебном году из иностранцев только лиц, имеющих священный сан. В итоге в 1959 г. послушник Виктор Сайкали был рукоположен в диаконский сан и в том же году приехал в Советский Союз учиться в Московскую духовную академию. Большое влияние на юношу в выборе дальнейшего церковного служения оказало знакомство с митрополитом Нифоном (Сабо)⁹.

Были и курьезные случаи с арабскими учащимися, о которых можно узнать также из архивных документов. Случалось так, что направляя граждан Сирии и Ливана учиться в Московскую духовную семинарию, Антиохийская православная церковь не получала назад в их лице

⁸ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 138–140.

⁹ Там же. Л. 139.

потенциальных церковнослужителей. Так было с сирийским гражданином Шаебом, которого определили на учебу в СССР, но потом, после согласования с Антиохийским патриархом Феодосием VI (Абурджели), перевели из Московской духовной семинарии в другое учебное заведение, где он мог получить художественное образование. При этом патриарх Феодосий полагал нецелесообразным обращаться к сирийским властям, чтобы решить вопрос об оплате обучения данного студента в счет 300 стипендий, предоставленных Советским Союзом правительству ОАР¹⁰.

Причина, по которой патриарх Феодосий не видел возможным со своей стороны ходатайствовать о Шаебе в Дамаске, заключалась в том, что этот гражданин являлся коммунистом, поэтому обращение по данному вопросу к сирийским властям, учитывая внутривосточную ситуацию в стране в начале 1959 г., по мнению предстоятеля Антиохийской православной церкви, могло навредить Шаебу и привести к тому, что он мог бы быть отозван в Сирию. В результате, чиновники Генерального консульства СССР в Дамаске не нашли ничего лучшего, как поддержать точку зрения патриарха Феодосия и разрешить студенту Шаебу перейти в учебное заведение общего типа при условии, что расходы за обучение будет оплачивать Московская патриархия, которая в свое время уже брала на себя расходы за его обучение в духовной семинарии. Однако дело на этом не завершилось, абсурдность содержания за счет средств РПЦ бывшего семинариста, оказавшегося коммунистом, а по профессиональному призванию – художником, была очевидна даже в Совете по делам РПЦ¹¹.

В результате, на запрос заместителя заведующего Отделом стран Ближнего Востока МИД СССР Д.С. Солода от 3 марта 1959 г. поступил ответ от заместителя Председателя Совета П.Г. Череды. Учитывая заявление патриарха Феодосия, что гражданин Шаеб являлся коммунистом, Совет не мог согласиться с таким предложением, чтобы Московская патриархия определила Шаеба в светское учебное заведение и приняла бы на себя расходы по его обучению. Шаеб был направлен в СССР для духовного образования, и такой шаг Московской патриархии мог бы дать повод для разного рода измышлений и использован для подрыва авторитета РПЦ в странах Востока. Совет просил вторично предложить Генеральному консульству СССР в Дамаске подробно разобраться в этом деле и в случае, если данный вопрос не будет

¹⁰ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 11.

¹¹ Там же. Л. 15.

окончательно согласован с правительством ОАР по оплате расходов на его обучение, откомандировать Шаеба из СССР на родину¹².

Кроме привлечения арабской молодежи возможностью расширения образовательных и профессиональных возможностей как у себя на родине, так и в Советском Союзе, к 1960 г. советские чиновники внешнеполитических ведомств по-прежнему не упускали возможности налаживания дружественных отношений и с ближневосточными архиереями путем периодических приглашений их в нашу страну под разными благовидными предлогами, в основном по их собственной инициативе с целью поправки здоровья. Так, с подобной просьбой в мае 1960 г. к патриарху Московскому и всея Руси Алексию официально обратился епископ Пальмирский, викарий Бейрутской епархии, Игнатий (Абуррус). В своем письме он приветствовал патриарха Алексея словами «Христос Воскресе!», называя его «дорогой Отец наш», выражая тем самым свое «почтение возлюбленному другу во Христе»¹³. Далее он писал, что прошло уже много лет, как он оставил Русскую Землю и по благословению Антиохийского патриарха отправился в Южную Америку, в Аргентину, Уругвай, Парагвай и Бразилию. Там епископу Игнатию довелось прослужить 30 лет и только затем вернуться к себе на родину, где он, по его словам, был «удостоен счастья» стать почетным настоятелем Московского патриаршего подворья в Бейруте¹⁴.

«Ныне жаждет моя душа повидаться с Вами, Ваше Святейшество, поклониться святым местам и сравнить с теми годами, когда я был представителем и настоятелем Антиохийского Подворья в Москве», – писал епископ Игнатий Патриарху Алексию¹⁵. Пожеланием здоровья Святейшему и высказыванием надежды на удовлетворение его просьбы епископ Игнатий завершил свое витиеватое письмо Святейшему. Принимать самостоятельно, без согласования с соответствующими органами, такого рода решения патриарх Алексей не мог, поскольку они находились не столько в духовной и церковной, как это выглядело внешне, сколько в политической и дипломатической плоскости. Поэтому первоначально, до какого-либо ответа, копия письма епископа Игнатия была направлена послу СССР в Ливанской Республике С.П. Киктеву.

¹² Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 16.

¹³ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Там же. Д. 1836.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

В мае 1960 г. это было не единичное обращение к патриарху Алексию из круга восточных архиереев: другой ливанский митрополит Илия (Карам) также писал Святейшему и просил пригласить его в СССР с целью консультации с советскими специалистами-врачами в связи с «потерей слуха». В этой связи чиновники Совета запросили по телеграфу мнение Посольства СССР в Ливане по существу просьбы митрополита Илии (Карам), их волновало, поддерживалась ли она Антиохийским патриархом Феодосием VI (Абурджели). У МИДа СССР возражений против приглашения митрополита Илии (Карам) не было. Согласовав вопрос с советскими дипломатами, Куроедов в письме в ЦК КПСС просил разрешения дать согласие Московской патриархии на приглашение митрополита Илии (Карам) в Советский Союз сроком до одного месяца. Все расходы, как обычно в этом случае, Московская патриархия должна была взять на себя. Аргументация Совета относительно приезда в страну митрополита Илии была следующая: митрополит Илия (Карам) являлся видным церковным деятелем в Ливане, он неоднократно бывал в Советском Союзе в составе делегаций от Антиохийской православной церкви и активно выступал за укрепление связей с РПЦ¹⁶.

В итоге, Посольство СССР в Ливане считало целесообразным удовлетворить просьбу ливанского митрополита, и Московской патриархии было разрешено пригласить его в СССР на один месяц. Летом 1960 г. во время своего четвертого визита в СССР¹⁷ митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) принял участие в хиротонии архимандрита Никодима (Ротова) во епископа Подольского, викария Московской епархии, в это же время владыку Иоанна (Вендланда) назначили епископом Среднеевропейским, экзархом Московской патриархии в Средней Европе. Одновременно с разрешением приехать в Москву митрополиту Илии было получено также разрешение протоиерею Павлу Статову, заместителю представителя Московской патриархии при Антиохийском патриархе, и его секретарю Н.П. Анфиногенову совершить поездку в Иерусалим сроком на 10 дней¹⁸.

¹⁶ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

¹⁷ В 1946 г. митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) преподнес в дар РПЦ мощевик с частицами мощей святителя Василия Великого, священномученика Харлампия, преподобного Антония Великого и Апостола Андрея Первозванного, который в настоящее время находится в реликварии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры – в Серапионовой Палате.

¹⁸ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

В статье Чумаченко отмечается, что и сам епископ Подольский Иоанн (Вендланд) под предлогом паломничества по святым местам выезжал в Иерусалим с целью встречи и обмена мнениями с Патриархом Иерусалимским Венедиктом. Немаловажным моментом в рамках намеченной встречи предполагалась передача денежной суммы в качестве подарка от патриарха Московского и всея Руси Алексия I (Симанского) Иерусалимскому патриарху Венедикту [18, с. 119]. Щедрые подарки и денежные суммы восточным архиереям, присуждение им богословских степеней и обучение иностранных церковнослужителей в духовных образовательных учреждениях Московской патриархии – все это также было частью внешнецерковной и внешней политики советского государства. По воспоминаниям владыки Иоанна, побывать в Иерусалиме, Старом городе, ему так и не пришлось ввиду напряженных отношений советского государства и короля Иордании в 1959 г. Это подтверждает письмо Председателя Совета Г.Г. Карпова в МИД СССР В.С. Семенову, в котором он от лица Совета просил временно отложить поездку епископа Иоанна и его секретаря в Иорданию¹⁹.

О том, что возложенная на владыку Иоанна данная церковно-дипломатическая миссия была им осуществлена позднее, свидетельствуют другие архивные источники. В одном из них говорится, что 24 октября 1959 г. Московская патриархия перевела в адрес Генконсульства СССР в Дамаске 1071 фунтов стерлингов, 8 шиллингов и 6 пенсов для епископа Иоанна (Вендланда). Эти деньги в ходе поездки в Иорданию он должен был передать Иерусалимскому патриарху Венедикту в качестве подарка от Московского патриарха Алексия I. До этого, 22 сентября 1959 г., в распоряжение епископа Иоанна уже было переведено 20 357 фунтов стерлингов²⁰.

Если 1 июня 1959 г. необходимость поездки в Иорданию епископа Иоанна (Вендланда) подвергалась сомнению и резкой приостановке всех связанных с ней действий, то спустя несколько дней, 16 июня 1959 г., в ЦК КПСС поступило письмо от Карпова с обоснованием разрешения данной поездки, согласованной с МИДом. В нем говорилось, что «поездка епископа Иоанна в Иерусалим позволит осуществить встречу представителя Московской Патриархии с Патриархом

¹⁹ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (2 января – 28 декабря 1960 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1836.

²⁰ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Там же. Д. 1739.

Иерусалимской Православной Церкви Венедиктом и обменяться с ним мнением об отношении к созываемому Римским Папой Вселенскому католическому собору и о результатах переговоров Венедикта с Сербским Патриархом Германом, посетившим его в мае 1959 г. Учитывая полезность контактов Московской патриархии с Иерусалимской церковью и трудности поддержания связи между ними ввиду отсутствия у нас дипломатических отношений с Иорданией, Совет считает целесообразным использовать представляющуюся возможность встречи с Патриархом Иерусалимской церкви Венедиктом и просит разрешить Вендланду К.Н. и его секретарю Анфиногенову Н.П. выехать в Иорданию сроком на 10 дней»²¹.

Занимаясь устройством православных церквей в арабских странах Ближнего Востока, поддерживая материально сельское духовенство, обучая русскому языку и направляя на учебу в Советский Союз граждан ближневосточных стран, активно используя для этого институт РПЦ, советские чиновники и церковные дипломаты не игнорировали методику манипулирования, т.н. «политику кнута и пряника». Смело и решительно порой приходилось действовать и епископу Иоанну (Вендланду). В письме владыке от Председателя Отдела внешних церковных сношений при Священном Синоде (ОВЦС), митрополита Николая (Ярушевича) за № 153 от 20 марта 1959 г. давался подробный анализ его отчета № 1 за 1959 г.

Митрополит Николай начал с того, что сердечно поблагодарил епископа Иоанна за подробное и обстоятельное описание проделанной им работы, а также высказал одобрение его заботам и трудам по установлению должных отношений с Блаженнейшим патриархом Феодосием и митрополитами Антиохийского патриархата. Митрополит Николай просил и в дальнейшем укреплять эти отношения, отметил чуткое внимание владыки Иоанна к материальным нуждам бедного духовенства и православного населения Сирии и Ливана: «Весьма показательно и достойно признания Ваше постоянное стремление к содействию молодым людям, оканчивающим духовные школы Антиохийского патриархата, желающим получить возможность продолжить образование в наших русских духовных школах»²². Кроме этого, положительную оценку получили неустанные труды епископа Иоанна по организации жизни представительства и подворья. Однако при тщательном изучении содержания

²¹ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 75.

²² Там же. Л. 77.

данного отчета сотрудники Отдела внешних церковных сношений при Священном Синоде в лице митрополита Николая сочли не лишним сделать по некоторым его разделам следующие «братские замечания».

Так, одним из препятствий к оказанию материальной помощи Антиохийскому патриархату со стороны Московской патриархии епископ Иоанн назвал Блаженнейшему Феодосию то обстоятельство, что к лицам, получившим образование в богословских школах СССР, предлагалась в Сирии и Ливане «печать» коммуниста, что вызывало к ним среди их соотечественников враждебное отношение. Ультимативным заявлением в адрес патриарха Феодосия было категорическое утверждение, что только при условии устранения влияния на внешнецерковную политику авторитетного светского лица Х. Малика и враждебности к воспитанникам русских духовных школ материальная помощь РПЦ Антиохийскому патриархату пойдет беспрепятственно. «Правильность постановления Вами этого вопроса в отношении воспитанников очевидна, – писал митрополит Николай, – но категоричность этого Вашего утверждения не дипломатична. Патриарх Феодосий несомненно понимает, что дружеские отношения Русской православной церкви к Церкви Антиохийской не приостановят ни наличие влияния г-на Малика, ни злонамеренные потуги безответственных элементов опорочить во что бы то ни стало Антиохийских питомцев русских духовных школ»²³.

В итоге, представители Отдела внешних церковных сношений при Священном Синоде и сам митрополит Николай считали, что намеченное изменение порядка распределения финансовых пожертвований от Московской патриархии Антиохийскому патриархату было объявлено епископом Иоанном патриарху Феодосию с излишней резкостью: это можно было бы сделать, по мнению митрополита Николая, более дипломатично и тонко. Председатель Отдела внешних церковных сношений при Священном Синоде напоминал епископу Иоанну, что его деятельность протекала в не только определенной церковной, но и политической обстановке: «Последняя, как Вы знаете, в настоящее время значительно осложнилась. Это обстоятельство должно побуждать Вас к крайней осторожности и дипломатической тактичности»²⁴. Тщательно анализируя все пункты отчета владыки Иоанна, митрополит Николай (Ярушевич) считал, что представитель в Дамаске допускал иногда

²³ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 78.

²⁴ Там же. Л. 80.

слишком самостоятельные, не согласованные с Патриархией действия. Так, в отчете № 3 владыка Иоанн писал о необходимости построить в Дамаске русский православный храм, не учитывая явного нежелания Антиохийского патриарха Феодосия иметь новый русский приходской храм рядом с кафедральным Собором в Дамаске, но, в итоге, добившись его разрешения²⁵.

Таким образом, короткий период пребывания епископа Подольско-го Иоанна (Вендланда) в 1958–1960 гг. при патриархе Антиохийском в Дамаске совпал с важными церковными и политическими событиями, развернувшимися в конце 1950-х гг. на Ближнем Востоке. В 1958 г. была образована ОАР, президент которой Гамаль Абдель Насер посещал Советский Союз и был лояльно настроен к политике советского государства. В 1961 г. ОАР перестала существовать, но это короткое время позволило усилить внешнеполитическое влияние и присутствие СССР в ближневосточном регионе. К концу 1950-х гг. советские дипломаты стали отмечать активизацию деятельности Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру), совершившего в 1959 г. первую беспрецедентную поездку по странам Ближнего Востока (Сирии и Ливану) и Северной Африки (Египту) с определенными церковно-политическими целями, шедшими вразрез как с внешнеполитическими интересами СССР в данном регионе, так и ослаблявшими позицию РПЦ в православном христианском мире.

В это же время произошло окончательное вливание в состав православной общины в Ливане воинствующих представителей Русской православной зарубежной церкви. Послевоенное время показало необходимость возобновления и налаживания новых внешнеполитических контактов, подбора новых инструментов усиления внешнеполитического влияния. Особое место в этом вопросе отводилось институту РПЦ. С этой целью в 1958 г. было открыто специальное представительство Московского патриархата в Дамаске, куда был направлен первый в советский период истории нашего государства представитель – епископ Подольский Иоанн (Вендланл), оказавшийся в эпицентре внутри-церковных событий в Антиохийской православной церкви, главным из которых стало избрание нового патриарха Антиохийского и всего Востока Феодосия VI (Абурджели). Восточные патриархаты хотя и были малочисленными, но авторитетны в православном мире, поэтому поддержка глав Восточных православных церквей была необходима

²⁵ Переписка МИД по внешним связям Московской Патриархии с православной церковью в странах Ближнего и Среднего Востока (7 января – 30 декабря 1959 г.) // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991 (Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. 1943–1965). Оп. 1. Д. 1739. Л. 116–117.

РПЦ в противостоянии активизировавшейся внешнецерковной деятельности «ставленника англо-американцев» с 1948 г. Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру). Кроме этого, в 1950-е гг. появилась возможность привлечь к союзу Московского и Антиохийского патриархатов Иерусалимскую православную церковь. В этой наступательной тактике советской и церковной дипломатии особую роль сыграла личность епископа Подольского Иоанна (Вендланда).

Библиографический список / References

1. Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 4. С. 130–132. [Belyakova N.A., Pivovarov N.Yu. Religious diplomacy in the service of the Soviet state during the Cold War (during the period of N.S. Hrushchev and L.I. Brezhnev). *Kontury globalnykh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 130–132. (In Rus.)]
2. Бурганова Н.И. Компаративистский анализ внешней политики Советского Союза после II Мировой войны на Ближнем Востоке // В мире научных открытий. 2015. № 7-2 (67). С. 691–700. [Burganova N.I. Comparative analysis of the foreign policy of the Soviet Union after World War II in the Middle East. *V mire nauchnykh otkrytij*. 2015. No. 7-2 (67). Pp. 691–700. (In Rus.)].
3. Бахтин Е. Из истории Русской Православной общины в Ливане // Императорское православное палестинское общество. 07.06.2016. URL: <https://www.ippo.ru/russia/article/iz-istorii-russkoy-pravoslavnoy-obschiny-v-livane--401913> (дата обращения: 25.07.2021) [Iz istorii Russkoj Pravoslavnoj obshchiny v Livane [From the history of the Russian Orthodox Community in Lebanon]. Imperial Orthodox Palestinian Society. 07.06.2016. URL: <https://www.ippo.ru/russia/article/iz-istorii-russkoy-pravoslavnoy-obschiny-v-livane--401913> (accessed: 25.07.2021)]
4. Матвеев И.А. Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003). М., 2004. [Matveev I.A. *Natsionalnaya i obshchearabskaya sлагаemye politiki Sirii na Blizhnem Vostoke (1946–2003)* [National and pan-Arab components of Syria's policy in the Middle East (1946–2003)]. Moscow, 2004].
5. Новоторцева А.М. Поездка Константинопольского патриарха Афинагора I (Спиру) по арабским странам Ближнего Востока и Африки в конце 1959 г. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. Т. 12. № 2. С. 83–95. [Novotortseva A.M. The trip of Patriarch of Constantinople Athenagoras I (Spiru) to the Arab countries of the Middle East and Africa at the end of 1959. *Locus: People, Society, Cultures, Meanings*. 2021. Vol. 12. No. 2. Pp. 83–95. (In Rus.)]
6. Новоторцева А.М. Условия и начало Ближневосточного периода служения митрополита Иоанна (Вендланда) в качестве представителя Русской Православной Церкви при патриархе Антиохийском // Христианство

- на Ближнем Востоке. 2018. № 3. С. 4–14. [Novotortseva A.M. Conditions and the beginning of the Middle East period of Metropolitan John (Wendland)'s ministry as a representative of the Russian Orthodox Church under the Patriarch of Antioch. *Christianity in the Middle East*. 2018. No. 3. Pp. 4–14. (In Rus.)]
7. Новоторцева А.М. Церковно-дипломатическая деятельность митрополита Ярославского и Ростовского Иоанна (Вендланда) в середине XX века // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, образования: Материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета / Под. науч. ред. О.С. Нагорной. Ярославль, 2020. Ч. 1. С. 144–152. [Novotortseva A.M. Church-diplomatic activity of Metropolitan John (Wendland) of Yaroslavl and Rostov in the middle of the twentieth century. *Voprosy otechestvennoy i zarubezhnoy istorii, politologii, sotsiologii, obrazovaniya*. O.S. Nagornaya (ed.). Yaroslavl, 2020. Part 1. Pp. 144–152. (In Rus.)]
 8. Новоторцева А.М. Церковно-дипломатическое служение митрополита Иоанна (Вендланда) в Сирии и Ливане в 1959 году // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 1. С. 71–96. [Novotortseva A.M. The Church-diplomatic ministry of Metropolitan John (Wendland) in Syria and Lebanon in 1959. *Christianity in the Middle East*. 2020. No. 1. Pp. 71–96. (In Rus.)]
 9. Одинцов М.И., Чумаченко Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР и Московская патриархия: эпоха взаимодействия и противостояния. 1943–1965 гг. СПб., 2013. [Odintsov M.I., Chumachenko T.A. Sovet po delam Russkoy pravoslavnoy tserkvi pri SNK (SM) SSSR i Moskovskaya patriarkhiya: epokha vzaimodeystviya i protivostoyaniya. 1943–1965 gg. [Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of People's Commissars (Council of Ministers) of the USSR and the Moscow Patriarchate: The era of interaction and confrontation. 1943–1965]. St. Petersburg, 2013.]
 10. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. [Pelipas M.Ya. Skovannyye odnoy tsepyu: SShA i Velikobritaniya na Blizhnem i Srednem Vostoke v 1945–1956 gg. [Chained together: The USA and Great Britain in the Near and Middle East in 1945–1956]. Tomsk, 2003.]
 11. Пивоваров Н.Ю. Кого приглашали в СССР и кого отправляли за границу по религиозной линии (1943–1985 гг.) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35. № 1. С. 185–188. [Pivovarov N.Yu. Who was invited to the USSR and who was sent abroad along the religious line (1943–1985). *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2017. Vol. 35. No. 1. Pp. 185–188. (In Rus.)]
 12. Пир-Будагова Э.П. История Сирии XX века. М., 2015. [Pir-Budagova E.P. Istoriya Sirii XX veka [History of Syria in the 20th century]. Moscow, 2015.]
 13. Худяков И.Ф. Анализ внешней политики СССР в регионе Леванта // Наука и современность. 2014. [Hudyakov I.F. Analysis of the USSR's foreign policy in the Levant region. *Nauka i sovremennost*. 2014. (In Rus.)]
 14. Чикаидзе Ц.М. Ближний Восток в контексте политики великих держав, 1920-е гг. – 1956 г. Владикавказ, 2015. [Chikaidze Ts.M. Blizhniy Vostok v kontekste politiki velikikh derzhav, 1920-e gg. – 1956 g. [The Middle East in the context of the policy of the Great Powers, 1920s – 1956]. Vladikavkaz, 2015.]

15. Чикаидзе Ц.М. Ближний Восток в 1920–1950-е гг.: политический ракурс. Владикавказ, 2018. [Chikaidze Ts.M. Blizhniy Vostok v 1920–1950-e gg.: politicheskiy rakurs [The Middle East in the 1920s–1950s: A political perspective]. Vladikavkaz, 2018.]
16. Чикаидзе Ц.М. Великие державы на Ближнем Востоке (1945–1956 годы) // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 4. С. 83–97. [Chikaidze Ts.M. The great powers in the Middle East (1945–1956). *Modern and Contemporary History*. 2020. Vol. 64. No. 4. Pp. 83–97. (In Rus.)]
17. Чумаченко Т.А. В русле внешней политики сталинского руководства: Русская православная церковь и Патриархаты Ближнего Востока. 1943–1953 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 22 (351). Вып. 61. С. 142–148. [Chumachenko T.A. In line with the foreign policy of the Stalinist leadership: The Russian Orthodox Church and the Patriarchates of the Middle East. 1943–1953. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 22 (351). Issue 61. Pp. 142–148. (In Rus.)]
18. Чумаченко Т.А. Отношения Московской Патриархии и Восточных Патриархатов в контексте эволюции ближневосточной политики советского руководства. 1953–1964 годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2 (357). Вып. 62. С. 117–122. [Chumachenko T.A. Relations of the Moscow Patriarchate and the Eastern Patriarchates in the context of the evolution of the Middle East policy of the Soviet leadership. 1953–1964 years. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. No. 2 (357). Issue 62. Pp. 117–122. (In Rus.)]
19. Шкаровский М.В. Русская православная церковь в 1958–1964 годах // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 42–58. [Shkarovsky M.V. The Russian Orthodox Church in 1958–1964. *Voprosy istorii*. 1999. No. 2. Pp. 42–58. (In Rus.)]

Статья поступила в редакцию 01.12.2021, принята к публикации 17.03.2022
 The article was received on 01.12.2021, accepted for publication 17.03.2022

Сведения об авторе / About the author

Новоторцева Анна Михайловна – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории России Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

Anna M. Novotortseva – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: annov1@mail.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143

Т.В. Карадже

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы

В статье отмечается, что усиление сложности и интенсивности развития всех сфер жизнедеятельности социальной системы привело к проявлению новых временных свойств, что актуализировало значимость научного инструментария динамических характеристик. Автор рассматриваются различные временные характеристики, в том числе и темпоральность, что дает возможность понять, как восприятие, интерпретация и аксиологическая оценка социально-политических процессов и изменений обуславливает не только темпоритм и временной код социальной системы, но и определяет особенности менталитета. Понятие «темпоральность» как динамическая характеристика социальных систем отражает не только субъективное восприятие временности, относительно которой происходит ее интерпретация, но и интенциональность субъективного в реальность, саморефлексию по поводу становящейся реальности. В этой связи в статье рассматривается значение интерпретации и оценки будущего и прошлого для формирования жизненных стратегий настоящего. Отмечается необходимость дальнейшей разработки методологии темпорального анализа,

в основе которого лежит междисциплинарность, рассматриваются эпистемологические ограничения и намечаются возможные направления развития данного методологического подхода.

Ключевые слова: объективное время, субъективное время, темпоральность, сложноорганизованные социальные системы, темпоральный поток, темпоральный анализ, кросс-темпоральный анализ

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карадже Т.В. Темпоральность как динамическая характеристика изменений социальной системы // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 130–143. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143

T.V. Karadzhe

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Temporality as a dynamic characteristic processes and changes in the social system

The article notes that the increasing complexity and intensity of the development of all spheres of life of the social system led to the manifestation of new temporal properties, which actualized the importance of the scientific tools of dynamic characteristics. The author examines various temporal characteristics, including temporality, which makes it possible to understand how the perception, interpretation and axiological assessment of socio-political processes and changes determines not only the temporality and time code of the social system, but also determines the peculiarities of mentality. The concept of “temporality” as a dynamic characteristic of social systems reflects not only the subjective perception of temporality, with respect to which its interpretation takes place, but also the intentionality of the subjective into reality, self-reflection about the emerging reality. In this regard, the article examines the importance of interpretation and evaluation of the future and the past for the formation

of life strategies of the present. The necessity of further development of the methodology of temporal analysis, which is based on interdisciplinarity, is noted, epistemological limitations are considered and possible directions for the development of this methodological approach are outlined.

Key words: objective time, subjective time, complex social systems, temporal flow, temporality, temporal analysis, cross-temporal analysis

FOR CITATION: Karadzhe T.V. Temporality as a dynamic characteristic processes and changes in the social system. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 130–143. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-130-143

О временных характеристиках социальных систем

Современный мир характеризуется усложнением социальной системы и ускорением времени, вызванными глобализационными процессами, экспоненциальным ростом НБИК-технологий и киберфизических систем. Сложность и интенсивность развития всех сфер жизнедеятельности социальной системы стали причиной появления ее новых временных свойств. А разнообразие и множественность форм взаимодействий как внутри сложноорганизованной социальной системы, так и с внешним миром обусловили разнонаправленность и асинхронность временных потоков, создавая ощущение стремительности и неопределенности происходящего.

Однако всякое усложнение и изменение имеет предел, за которым социальная система теряет способность к саморегулированию своего общего временного ритма, что может привести к разрушительным для нее последствиям. Исследование темпоральности позволяет рассмотреть, как различными субъектами воспринимаются процессы изменения в различных сферах социальной системы и как интерпретация динамики этих изменений определяет возможные пределы их временного рассогласования.

Методологический инструментарий динамических характеристик социальных систем, основываясь на автопоэзисную теорию эволюционирующих систем [19], теорию алгоритмических сложностей, теорию сложных динамических систем и теорию познания, формируется на основе интегративного междисциплинарного подхода, что, с одной стороны, расширяет представления о свойствах исследуемого объекта, а с другой – актуализирует необходимость уточнения содержательного аспекта категориально-понятийного аппарата. «Темпоральность»

как раз и относится к тем понятиям, которые употребляются в различном значении. В ряде случаев понятие «темпоральность» трактуется как совокупность временных свойств объекта. В соответствии с таким подходом, темпоральность тождественна понятию «временные характеристики», т.е. это характеристика объективного времени, разворачивающегося в пространстве, применительно к конкретному субъекту [4, с. 32]. Ряд исследователей, отмечая взаимосвязанность темпоральности, объективного и субъективного времени, отождествляют понятия «субъективное время» и «темпоральность», другие исследователи обращают внимание на неправомерность их отождествления [13, с. 139].

Для устранения методологической неясности содержания понятия «темпоральность» и возможности исследования феномена темпоральности как неразрывно взаимосвязанного с объективным и субъективным временем, но обладающего своими сущностными характеристиками, важно учитывать особенности объективного и субъективного времени.

Феномен времени, начиная с древности, всегда был предметом исследовательского интереса и рассматривался как дление, движение, разворачивание действий, не зависящее от человека. Однако понимание времени как независимого от свойств материального мира подверглось критике уже Г. Гегелем, а теория относительности А. Эйнштейна дополнила представления о его свойствах. В этой связи в философском дискурсе стал распространенным подход, классифицирующий время на объективное – внешнее по отношению к субъекту и субъективное – внутреннее время индивида, которое как предмет исследования рассматривалось философами XX в. М. Хайдеггером [16] А. Шюцем [20], Э. Гуссерлем [5]. Результатом научных исследований стало понимание того, что субъективное время, в отличие от объективного, протекает неравномерно, с разной степенью длительности у различных субъектов и детерминировано биологическими, психологическими особенностями индивида, а также его социальным опытом.

Огромное влияние на понимание протекания времени оказала синергетика. В современной науке, наряду с такими традиционными понятиями, как «стадия», «эпоха», «период», «век», представлениями о его маятникообразном, спиралевидном, циклически-волновом движении, стали использоваться такие характеристики, как «многомерность», «обратимость», «разветвленность», «удвоение событий во времени». Синергетика обогатила знание о свойствах открытых сложноорганизованных систем, порождающих собственное время, свой «системный архетип», и сегодня методологический арсенал пополнился понятиями «бифуркация», «трансмутация», «структурогенез», «морфогенез», «иерархическая перестройка». Поскольку самоорганизующаяся система

проходит через различные трансформации, изменяющие характер поведения системы, то и значения времени как самой системы, так и ее элементов изменяются [9, с. 13]. Понимание того, что на каждом уровне организации материи – биологической, социальной, политической – время проявляет себя специфично, стало основанием для выделения различных типов времени – биологического, психологического, социального, политического.

Восприятие времени обостряется в критических для субъекта ситуациях. Сегодня, когда мы наблюдаем системный кризис, разворачивающийся во всех сегментах общественной системы, сопровождающийся изменением динамики ее развития и усилением хаотизации, различные индивиды, социальные группы, культуры и даже цивилизации в целом, различным образом ощущают течение времени в зависимости от их включения в процессы трансформации мирового порядка.

Реальность демонстрирует сложную коллизию процессов разрушения и становления, утраты значимости традиционных политических и общественных институтов, разрушения устоявшихся взаимосвязей и формирование новых взаимодействий. Вариативность траекторий развития системы в бифуркационной фазе, с одной стороны, увеличивает многообразие возможных сценариев будущего, а с другой – усиливает переживания индивидом собственной временности, неопределенности, возможности самореализации в условиях стремительно изменяющейся реальности.

Один из основоположников теории «сложного мышления» Э. Морен отмечал, что история «не представляет собой линейную эволюцию. Она содержит турбулентные потоки, бифуркации, отклонение от пути, периоды неподвижности и застоя, что отражено в восприятии времени и его интерпретации» [10, с. 40]. В ситуации множественности времен происходит трансформация сознания личности, его восприятия и оценки становящейся реальности. Процесс этот весьма болезненный и чреват серьезными последствиями как для индивида, так и для общества в целом. Восприятие и ощущение времени может привести к социальной фрустрации или, напротив, к эмоциональному подъему, желанию дистанцироваться от происходящих событий или желанием ощутить дух перемен. Неслучайно 1990-е гг. как время радикальных трансформаций получило эмоциональную окраску – «лихие», «ревушие», «разруха», «лихолетье», «беспредел», что отразило отношение различных социальных групп к этому периоду современной российской истории. В этой связи в современной науке стало уделяться внимание исследованию становления новой темпоральной действительности как результата трансформации устоявшейся картины мира.

Темпоральность как интерпретация и оценка динамики социальных систем

Неустойчивость, усиление флуктуаций как свойств современных сложноорганизованных систем, порождает ощущение неопределенности и вызывает потребность понимания и собственного отношения к происходящим изменениям. Субъект в различной форме, и в разной степени, отражает нестабильность ситуации, оценивает ее, выстраивая свои личные жизненные стратегии. «Темпоральность» – одно из понятий, отражающих свойство сознания воспринимать, переживать и интерпретировать динамику изменений общественного бытия.

Понятие «темпоральность» в научный дискурс было введено М. Хайдеггером. А. Шюц, работы которого стали теоретическим основанием исследования темпоральности, ставит вопрос об объективности жизненного опыта и восприятия времени. По А. Шюцу, в основе понимания темпоральности лежит интерсубъективность, «жизненный мир» как система коммуникативных взаимодействий. Интерсубъективный мир – это мир, обусловленный интеракциями между людьми, принадлежащими к одной весьма узкой социальной группе. Но, как отмечает автор, «в сознании индивидов этот социокультурный мир выступает как мир объективный, который достраивается личным опытом индивида, позволяющим понимать и интерпретировать действия окружающих его людей. Но т.к. личный опыт и знания каждого человека уникальны, то, соответственно, неповторимы и его интерпретации жизненных реалий» [21, с. 43].

«Жизненный мир» как результат взаимодействия и противостояния различных интересов подвижен, неустойчив, внутренне противоречив и обладает своими временными характеристиками [11]. Индивид, осваивая новые жизненные миры и существуя одновременно во множестве этих миров, должен одинаково воспринимать и переживать временность с другими участниками взаимодействия, что позволит не только признавать опыт другого, но и конструировать совместный опыт. Можно сказать, что возможность взаимодействия интерсубъективного мира с другими «жизненными мирами» обусловлена, в т.ч. и созвучием темпоральности. «В устойчивом взаимодействии порождается упорядоченная и самоподдерживающаяся материальная структура, события и процессы внутри которой характеризуются общей – совмещенной или разделяемой, темпоральностью. Совмещенная или разделяемая темпоральность – лишь один из набора факторов, которые обуславливают связанность изнутри, скрепленность некоторой материальной системы и того уровня реальности, на котором она существует» [1, с. 178].

Субъективное время не тождественно темпоральности, ибо темпоральность – это свойство сознания воспринимать и переживать время, наделяя его некими смыслами. Темпоральность предполагает не просто ощущение и переживание времени, но и его *интерпретацию* в соответствии с аксиологическими установками и социальным опытом субъекта.

Темпоральность наиболее ярко проявляется в культуре, отражающей восприятие и интерпретацию временной длительности в художественной форме. В этом смысле культура, обладая свойством образного представления переживания времени, где внутренняя темпоральность индивида всегда сопряжена с внешней темпоральностью, закрепленной в культурных архетипах, определяет опыт восприятия времени.

Образы времени в культуре всегда метафоричны и несут сильную эмоциональную окраску. Время может восприниматься как «созидатель и разрушитель; властитель и учитель, время – мудрец и время – ресурс, время – надежда и время – тюрьма. <...> Время – стремительный поток и время – однообразие нескончаемой вереницы дней» [15, с. 93].

Культура отражает восприятие времени и в различных символических образах: стрелы, направленной в будущее, змеи, заглатывающей свой хвост, Кроноса, пожирающего своих детей, и т.д. Культура не просто артикулирует свое отношение ко времени в различных сюжетах, но и формирует свой временной код, определяющий динамику развития «жизненного пространства» и «жизненных стратегий» как всей социальной группы, так и отдельного индивида.

Так, Древний Египет продемонстрировал такое ощущение времени, где прошлое и будущее настолько были неотъемлемой частью настоящего, что они как бы поглощали его. Временное единство представлялось в образе замкнутого кольца змея, которого египтяне называли «опоясывающий мир», наглядно выражая через него связь между бытием и небытием, старением и обновлением. Жизнь, смерть, новое рождение представлялись чередованием фаз бытия и небытия: каждый возвращается туда, откуда пришел и все подчинено повторяемости циклов, и вырваться из этого порядка невозможно. Настоящее – это всего лишь краткий миг между прошлым и будущим, которое и надо увековечить, т.к. для человека настоящее есть повторение прошлого и модель будущего. Отсюда столь гиперболизированное отношение к настоящему, его сакрализация, проявляющаяся в стремлении законсервировать не только существующие верования, но и структуру социальной системы.

А вот в древнекитайской культуре отношение ко времени окутано покровом, потому что, с одной стороны, оно хранит вечность, а с другой – дается в быстротечной череде мгновений. Жизнь для китайца – это поток превращений, в которых мир вечно обновляется, где ни один

момент времени не похож на другой. И если в мире реально только превращение, то каждая вещь в нем присутствует лишь в той мере, в какой превращается в нечто другое, стало быть, согласно китайской традиции, ничто в мире не существует обособленно, в отрыве от других вещей и ценно в жизни и прошлое, и настоящее, и будущее.

Несмотря на внешнее сходство отношения к настоящему, они, по сути, различны. Для египтянина прошлое и будущее – это всего лишь копия настоящего, для китайца – жизнь есть вечное самообновление, а настоящее – это часть изменяющегося бытия. «Образ времени в китайской культуре – дорога; символ времени – песок, струящийся сквозь пальцы; атрибуты отмеренного времени – горящая свеча; символы неуловимости и бренности мгновения – летящие облака, созерцание разрушенного храма или могилы» [12, с. 63]. Такое ощущение времени оказало существенное влияние на устройство социальной системы Китая. С одной стороны, конфуцианство, с его стремлением закрепить существующие социальные нормы и порядки, с другой – даосизм, с его восприятием жизни как потока времени и готовности к изменениям.

Имманентное свойство темпоральности есть не только генерирование аксиологической оценки настоящего, но и сравнения настоящего с другими временными длительностями. Как происходит процесс сравнения и оценки? Отечественный исследователь Л.М. Дзюба отмечает, что настоящее представляется как точка пересечения прошлого и будущего, как взаимосвязь прошлого опыта и картины будущего. Переживание и рефлексия по поводу сравнения картины прошлого и картины будущего позволяет индивиду сформировать и вынести свою оценку и свое эмоциональное отношение к настоящему [6, с. 165].

Проблема осмысления и оценки временной динамики становится значимой для индивида в ситуации разрушения или трансформации его «жизненного мира», несоответствия, рассогласования своего восприятия и оценки времени с оценкой других субъектов взаимодействия. Дигитализация, технологии искусственного интеллекта, новые формы информационно-коммуникационных технологий меняют отношение к традиционным институтам и нормам, обладавшими ранее высокой ценностью, обесценивая и рассматривая их как рудименты прошлого. С ускорением социально-политических процессов, разрушением традиционной ценностной системы изменяется интерпретация и оценка прошлого. Как отмечает современный немецкий исследователь Г. Люббе: «С возрастанием количества инноваций в единицу времени уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело, в котором мы не можем распознать привычного сегодняшнего жизненного мира, и которое

поэтому представляется нам чужим и даже непонятным» [7, с. 94]. И чем быстрее изменяются технологическая, политическая, социальная сферы общественного бытия, тем заметнее разрыв в оценке прошлого разными поколениями, тем сильнее обесценивается опыт прошлого, который невозможно использовать в новых реалиях.

Сегодня меняется не только восприятие и оценка прошлого, но и восприятие и оценка настоящей социополитической реальности. Привычное устоявшееся ощущение времени не соответствует ускорению динамики изменения мира, что влечет переосмысление субъектом возможных последствий трансформаций и новую интерпретацию времени. Результатом рефлексии является становление иного отношения ко времени, которое определяет стратегии выхода из состояния неопределенности и начало конструирования новой реальности. Осмысление и оценка временной динамики происходит как на уровне индивида, группы, так и социальной системы в целом, и может носить противоречивый характер.

Ощущение нестабильности и неопределенности усиливается в точке бифуркации, когда прошлое системы становится частью, одним из вариантов будущего – эффект т.н. бифуркационной петли. В этой ситуации система не просто выбирает возможные варианты, нереализованные в прошлом и гипотетические варианты будущего, она стоит перед выбором динамических характеристик, которые будут определять развитие будущей системы. И здесь основное значение имеют темпоральные характеристики прошлого – как общество и индивид эмоционально относятся к прошлому и каким они видят свое будущее. Осознание субъектом перспектив своих собственных жизненных целеполаганий будущего возможно только через осознание и оценку своего прошлого.

Как уже отмечалось, темпоральность – это некий параметр самоотнесения своего внутреннего субъективного времени к объективному времени, рефлексия по поводу своего отношения к процессам изменения и перенесение этого отношения в конструирование своего жизненного пространства. Для того, чтобы в состоянии неопределенности субъект мог выстроить жизненные планы в настоящем, ему необходимо соотнести представление о будущем со своим субъективным опытом. Именно в период усиливающейся неопределенности решающее значение имеют проекты будущего, которые упорядочивают жизненные смыслы социальной системы, позволяют индивиду выстраивать свои жизненные стратегии, ориентируясь на эти общественно значимые цели. Как правомерно замечено Л.М. Дзюбой, «желание представлять будущее заложено во внутреннем опыте человека как необходимый вектор в выстраивании практики настоящего» [6, с. 48].

Трансформация ценностно-смыслового содержания образа мира и проблема собственной самореализации в изменяющихся условиях обуславливают особенности темпоральных проявлений переживания времени не только на уровне индивида, группы, но и, в целом, общественного сознания. Особенность кризисного состояния современного российского государства не в том, что большинство традиционных социальных и политических институтов разрушились или устарели, а в том, что отсутствует видение будущего, в соответствии с которым будут формироваться новые структуры и новые «жизненные миры». Необходимо учитывать, что коллективный опыт проживания времени и представления о будущем времени являются основой социального единства.

В условиях отсутствия проекта будущего как аксиологически интегративного основания общественной системы мы наблюдаем разнонаправленные темпоральные потоки. С одной стороны, сообщество т.н. элиты со своим хронотопом, своим набором ценностей и смыслов, своей оценкой настоящего и будущего, и с другой – остальная часть населения, атомизирующаяся по социальным, экономическим, политическим и религиозным признакам и плохо представляющая свое будущее. В социальном пространстве представлены также темпоральные потоки различных поколений, религиозных, социальных и профессиональных групп, обладающих собственным восприятием и интерпретацией времени, которые зачастую разнонаправлены в своей оценке и выстраивании жизненных практик.

А.С. Панарин отмечает, что темпоральные проявления особым образом отражают динамику социальных изменений. Восприятие времени выражается не только в аксиологических оценках, но, прежде всего, в психологическом состоянии индивида, его готовности/неготовности, способности/неспособности встраиваться в стремительный поток изменений. В этой связи ученый выделяет темпоральные потоки, характеризующиеся своим отношением ко времени. Так, люди, в силу различных причин оказавшиеся в основании социальной пирамиды и без надежды на улучшение своего положения, ориентированы на эсхатологическое время – время «социальных изгоев», у которых будущее вызывает страх, и уповающих либо на разрушение несправедливого общества, либо впадающих в состояние социальной фрустрации. Социальные группы, рассматривающие будущее позитивно, связывающие его с собственной активностью, воспринимают время как созидательный ресурс, проживают во временном потоке линейного времени и готовы к инновациям. Между разнонаправленными потоками эсхатологического и линейного времени находится особый темпоральный поток

ускоренного времени. Это пространство/время индивидов и групп, динамично перемещающихся из одной временной страты в другую в поисках своих «жизненных миров» и изменяющих свои экономические, социальные и политические статусы [8]. Здесь наблюдается высокий разброс в восприятии и оценке времени, которое может стать «разрушителем» для одних, но для других – «ресурсом» для реализации своих планов.

К вопросу о методологии темпорального анализа

Усложнение и усиление трансформации современного общества ведет к формированию новой темпоральности, характеризующейся дискретностью и размытостью. Как уже отмечалось, увеличение уровней темпоральности ставит проблему темпоральных нестыковок и расогласованности восприятия и интерпретации времени различными субъектами. Исследование феномена темпоральности дает возможность исследовать, не только как общественным сознанием воспринимается и оценивается прошлое, настоящее, но и как на основании этих оценок конструируется будущее.

В этой связи актуализируется значение дальнейшей разработки методологии темпорального анализа и, в первую очередь, научно корректного определения содержания понятия. Содержание понятия «темпоральность» носит сложносоставной характер, свидетельствующий, с одной стороны, о его взаимосвязанности и с объективным, и с субъективным временем, с другой – фиксирующий особые свойства данного феномена. Условно, многослойность содержания понятия «темпоральность» и его взаимосвязь с субъективным временем можно представить следующим образом:

- темпоральность как субъективное восприятие и интерпретация временной динамики, *обусловленные социальным опытом индивида*;
- темпоральность – это не просто субъективное восприятие, интерпретация временной динамики, обусловленное социальным опытом субъекта, *но и интенциональность этого субъективного восприятия в реальность*;
- темпоральность – это не только субъективное восприятие, интерпретация временной динамики, интенциональность этого субъективного восприятия в реальность, но и *рефлексия по поводу встраивания в эту реальность на основе личного опыта*.

Можно сказать, что субъект не просто проживает и переживает какую-либо временность в соответствии с архетипическими образами, своими чувствами и эмоциями, социальным опытом, но и пытается

отфиксировать сопряженность своего субъективного времени с протеканием объективного.

В основе методологии темпорального анализа, рассматриваемого не только в общественных, но и естественных науках, лежит междисциплинарный подход. Весьма плодотворным для понимания темпоральности является психологический подход, изучающий психические механизмы сознания, воспринимающие различные формы времени [2, с. 334]. Структура сознания предполагает уровни восприятия объективного реального времени, субъективного времени, которое обусловлено личностными особенностями, и механизмы их соотношения. Как отмечает Э. Гуссерль, «основным в понимании времени становится не вопрос о том, что такое время, а вопрос, как оно воспринимается субъектом» [5, с. 132].

На данный момент эпистемологический аспект исследования темпоральности в исследовательской практике представлен незначительно. Среди значимых причин можно выделить отсутствие четких критериев темпоральности, что затрудняет формирование содержательного аспекта данного понятия; неопределенность единиц анализа и измерения темпоральности, посредством которых она может быть описана и проведен сравнительный анализ различных временных длительностей; не сформирован методологический инструментарий, исследующий изменения восприятия и интерпретацию времени различными субъектами.

Темпоральный анализ не может «работать» самостоятельно, не опираясь на более общую методологию исследования сложноорганизованных социальных систем и теорию познания. Он также основывается на комплексном анализе динамики изменения мировоззренческих характеристик субъекта, включающих ценностно-смысловые ориентации, психологическое состояние, социальный, экономический, религиозный и культурологический статусы, обуславливающие интерпретацию времени. С. Бартолини предлагает также включение времени в качестве переменной кросс-темпорального анализа [17], что позволит провести асинхронные сравнения – сравнение темпоральных характеристик одного и того же субъекта в разные временные интервалы, а также синхронические сравнительные исследования темпоральности разных субъектов в один временной интервал.

В условиях кризисности и противоречивости усиливаются поиски не только новых форм адекватного описания ускорения времени и динамики социополитических процессов, но и новые возможности оказания на них влияния. Исследование времени как динамической характеристики современных сложноорганизованных систем и темпоральности как свойства сознания воспринимать, переживать, интерпретировать

динамику изменений общественного бытия являются необходимой составляющей научного инструментария современной методологии политической науки.

Библиографический список / References

1. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомирь: Скорость восприятия и шкалы времени. М., 2008. [Aljushin A.L., Knjazeva E.N. Tempomiry: Skorost vosprijatija i shkaly vremeni [Tempomirs: The speed of perception and time scales]. Moscow, 2008.]
2. Дьячук А.А. Психические структуры, определяющие переживание времени // Молодой ученый. 2009. № 12 (12). С. 334–336. [Djachuk A.A. Mental structures that determine the experience of time. *Molodoy uchenyy*. 2009. No. 12 (12). Pp. 334–336. (In Rus.)]
3. Головашина О.В. Темпоральность в исследованиях социального: конструирование времени и временем // Философия и общество. 2016. № 3. С. 42–56. [Golovashina O.V. Temporality in the research of the social: The construction of time and time. *Philosophy and Society*. 2016. No. 3. Pp. 42–56. (In Rus.)]
4. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31–40. [Gurevich A.Ya. Theory of formations and the reality of history. *Voprosy filosofii*. 1990. No. 11. Pp. 31–40. (In Rus.)]
5. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994. [Husserl E.G.A. Fenomenologija vnutrennego soznaniya vremeni [Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins]. Moscow, 1994.]
6. Дзюба Л.М. Темпоральность в контексте интерпретации трансформирующегося общества: Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 2019. [Dzjuba L.M. Temporalnost v kontekste interpretatsii transformiruyushchegosya obshchestva: Dis. ... kand. filoz. nauk. Rostov-n/D., 2019. [Dzjuba L.M. Temporalnost v kontekste interpretatsii transformiruyushchegosya obshchestva [Temporality in the context of interpreting a transforming society]. PhD dis. Rostov-on-Don, 2019.]
7. Люббе Г. В ногу со временем // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 94–101. [Lubbe H. Im Zug der Zeit. *Voprosy filosofii*. 1994. No. 4. Pp. 94–101. (In Rus.)]
8. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М., 1994. [Ilyin V.V. Panarin A.S. Filosofija politiki [Philosophy of politics]. Moscow, 1994.]
9. Карадже Т.В. Политическое пространство/время: содержание понятий // Вопросы политологии. 2012. № 2 (6). С. 1–20. [Karadzhe T.V. Political space/time: The content of concepts. *Political Science Issues*. 2012. No. 2 (6). Pp. 1–20. (In Rus.)]
10. Морен Э. Образование в будущем: семь неотложных задач / Пер. с фр. Е.Н. Князевой // Синергетическая парадигма. Синергетика образования. М., 2007. С. 26–96. [Morin E. Les Sept savoirs nécessaires à l'éducation du futur. Transl. from French by E.N. Knyazeva. *Sinergeticheskaya paradigma. Sinergetika obrazovaniya*. Moscow, 2007. Pp. 26–96. (In Rus.)]
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. [Parsons T. O structure socialnogo dejstviya [On the structure of social action. Moscow, 2000.]

12. Рошаль В.М. Энциклопедия символов. М.; СПб., 2008. [Roshal V.M. Enciklopediya simvolov [Encyclopedia of symbols]. Moscow, St. Petersburg, 2008].
13. Рябушкина Т.М. Субъективность и темпоральность как условия возможности опыта: отождествление или разграничение? // Философский журнал. 2017. Т. 10. № 4. С. 139–155. [Rjabushkina T.M. Subjectivity and temporality as conditions of the possibility of experience: Identification or differentiation? *Philosophical Journal*. 2017. Vol. 10. No. 4. Pp. 139–155. (In Rus.)]
14. Суворов Н. Флуктуации времени: темпоральность субъективного опыта // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 4 (25). С. 35–40. [Suvorov N. Fluctuations of time: The temporality of subjective experience. *Vestnik of Saint-Petersburg State University of Culture*. 2015. No. 4 (25). Pp. 35–40. (In Rus.)]
15. Юрасов А.А. Время в структуре субъективной реальности: Дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. [Jurasov A.A. Vremya v strukture subektivnoj realnosti [Time in the structure of subjective reality]. PhD Dis. Moscow, 2014.]
16. Хайдеггер М. Понятие времени. М., 2021. [Heidegger M. Ponjatie vremeni [Der Begriff der Zeit]. Moscow, 2021.]
17. Bartolini St. On Time and Comparative Research. *Journal of Theoretical Politics*. 1993. Vol. 5. № 2. Pp. 131–167.
18. Lewis J., Weigart A. The structures and meanings of social time. *Social Forces*. 1981. Vol. 60. No. 2. Pp. 432–462.
19. Maturana H., Varela F. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Dordrecht, 1980.
20. Schutz A., Gurwitsch A. Philosophers in exile: The correspondence of Alfred Schutz and Aron Gurwitsch, 1939–1959. Bloomington, 1989.
21. Schutz A., Luckmann T. The Structures of the life-world. Vol. I. Evanston, IL, 1973.

Статья поступила в редакцию 16.04.2022, принята к публикации 06.05.2022
The article was received on 16.04.2022, accepted for publication 06.05.2022

Сведения об авторе/ About the author

Карадже Татьяна Васильевна – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Tatyana V. Karadzhe – Dr. Hab. (Philosophy); Head at the Department of Political Science of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University, Russian Federation

E-mail: karadzhe@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-144-158

Ю.А. Пустовойт, В.С. Пель, С.М. Коба

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 630102 г. Новосибирск, Российская Федерация

Теории поколений о факторах социально-политической динамики. Реконструкция теоретического поля

Проблема смены руководителей и лидеров в ключевых экономических и политических институтах, получение определенных социальных позиций возрастным эшелонам, не имеющим советского опыта социализации, – одна из самых обсуждаемых в современном публицистическом и научном дискурсе тем. Материал содержит обзор наиболее влиятельных теоретических подходов к изучению поколений, выделен гипотетический комплекс факторов, обуславливающих формирование специфических поведенческих характеристик различных возрастных когорт, и намечены перспективы дальнейших эмпирических исследований. Выделены и рассмотрены относительно самостоятельные (с собственной методологией и методами, но пересекающиеся по некоторым позициям), научные подходы: культурно-эволюционная теория (Р. Инглхард, К. Вельцель); теория поколенческих архетипов (У. Штраус и Н. Хоу и др.); теории, делающие акцент на процессах социализации и воспитания (М. Мид, Дж. Твенге и др.); теории влияния развития цифровых технологий и сетевых форм коммуникации (Дж. Твенге, Д. Тапскотт и др.). Приведены некоторые выводы американских исследователей экономики, показывающих влияние поколенческих характеристик на корпоративные стандарты и рынок потребления. Российский

© Пустовойт Ю.А., Пель В.С., Коба С.М., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

корпус исследований представлен обзором работ начала 2000-х гг., где в центре внимания было воспроизводство архетипических черт «советского человека» в новых условиях (Ю. Левада), смена ценностных ориентаций молодежи (М. Горшков, Ф. Шереги, М. Яницкий и др.), ситуация межпоколенного разлома как следствие социального сдвига «нулевых» (В. Радаев). На основе анализа авторы делают вывод о наиболее вероятных изменениях в характеристиках молодых поколений в сфере эмоциональных проявлений, рациональных установок, группового поведения и предлагают схему дальнейших эмпирических исследований.

Ключевые слова: поколения, теория поколений, бумеры, миллениалы, ценности самореализации, социальные сети, лидерство, цифровое поколение

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Сибирского института управления – филиала РАНХиГС в рамках научного проекта «Семья и дело. Образы семьи, дружбы и работы в жизненных стратегиях советских и постсоветских поколений сибирского мегаполиса»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пустовойт Ю.А., Пель В.С., Коба С.М. Теории поколений о факторах социально-политической динамики. Реконструкция теоретического поля // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2022. Т. 13. № 2. С. 144–158. DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-144-158

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-144-158

Yu.A. Pustovoyt, V.C. Pel, S.M. Koba

Siberian Institute of Management – Branch of RANEPА,
Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Generational theories about the factors of socio-political dynamics. Reconstruction of the theoretical field

One of the most discussed topics in modern public and scientific discourse is the problem of replacing directors and leaders, obtaining certain social positions by the age-related echelon, which has no Soviet experience of socialization. The material provides an overview of the most influential theoretical approaches to the study of generations. The hypothetical set

of factors that formation of specific behavioral characteristics of different age cohorts are identified and areas for future empirical research are indicated. There are relatively independent (with their own methodology and methods, but overlapping in some positions) scientific approaches: cultural evolutionary theory (R. Inglehard, K. Welzel); theory of generational archetypes (W. Strauss and N. Howe and others); theories, emphasizing the processes of socialization and upbringing (M. Mead, J. Twenge); theories of the influence of the development of digital technologies and network forms of communication (J. Twenge, D. Tapscott, etc.). Some conclusions of American economic researchers showing the influence of generational characteristics on corporate standards and the consumer market are provided. The Russian Research Corps are represented by a review of works from early 2000, where the focus was on the reproduction of archetypal features of the "Soviet man" under new conditions (Yu. Levada), the change of value orientations of young people (M. Gorshkov, F. Sheregi, M. Yanitsky, etc.), the situation of inter-generation fault line as a consequence of the social dislocation of "zeros" (V. Radaev). Based on the analysis, the authors conclude that the most likely changes in the characteristics of young generations in the sphere of emotional manifestations, rational attitudes, group behavior and they propose a scheme of further empirical research.

Key words: generations, generation theory, boomers, millennials, self-actualization values, social networks, leadership, narcissism, digital generation

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Siberian Institute of Management – Branch of RANEPА within the framework of the research project "Family and business. Images of family, friendship and work in the life strategies of the Soviet and post-Soviet generations of the Siberian metropolis"

FOR CITATION: Pustovoyt Yu.A., Pel V.C., Koba S.M. Generational theories about the factors of socio-political dynamics. Reconstruction of the theoretical field. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2022. Vol. 13. No. 2. Pp. 144–158. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-144-158

В 2000 г. американские исследователи У. Штраус (W. Strauss) и Н. Хой (N. Howe) опубликовали пропитанную пафосом, оптимизмом и воодушевляющими перспективами книгу «Восхождение поколения миллениума: следующее Великое поколение» (Millennials rising: The next Great Generation) [26]. В ней, на основе сформулированных ранее положений теории и смены поколенческих циклов, подразумевающих регулярную смену сформированных в молодости, распространенных среди сверстников ценностных ориентаций и поведенческих

паттернов (архетипов), утверждалось, что достигшие в 2000 г. совершеннолетия принесут в американскую жизнь оптимизм и активную жизненную позицию. Новое «Великое поколение», как и то, которое победило в войне, но более толерантное, менее жестокое и не озабоченное сексуальными проблемами, создаст ту Америку, которая станет лидером в решении глобальных проблем. Миллениалы – не «продолжение» родителей, а принципиально новое поколение, ведущее здоровый, экологичный образ жизни и ориентированное на семейные ценности.

В целом, в русле этого теоретического направления, несмотря на дискуссии по отдельным проблемам, сложился некоторый консенсус. Начиная с К. Мангейма, который ввел в научный дискурс категорию «поколение» [9, с. 40–41], сторонники подхода выделяют три критерия границ поколения: возрастные рамки, единые верования, ощущение причастности к своей возрастной когорте. Динамика и характеристики наиболее рельефно проявляются, когда речь идет о ценностях и поведенческих паттернах городского среднего класса, формирование характеристик поколения зависит от состояния институтов и выбора личных жизненных стратегий в момент юношеской социализации (18–25 лет), границы когорты обычно определяются 20 годами.

Выводы и модели Хоу и Штрауса опираются на идею цикличности поколений: полный оборот занимает около 80 лет и отмечен двумя противоположными полюсами: кризисом, в момент которого формируются ценности консенсуса, сильных институтов, идеалов самопожертвования, и подъёмом, где главным становится этика самореализации и индивидуализм, что выражается в требованиях смены ригидных норм. Причиной циклов выступает потребность молодого поколения «детей» исправить ошибки «отцов» [32; 33].

Идея циклов и характеристик, вытекающих из возраста, вызвала определенный энтузиазм, и в этом же духе был написан ряд работ-манифестов и комплекс эмпирических исследований, которые можно объединить общим тэгом «Новые надежды». В целом, здесь обосновывается и описывается модель поведения молодежи как «героя», чья главная миссия – объединение во имя создания новых институтов, на которого возлагается решение проблем бедности, войн и разрушения окружающей среды. Например, наиболее цитируемая работа о молодежных политических объединениях Р. Милкман (R. Milkman) содержит близкие выводы о политических активистах, «цифровых аборигенах», которые, несмотря на различия в социальных позициях, стратегии и тактике политических действий, ориентированы на социальные изменения в области «выравнивания» классовых, половых и расовых различий, что объединяет их с левыми идеями начала XX в. [30].

В этой канве стоит остановиться на работах и выводах, выполненных организаторами «Российской школы теории поколений» (авторы: В. Никонов и Е. Шамис). Авторы предполагают, что скорее миллениалам, а не предыдущему поколению X старшее поколение «бэби-бумеров» передаст власть¹. Качественный обзор современных работ по поколениям сделан фондом «Петербургская политика». Авторы доклада находят у российских миллениалов как универсальные черты, так и специфически российские характеристики. Вместе с некоторыми универсальными тенденциями: визуализацией, шерингом, отсутствием образа будущего, маркеров «свой-чужой», отказом от упорного труда, отождествлением счастья и успеха, жадной самопризнания, российские миллениалы имеют более низкие стартовые навыки по сравнению с американскими сверстниками, что, по мнению авторов доклада, превратит их скорее в жертв автоматизации, чем ее бенефициаров².

Насколько предлагаемые американскими авторами подходы могут быть использованы для анализа российских реалий? Мнения расходятся, вместе с некоторой адаптацией классических теоретических положений, ряд исследователей отрицают саму возможность такого «механического» переноса. Например, Н.П. Попов в статье, посвященной сопоставлению характеристик и исследований российских и американских поколений, отмечает значимость «культурного кода» нации, сформированных на ее основе традиций и принципов организации общественной жизни. Для США это либеральная демократия и расовое неравенство, для России – авторитаризм, как элемент не только политической практики, но и массового сознания [11].

Смена ценностей как результат замещения идеалов одного поколения другим в иной оптике предложил американский ученый Р. Инглхарт, который выделил и обосновал единую универсальную тенденцию культурной эволюции – замена ценностей выживания на ценности самореализации. Он отметил, что в условиях нехватки ресурсов авторитаризм и ксенофобия имеют практический смысл, но после Второй мировой войны экономический рост приводит к благополучной ситуации и построению жизненных стратегий, основанных на планах индивидуальной самореализации. Таким образом, произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, подчеркивающим

¹ RuGenerations – российская школа Теории поколений. URL: <https://rugenations.ru/> (дата обращения: 12.03.2022).

² Поколение Y и поколение Z в поиске собственных мест под солнцем. Обзор основных исследовательских выводов и гипотез об особенностях, ценностях и жизненных стратегиях молодежи. Фонд «Петербургская политика». 2017. URL: https://www.fpp.spb.ru/sites/fpp.spb.ru/files/pokoleniya_xyz.pdf (дата обращения: 12.03.2022).

гендерное равенство, толерантность к аутгруппам и гомосексуалам, свободу самовыражения и индивидуальное принятие решений в экономической и политической сферах. Этот сдвиг является результатом межпоколенного замещения, когда более молодые когорты в юности воспринимают выживание как должное и ориентируются уже на нормы, основанные на индивидуальной самореализации, а став взрослыми и получив соответствующее политическое и экономическое влияние, они начинают институализировать новую систему норм. Исследования по единой методике (Всемирное исследование ценностей, WVS), проводимое с 1981 г. более чем в 100 странах мира, позволили картографировать культуры по шкалам выживание/самовыражение и религиозность/секулярность. Изменения в системе ценностей происходят с высокой вероятностью, но эти изменения нелинейны. В бедных и развивающихся странах отношения материалистов и постматериалистов составляет 55 : 1 [3, с. 96].

Рассматривая ситуацию в России, Инглхарт отмечает, что в 1991 г. наблюдался серьезный сдвиг в отношении ценностей постматериализма, но в результате реформ 1990-х гг. большинство населения вернулось к ценностям выживания. Соотношения материалистов к постматериалистам, по данным 2008–2012 гг., в России 28 : 1, для сравнения в США постматериалисты к материалистам относятся как 2 : 1, в Швеции – 5 : 1 [Там же]. Перспективы российской элиты рассматриваются им в таком же «консервативном» ключе. Смена поколений в российской элите вряд ли приведет к значительной либерализации и демократизации режима, утверждал он в 2013 г.³

В теории М. Мид мир современных быстрых изменений, включения новых технологий требует формирования установок, позволяющих жить в согласии, прежде всего, с этими инновационными комплексами, а не с согласием со старшим поколением относительно критериев доброго, красивого и справедливого. И так как эти изменения всеобъемлющие, то, соответственно, сверстники во всем мире будут иметь больше сходств, чем различий⁴. Эти положения подтверждает материал, приведенный в статье Ю.В. Лукиной. Миллениалы в мире имеют схожие взгляды и ценности, но из этого достаточно многочисленного поколения (80 млн в США) треть страдает нарциссизмом (статистика Института здравоохранения США). «Все они изобретают свой словарь, спокойны,

³ Приводится по: Российская элита-2020. Аналитический доклад грантополучателя Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/fvctzlmuhq/direct/117034469.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).

⁴ Мид М. Культура и преемственность. URL: <http://www.uic.unn.ru/pustyn/lib/mid.ru.html> (дата обращения: 12.03.2022).

позитивны, экономичны, но одинаковы в разных странах в своем образе жизни. Они добры и виртуально открыты, но предпочитают общение в телефоне с рядом сидящим другом только потому, что не желают расходовать свой энергетический запас, чтобы передать свои чувства, контактировать и вести полноценный разговор на своем языке» [8].

В том же ключе находятся итоги работ Дж.М. Твенге, американского психолога, сделавшего свои выводы на основе вторичного анализа масштабных ежегодных опросов молодежи, проводимых в США (General Social Survey). Здесь она существенно расходится с «оптимизмом» Хуи и Штраусса о «следующем великом поколении». По ее оценкам, американская молодежь не только практически не вовлечена в общественную жизнь, но и не нуждается в каком-то социальном одобрении и совсем не озабочена тем впечатлением, которое производит на окружающих. Им совершенно не важно, считают ли их хорошими людьми окружающие, им важно собственное «Я». Отсюда – многочисленные селфи и стремление к тиражированию популярности любой ценой, стремление к разнообразию и рост депрессии как реакции на невозможность успеть всегда и везде [17; 18].

Те же самые тенденции, но оцениваемые с другим знаком и в другой перспективе, рассмотрены канадским ученым Д. Тапскоттом. В своих работах он утверждает доминирование нового сетевого поколения, чьи принципы массового сотрудничества изменят привычный мир бизнес-технологий, что приведет к неизбежной трансформации традиционных социальных институтов. Образование должно быть изменено от трансляции знаний к интерактивной совместной деятельности, работодатели должны не формировать преданность работника, а обеспечивать рынок фрилансеров интересными (материально и содержательно) заказами. Гражданская позиция для сетевого поколения – не участие в массовых мероприятиях, а использование фото и видео для формирования общественного мнения по поводу тех или иных событий, что, по его мнению, и меняет социальный мир, делая его лучше [16].

Эмпирические данные пока не подтверждают массовые изменения благодаря «сети и цифре». В работе авторитетных российских исследователей социальных аспектов сетевого взаимодействия приведены данные о том, что понятие «цифровое поколение», где в качестве базового критерия рассматривается год рождения, уже утратило эвристическую ценность. В центре внимания авторов находились проблемы цифрового гражданства молодых российских пользователей, их гражданская мобилизация и протестное поведение. Авторы приходят к выводу, что более высокий протестный потенциал по сравнению с предыдущими поколениями не является именно поколенческой характеристикой, скорее,

формируется в условиях конкретной цифровой среды, отражая социокультурные реалии [1].

В России всплеск интереса к работам, выполненным в русле «теории поколений», обусловлен двумя ведущими социально-политическими трендами: сменой поколений во всех эшелонах власти в течение ближайших 10–20 лет и заметным увеличением юношества в протестных мероприятиях. Здесь, с одной стороны, можно выделить концепцию «поколенческого разлома», сформулированную В. Радаевым, которая акцентирует внимание на социальном переломе 2000-х гг., когда в условиях относительного благополучия появилось множество альтернатив выбора собственного образа жизни, что и стало главной проблемой для самоопределения [12, с. 28].

Другой взгляд на эту проблему был высказан Л. Гудковым, обобщившим основные идеи Ю. Левады, пессимистично рассматривающего шансы современной России на модернизацию. Причина, по его мнению, заключается в том, что все проекты модернизации (тоталитарный проект лишь один из них) инициировались вертикальными, осевыми конструирующими общество институтами. Периферийное, закрытое общество, объединяемое вертикальными институтами власти, которые, по сути, не изменились, не имеет шансов на модернизацию [6, с. 41]. Определенный скепсис высказан по поводу молодежи: «Это не новая молодежь, а всего лишь моложавая смена старой бюрократии, наследующая все черты и пороки своих предшественников. Они не обновляют обветшалые механизмы аппаратов управления, образования, науки и т.д., а встраиваются в них» [5, с. 684]. В другой работе он еще раз подчеркивает идею о том, что в условиях закрытой вертикально-интегрированной институциональной структуры, где нет постепенной преемственности и обновления власти, возникает проблема «беспамятства» лишенных исторической памяти молодых прагматиков на ключевых позициях [7, с. 58–59].

В статье В.В. Семеновой приведены итоги опросов, построенных на возрастных саморепрезентациях поколений: околвоенное (1950–1960 г., отмеченные как период молодежной реализации), доперестроечное (1960–1980), поколение переходного периода («разочарованные приспособленцы», 1990–2000 г.), послеперестроечное («гедонисты и пофигисты», 2000–2010 г.) Содержательное сходство поколений выражается в том, что каждое из них позиционирует свое положение как жертвы социальных процессов («жертв войны», «жертв режима», «жертв перестройки»). Это состояние жертвенности автор увязывает с архетипическими национальными чертами русского народа, отмеченными, например в работах К. Касьяновой, где терпение, страдание,

смирение – главный объект внутренней работы, без которого нет личности и нет социального уважения [14, с. 90].

В современных российских работах выделяются и различаются три типа поколенческих моделей ценностей, норм и поведения со своими специфическими особенностями.

«Шестидесятники». Обычно речь идет о тех, чья юность приходилась на годы политической «оттепели». В. Воронков отмечает, что здесь главным выступает возможность выбора жизненных перспектив как следствие смягчения репрессий, увеличения степени открытости общества, появление физического пространства приватности [2, с. 196].

«Семидесятники». Те, чья молодость пришлась на «застой» с его формальной ритуальной политизированностью, отказом от какой-либо внутриэлитной конкуренции и расширением специфических коррупционных практик управления (блат). Например, А. Юрчак, Д. Травин, В. Гельман отмечают смену доминирующих установок [19; 20; 21]. Поколение, рожденное с середины 1950-х гг., ценит ритуалы правильного оформления комсомольской отчетности и формулирует установки «делать дело и деньги», тихо игнорируя идеи всеобщего блага и коммунизма.

«Миллениалы». Молодежь, родившиеся в середине 1980-х гг. Радаев выделяет главную проблему этого поколения – изобилие возможностей и страх ошибки [12, с. 161].

Исследование ценностей современной молодежи группой под руководством М. Яницкого, с одной стороны, содержит вывод о «мировозренческом разрыве» с предыдущим поколением, что выражается в приоритете ценностей самостоятельности и успеха над ценностью традиций, с другой – подчеркивает разность в скорости этих изменений в зависимости от особенностей социализации в социокультурной среде [22]. Ряд исследователей считают, что экзистенциальный кризис и кризис гражданской идентичности происходит вследствие утраты идентификационного единства страны и предлагают некоторые меры для решения проблем общественного развития [4; 10; 13]. Эти тенденции подтверждаются итогами регулярных опросов проводимых авторитетными центрами опросов общественного мнения (ВЦИОМ, Институт социологии РАН, Фонд Общественное мнение)⁵.

⁵ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации / Горшков М.К., Андреев А.Л., Аникин В.А. и др. М., 2007; В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/sobytie/v-rossii-vyroslo-teplichnoe-pokolenie-molodykh-patriotov> (дата обращения: 21.03.2022); О молодежи: возрастные границы, ценности, особенности. Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11748> (дата обращения: 21.03.2022).

Рассмотрение проблем поведения работника и объемов его потребления в оптике экономического анализа практически не представлено в отечественной науке, если не считать нескольких статей, где изложены принципы работы с различными поколениями и их характеристики как потребителей товаров и услуг. В США, напротив, большая часть исследований касалась специфики образа жизни миллениалов (отказ от путешествий), его экономического благополучия (распределения доходов), состояния рынка автомобильной промышленности [29] и процесса повышенного контроля родителей «бумеров» к включению в трудовой процесс их детей (вертолетное воспитание) [25]. Молодые люди реже получают водительские права и меньше перемещаются на автомобиле вследствие приверженности домашнему образу жизни («поколение, никуда не идущее») [29]. Близкая в локусе этих проблем работа более оптимистична, и ее авторы аргументировано предполагают, что молодые поколения демонстрируют старые активные стратегии, но с задержкой жизненного цикла. Получение образования, брак, заведение детей – эти значимые события смещены на более поздний возраст [24]. Другие авторы видят причину уменьшения пользования машинами в экономической зависимости «поколения смартфона», их более низкого экономического статуса, чем у родителей в этом же возрасте [27].

Другое направление работ исследований различий между представителями разных поколений сосредоточено на процессе их включения в трудовую деятельность. Рассматриваются проблемы выгорания на работе, которое старшие возрастные группы переживают более тяжело, т.к. потеря профессиональных достижений рассматривается ими как личная трагедия [28]. Напротив, молодые, вследствие присутствующего им нарциссизма, который связан с высокой самооценкой, реагируют на рабочие трудности с большим гневом и агрессией. Если для «беби-бумеров» «быть на работе» – значимый компонент личной жизни и после выхода на пенсию они нередко ищут вторую работу [23], то, похоже, общая тенденция «поколения нулевых» даже в восточных странах – конструирование жизни вокруг собственного «Я» [31].

Изменение стиля потребления рассмотрено в статье М. Соколова, обратившего внимание на то, что образ потребления молодых поколений в России ближе к стандартам потребления высших классов [15].

В целом, попавший в поле нашего внимания массив исследовательских текстов позволяет сделать следующие выводы.

1. Изучение проблем современного российского общества в оптике смены поколений – вполне состоятельное и перспективное направление. Здесь есть свои проблемные зоны (определение границ поколений, операционализация основных характеристик, сложности с получением

количественных данных), но есть результаты, имеющие высокую прогностическую ценность.

2. Технологии, экономические, политические и демографические условия определяют предшествующий культурный тренд и институциональную структуру, стимулирующую или блокирующую развитие творческих способностей индивидов, входящих в одно поколение. Эта потребность в самовыражении может быть выражена как в конструктивной (солидарность и совместная деятельность), так и деструктивной (нарциссизм и агрессивность) формах поведения.

3. Поколение миллениалов, в целом, по нескольким характеристикам значительно отличается от предыдущих. Эти расхождения вызваны:

- относительно благоприятной и благополучной послевоенной мировой экономической и политической ситуацией;
- демографическими процессами (общая тенденция – уменьшение размера семьи);
- сменой моделей родительского поведения (больше внимание к интересам ребенка, связанное с ростом уровня образования родителей, гуманизация воспитания, повышение самооценки детей, внимание к потребностям ребенка);
- расширением доступа к сетевым формам общения и сообществам (побочное следствие бытовой компьютеризации и появления персональных компьютеров в домохозяйствах).

Поколения отличаются, но есть предшествующие культурные и институциональные тренды и традиции, общий язык, близкое школьное образование, семейные истории и т.д. Коммуникация – обоюдный процесс, всегда требующий усилий и тем более в современном сложном мире разнообразия потребностей, норм, стилей жизни.

4. Эмоциональная сфера, судя по рассмотренным работам, может быть охарактеризована как преобладание положительных эмоций. Вероятнее всего, это следствие более высокой самооценки и самовосприятия, возможность оградить себя от людей и информации, их снижающих. Толерантность, терпимость, доброта, принятие – такими словами обычно характеризуют эмоциональную сферу исследователи, добавляя к этому самолюбование, поверхностность контактов, нарциссизм, внутреннюю тревогу.

5. В рациональной сфере, в принятии решений, судя по исследовательским материалам, преобладают прагматические, целерациональные критерии. Как уже неоднократно отмечалось, расширение возможностей и тревога по поводу ошибки усиливается, и выбор идет по наиболее «выгодной» (максимум наград, минимум затрат) модели поведения.

6. Юношеская социализация поколения российских миллениалов проходила в современной России в условиях относительного благополучия, беспрецедентного роста цифровых технологий, социальных сетей и авторитарных институтов.

7. Умеет «любить, дружить и работать» – так, в самом общем виде, сформулировал А. Адлер основные признаки психологически здоровой личности. Видят ли молодые люди свои семьи менее авторитарными? Насколько они способны доверять другим людям или доверие распространятся только на близких? Что для них означает работа: долг, профессиональное призвание, средство для заработков?

Пока мы видим, и отчасти подтвердили теоретические выкладки некоторыми итогами проведенных фокус-групп с представителями разных поколений, что в отношении значимости семьи и дружбы образы советских и постсоветских поколений скорее совпадают, чем различаются. Различия резче всего проявляются в отношении построения карьеры и работы. Для молодежи главным при ее выборе является удовольствие и успех, для старших смысл профессиональной деятельности описывается категориями смысла жизни и долга. Отметим некоторую общую тенденцию изменения значимых образов постсоветских поколений, совпадающую с мировыми трендами (самовыражение, релятивизм ценностей, расширение коммуникационного пространства), что, возможно, говорит о закономерной культурной эволюции в рамках модели Инглхардта.

Библиографический список

1. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01 [Brodovskaya E.V., Huang T. Digital generation: Civil mobilization and political protest among Russian youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 5. Pp. 3–18. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.01 (In Rus.)]
2. Воронков В.М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 168–200. [Voronkov V.M. The project of the “sixties”: The protest movement in the USSR. *Отцы и дети: pokolencheskii analiz s ovremennoi Rossii*. Moscow, 2005. Pp. 168–200. (In Rus.)]
3. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2020. [Inglehart R. *Kulturnaya evolyutsiya. Kak izmenyayutsya chelovecheskie motivatsii i kak eto menyaet mir* [Cultural Evolution: How people’s motivations are changing and how this is changing the World]. Moscow, 2020.]
4. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Молодежь России: кризис гражданской принадлежности // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2018. № 1.

- C. 140–151. [Koryakovtseva O.A., Bugaychuk T.V. Youth of Russia: Crisis of civil identity. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2018. No. 1. Pp. 141–151. (In Rus.)]
5. Левада Ю. Время перемен: Предмет и позиция исследователя. М., 2016. [Levada Yu. Vremya peremen: Predmet i pozitsiya issledovatelya [Time for Change: The subject and the researcher's position]. Moscow, 2016.]
 6. Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005. М., 2020. [Levada Yu. Ishchem cheloveka: Sotsiologicheskie ocherki. 2000–2005. [Looking for a Man: Sociological essays. 2000–2005]. Moscow, 2020.]
 7. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 39–61. [Levada Yu.A. Generations of the 20th century: Possibilities of study. *Otcy i deti: pokolencheskii analiz s ovremennoi Rossii*. Moscow, 2005. Pp. 39–61. (In Rus.)]
 8. Лукина Ю.В. Миллениалы, их характер, особый словарь и влияние на бизнес по всему миру // Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы исследования и проблемы преподавания. М., 2019. С. 164–183. [Lukina Yu.V. Millennials, their character, specific vocabulary, and impact on business around the world. *Yazyk. Kultura. Obshchestvo. Aktualnye voprosy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya*. Moscow, 2019. Pp. 164–183. (In Rus.)]
 9. Мангейм К. Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 2 (30). С. 7–47. [Mannheim K. Generational problem. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1998. No. 2 (30). Pp. 7–47. (In Rus.)]
 10. Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности / Сост. и науч. ред. Е.Л. Омельченко. М., 2020. [Molodezh v gorode: kultura, stseny i solidarnosti [Youth in the city: Culture, scenes, and solidarity]. E.L. Omelchenko (ed.). Moscow, 2020.]
 11. Попов Н.П. Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 309–323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15 [Popov N.P. Russian and American generations of the 20th century: Where did the millennials come from? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. No. 4. Pp. 309–323. DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.15 (In Rus.)]
 12. Радаев В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М., 2019. [Radaev V. Millenialy. Kak menjaetsja rossijskoe obshhestvo [Millennials. How Russian society is changing]. Moscow, 2019.]
 13. Ростовская Т.К., Соколовская С.А. Роль принципа поликультурности в управлении процессом патриотического воспитания молодежи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 3. С. 100–108. [Rostovskaya T.K., Sokolovskaya S.A. The role of the principle of multiculturalism in managing the process of patriotic education of youth. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2017. No. 3. Pp. 100–108. (In Rus.)]
 14. Семенова В.В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М., 2005. С. 80–107. [Semenova V.V. Modern concepts and empirical approaches to the concept of generation in sociology. *A Generational Analysis of Contemporary Russia. Otcy i deti: pokolencheskii analiz s ovremennoi Rossii*. Moscow. 2005. Pp. 80–107. (In Rus.)]

15. Соколов М.М. Поколения вместо классов? Возраст и потребительская революция в России // Социология власти. 2019. Т. 31. № 1. С. 71–91. [Sokolov M.M. Generations instead of classes? Age and consumer revolution in Russia. *Sociology of Power*. 2019. Vol. 31. No. 1. Pp. 71–91. (In Rus.)]
16. Тапскотт Д., Уильямс Э. Викиномика: как массовое сотрудничество изменяет все. М., 2009. [Tapskott D., Williams A. *Vikinomika: kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse* [Macrowikinomics: Reboting business and the world]. Moscow, 2009.]
17. Твенге Дж. Поколение I. М., 2019. [Tvenge J. *Pokolenie I* [Generation I]. Moscow, 2019.]
18. Твенге Дж. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М., 2020. [Tvenge J. *Pokolenie selfi. Kto takie millennialy i kak najti s nimiobshchiy yazyk* [The selfie generation. Who millennials are and how to find common ground with them]. Moscow, 2020.]
19. Травин Д. Семидесятнугые – анализ поколения. СПб., 2011. [Travin D. *Semidesyatnugye – analiz pokoleniya* [The Seventies – generation analysis]. St. Petersburg, 2011.]
20. Травин Д., Гельман В. «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектории реформ // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2013. № 4. С. 14–38. [Travin D., Gelman V. “The Curves” of Russian modernization: Generational changes and trajectories of reform. *Neprikosnovennyu zapas. Debaty o politike i kulture*. 2013. No. 4. Pp. 14–38. (In Rus.)]
21. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016. [Yurchak A. *Eto bylo navsegda, пока не konchilos. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it ended. The last Soviet generation]. Moscow, 2016.]
22. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты / Яницкий М.С. и др. // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. [Yanitskiy M.S. et al. The system of value orientations of “Generation Z”: Social, cultural and demographic determinants. *Siberian Journal of Psychology*. 2019. No. 72. Pp. 46–67. (In Rus.)]
23. Boyle P.A. The second act: Seeking best practices for encore worker management. *The Gerontologist*. 2020. Vol. 60. No. 6. Pp. 466–476.
24. Garikapati V.M. et al. Activity patterns, time use, and travel of millennials: A generation in transition? *Transport Reviews*. 2016. Vol. 36. No. 5. Pp. 558–584.
25. Howe N., Strauss W. Helicopter parents in the workplace. *Syndicated Research Project, Genera*. 2007. Pp. 1–16.
26. Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. Vintage, 2000.
27. Klein N.J., Smart M.J. Millennials and car ownership: Less money, fewer cars. *Transport Policy*. 2017. Vol. 53. Pp. 20–29.
28. Lu A.C.C., Gursoy D. Impact of job burnout on satisfaction and turnover intention: Do generational differences matter? *Journal of Hospitality & Tourism Research*. 2016. Vol. 40. No. 2. Pp. 210–235.
29. McDonald N.C. Are millennials really the “go-nowhere” generation? *Journal of the American Planning Association*. 2015. Vol. 81. No 2. Pp. 90–103.

30. Milkman R. A new political generation: Millennials and the post-2008 wave of protest. *American Sociological Review*. 2017. Vol. 82. No. 1. Pp. 1–31.
31. Moore R.L. Generation ku: Individualism and China's millennial youth. *Ethnology*. 2005. Pp. 357–376.
32. Strauss W., Howe N. *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York, 1991.
33. Strauss W., Howe N. *The fourth turning: What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. Crown, 2009.

Статья поступила в редакцию 21.02.2022, принята к публикации 23.03.2022

The article was received on 21.02.2022, accepted for publication 23.03.2022

Сведения об авторах / About the authors

Пустовойт Юрий Александрович – кандидат политических наук, доцент; ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения проблем современной молодежи», Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск

Yuri A. Pustovoyt – PhD in Political science; Leading Researcher at the Research Laboratory “Center for the Study of Problems of Modern Youth”, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: pustovoyt1963@gmail.com

Пель Валентина Степановна – кандидат педагогических наук, доцент; руководитель научно-исследовательской лаборатории «Центр изучения проблем современной молодежи», Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск

Valentina S. Pel – PhD in Pedagogy; Head at the Research Laboratory “Center for Studying the Problems of Modern Youth”, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: pel-vs@ranepa.ru

Коба Сергей Михайлович – ведущий специалист научно-организационного отдела, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Новосибирск

Sergey M. Koba – leading specialist at the Scientific-organizational Department, Siberian Institute of Management – Branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

E-mail: koba-sm@ranepa.ru

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи
All authors have read and approved the final manuscript

DOI: 10.31862/2500-2988-2022-13-2-159-162

В.Э. Молодяков

Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

Восстановление исторической справедливости.

Рецензия на книгу: Бурлаков А.Н.
Петэн. Последний великий француз. СПб., 2022

Словосочетание, вынесенное в заголовок рецензии, многим покажется банальным клише, затертым от бесконечного употребления. Однако именно оно с максимальной точностью определяет книгу А.Н. Бурлакова «Петэн. Последний великий француз» – настоящий прорыв в российской историографии.

Маршал Филипп Петэн (1856–1951), главнокомандующий французской армией в 1917–1918 гг. и глава Французского государства, известного как «режим Виши», в 1940–1944 гг., – одна из ключевых фигур европейской истории первой половины XX в. и одна из самых оболганных. Первым упреком, который предъявят А.Н. Бурлакову оппоненты, будет «апологетика Петэна». Автор не скрывает уважения и симпатии к герою, но руководствуется принципом «не судить, а понять» М. Блока, которого называет своим любимым историком и которого в «петэнизме» не заподозрить. На страницах книги Петэн предстает не таким, каким изображала его голлистская и коммунистическая пропаганда, а вслед за ней официальная историография Франции и других стран, включая Россию. С оценками и выводами автора легко не соглашаться. Гораздо труднее оспорить его доказательную базу.

© Молодяков В.Э., 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Образ Петэна как «пораженца» и «отсталого консерватора» в военном деле, «предателя» и «коллорациониста» в политике настолько укрепился, точнее, был вбит в историческое сознание многих поколений во многих странах, что любое другое представление о нем кажется немислимым. Дескать, историки доказали... Тут начинается самое важное. Да, исторических работ, порой весьма качественных, проникнутых отрицательным отношением к Петэну, очень много – они заполнили всю не-франкоязычную историографию. На французском языке антипетэновских текстов тоже очень много, но наряду с немногочисленными апологетическими есть и труды, проникнутые все те же стремлением «не судить, а понять». На иностранные языки их обычно не переводят, поэтому без знания французского – языка не только исследований, но и источников! – адекватного представления ни о Петэне, ни о режиме Виши не составить. Книга А.Н. Бурлакова дает такую возможность русскоязычному читателю, и в этом ее ценность. Она не закрывает, а лишь открывает тему, но делает это качественно, на фундаментальной исторической базе и с подлинно историчным подходом к прошлому.

Не буду распространяться о достоинствах книги, ибо получится «разговор о вкусе коньяка», – ее надо прочитать! Она переворачивает наши представления о ключевых событиях и фигурах истории Франции первой половины XX в., причем делает это научно и аргументированно, а потому стала событием в историографии, которое я сравню с книгой М.А. Девлин о Невилле Чемберлене – еще одной оболганной фигуре (издана в 2019 г. в серии «Жизнь замечательных людей»). Перейду к тому, что в книге А.Н. Бурлакова представляется мне спорным или недоговоренным и что автор, возможно, исправит или уточнит при переиздании.

Назначение Петэна послом в Испанию в марте 1939 г. автор называет то «данью уважения» (с. 71), то «почетной ссылкой» (с. 115) и почти не уделяет внимания его работе на этой должности, что неплохо описано во французской историографии. Обе характеристики представляются неточными. В назначении маршала послом к только что признанному режиму Франко особого почета не было – вот если бы в США, к другу Першингу! – зато трудности оно сулило немалые. К официальному Парижу, который в годы гражданской войны поддерживал республиканцев, каудильо был настроен крайне отрицательно, и отношения между странами находились в точке замерзания. Растопить лед мог только человек исключительного престижа, лично известный ему и популярный в Испании. Петэн был единственной подходящей фигурой. «Сослать» маршала не могли, заставить принять назначение – тоже. Сблзнить? Но чем? Только призывом послужить Отечеству в трудную минуту. В июне 1940 г. ситуация повторилась.

Характеризуя в части третьей настроения французского политикума и общества в межвоенный период, А.Н. Бурлаков делает акцент на пацифизме, который ослабил боевой дух нации и лишил ее воли к сопротивлению в начавшейся войне. Это верно, но картина получилась односторонняя. Во-первых, на протяжении всех этих лет последовательную и шумную кампанию за перевооружение Франции и за максимально жесткую политику в отношении Германии вели радикальные националисты и монархисты из движения «Action française» во главе с Ш. Моррасом, недовольные Версальским договором как чрезмерно мягким. Считая Германию «наследственным врагом» Франции, они выступали против ее единства вне зависимости от режима. Во-вторых, столь же шумную «антифашистскую» кампанию вели французские «левые» во время итальянской агрессии в Эфиопии и гражданской войны в Испании, призывая к идеологически мотивированной войне «демократий» против «фашизма». В эту кампанию также включились политические эмигранты из Италии и Германии. В-третьих, в годы перед началом войны беллицистскую пропаганду вела группа правоцентристских политиков во главе с Ж. Манделем и П. Рейно. «Action française» выступало против идеологически мотивированного конфликта с Германией и особенно с Италией, указывая на неподготовленность Франции к войне. Замечу, что характеристика автором Мюнхенского соглашения 1938 г. как «сговора» (с. 78) после работ М.А. Девлин представляется неисторичной по сути и неудачной по выбору выражения. Более точной и дифференцированной оценки требует военная политика предвоенных правительств в свете исследования А.А. Вершинина и Н.Н. Наумовой «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки» (СПб.: Алетейя, 2022).

Очень ценными являются главы о режиме Виши – первое на русском языке объективное исследование его природы и характера. А.Н. Бурлаков давно и продуктивно занимается этой темой, поэтому читатель вправе ждать от него отдельной книги. Однако он преувеличил роль «морасианцев» в правительстве Виши (с. 180): влияние «Action française» было идейным, но не политическим или организационным. Характеристика Милиции (с. 178) получилась слишком скупой и прямолинейной, а эта организация, демонизированная противниками, прошла более сложный и трагический путь. Культ Петэна подпитывался «снизу» (с. 200), но насаждался и «сверху», впрочем, без принуждения и отражая «спрос на маршала». Назначение коллаборантов Ж. Дарнана, Ф. Анрио и М. Деа на министерские посты указами премьера П. Лавала без подписи главы государства не было «незаконным» (с. 180, 319), поскольку сам маршал дал ему такое право Конституционным актом № 12

от 17 ноября 1942 г. Конечно, отсутствие подписи маршала говорило о его отношении к новым назначениям.

Особого внимания заслуживают главы о Шарле де Голле – ученике и протеже маршала, предавшем учителя и благодетеля. Сусальноположительный образ де Голля столь же прочно внедрен в сознание, как и демонизированный образ Петэна, причем современные апологеты генерала, в отличие от авторов советского времени, ничем не сдерживают своих славословий. В одиночку – пока – противостоящая этому валу книга А.Н. Бурлакова положение вряд ли изменит, но уже нельзя делать вид, что ее нет. Нельзя делать вид, что русскому читателю недоступен массив информации, взрывающей нагромождение лжи и – повторюсь – восстанавливающей историческую справедливость. Ибо у автора «все ходы записаны», а отдельные уточнения можно сделать при переиздании книги, которое, уверен, понадобится уже скоро.

Сведения об авторе / About the author

Молодяков Василий Элинархович – кандидат исторических наук, PhD (социальные науки), доктор политических наук; ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва

Vasily E. Molodyakov – PhD in History; PhD in Social Sciences; Dr. Hab. in Political Science; Leading Research Fellow at the Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russian Federation

E-mail: dottore68@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы» – всероссийский междисциплинарный журнал, посвященный изучению актуальных проблем истории и политологии.

Постоянные рубрики журнала (появляются в конкретном номере по мере появления статей данной тематики):

- Отечественная история
- Всеобщая история
- Историография, источниковедение и методы исторического исследования
- История международных отношений и внешней политики
- Теория и философия политики, история и методология политической науки
- Политические институты, процессы и технологии
- Политическая культура и идеологии
- Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
- Политическая регионалистика. Этнополитика
- Конфликтология
- Документ с комментарием
- Критика. Библиография

Редакции журнала неинтересны материалы, основанные на компиляции давно известных фактов! Это не может считаться научной статьей!

Все присланные материалы проверяются при помощи программы «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна превышать 75%.

На любое утверждение (наблюдение, вывод или аргумент), опубликованное ранее, в рукописи должна быть соответствующая библиографическая ссылка.

Журнал строго следит за соблюдением следующих положений этики научных публикаций

Автор не должен публиковать рукопись, по большей части посвященную одному и тому же исследованию, более чем в одном журнале как оригинальную публикацию.

Представление одной и той же рукописи одновременно более чем в один журнал воспринимается как неэтичное поведение и неприемлемо.

Авторами публикации могут выступать только лица, которые внесли значительный вклад в формирование замысла работы, разработку, исполнение или интерпретацию представленного исследования. Все те, кто внес значительный вклад, должны быть обозначены как соавторы. В тех случаях, когда авторы желают отметить вклад других лиц, помогавших в проведении представленного исследования, они могут указать их в разделе «Благодарности».

Все соавторы должны одобрить окончательную версию работы и согласиться с представлением ее к публикации.

Рецензирование

Помогает членам редакционной коллегии принять решение о публикации и, при соответствующем взаимодействии с автором, также может помочь ему повысить качество работы. Таким образом, рецензирование – не просто инструмент отбора, но и средство, повышающее научный уровень статьи.

Рецензент определяет актуальность темы, четкость определения целей и задач исследования, обоснованность выбора методов исследования, структурированность материала, логику доказательной базы, убедительность, стиль изложения материала, обоснованность выводов и т.д. Отмечается также личный вклад автора в решение обозначенной проблемы, логичность и доступность изложения, корректность использования привлекаемых источников. Рецензент выявляет значимые опубликованные работы, соответствующие теме и не указанные автором. Рецензент также обращает внимание редакционной коллегии на обнаружение существенного сходства или совпадения между рассматриваемой рукописью и любой другой опубликованной работой, находящейся в сфере его научной компетенции.

Язык публикаций

Журнал принимает к рассмотрению и публикует материалы на русском и английском языках.

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС

ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2022.2

Сайт журнала: j-locus.ru

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 30.06.2022 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Liberation Serif».
Объем 10,25 п. л. Тираж 1000 экз.